

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024. Т. 15. № 4

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2024. Vol. 15. No. 4

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А.В. Лубков

К проблеме соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе второй половины XIX – начала XX в. 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.А. Леонтьев

«Человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова»: Польские проекты жандармского офицера А.Д. Васильева 1830–1832 гг. 27

Б.Б. Давыдов

Архивные документы о потомках Ивана Сусанина (по материалам Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации). 40

В.Ж. Цветков

Особенности формирования и основные приемы пропаганды аграрно-крестьянской политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака в 1919 г. 48

В.Н. Горлов

Советский архитектор и время: идеологизация аспектов архитектурных направлений в 1940–1950-х гг. 64

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

В.В. Бруз

Украинский национализм с середины 1930-х до начала 1960-х гг. 80

М.О. Елисеев

Идейно-политическое наследие голлизма и современный российский социальный консерватизм 93

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.О. Савченко

Внешнеполитический курс США
в отношении Иордании
в период администрации
президента Джо Байдена 104

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ

А.К. Полянина

Государственное управление
информационной безопасностью детей
vs принцип невмешательства
в дела семьи 123

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

A.V. Lubkov

On the problem of the relationship
between the imperial and the national
in the Russian public-state discourse
of the second half of the XIX –
beginning of the XX centuries 11

RUSSIAN HISTORY

A.A. Leontev

“An extremely harmful man,
but in the kindest sense of the word”:
Polish projects of gendarmerie officer
A.D. Vasilyev (1830–1832). 27

B.B. Davydov

Archival documents
on the descendants of Ivan Susanin
(based on the materials from the Russian State
Military Historical Archive
and the State Archive of the Russian Federation) 40

V.Z. Tsvetkov

Features of the formation and basic methods
of propaganda of the agrarian and peasant policy
of the Russian Government
of Admiral A.V. Kolchak in 1919 48

V.N. Gorlov

Soviet architect and time:
The ideologization of aspects of the architectural trends
of the 1940–1950’s 64

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

V.V. Bruz

Ukrainian nationalism
from the mid-30s to the early 60s XX century 80

M.O. Eliseev

Ideological and political heritage
of Gaullism and modern Russian
social conservatism 93

INTERNATIONAL RELATIONS:
HISTORY AND PRESENT DAY

E.O. Savchenko

The US foreign policy towards Jordan
under the President Joe Biden administration 104

STATE AND SOCIETY:
PROCESSES, TECHNOLOGIES, MANAGEMENT

A.K. Polyamina

State management of children’s information security
vs the principle of non-interference in family affairs. 123

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

УДК (323.1+37.035.4):94

А.В. Лубков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

К проблеме соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе второй половины XIX – начала XX в.

Проблема соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе отечественной истории сохраняет свою актуальность. Особенно остро эта проблема проявила себя в период Польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., напрямую связанных с проблемой возвращения Северо-Западного края в сферу влияния России и значимости решения вопроса о воссоздании условий для целостного развития единого русского народа. Во второй половине XIX в. общественными и государственными деятелями было предложено различные проекты строительства национального государства в соответствии с различным пониманием «русскости». Одни отстаивали сохранение целостности и неделимости единого унитарного государства и рассматривали формирование национально-культурной идентичности как надконфессиональной полиэтнической общегражданской нации. Другие акцент делали на религиозной и этнонациональной идентичности. Третьи предлагали варианты автономизации имперского пространства. В XIX в. в понимании «русскости» отсутствовал какой-либо стандарт. В XX в. целостность восприятия национально-культурного кода народа трансформируется в некие отдельные метаморфозы. Глубоким водоразделом подобного модифицирования для многих

© Лубков А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

представителей интеллектуальной элиты стали события 1917 г. Poleмичным в общественно-государственном дискурсе оставался вопрос о соотношении русской национально-культурной идентичности и гражданской идентичности, «русскости» и «советскости». Свою остроту и дискуссионность проблема удерживает и в исследовательском пространстве. Предложенное автором решение задачи внутреннего синтеза является своего рода продолжением начатой в российской исторической науке дискуссии (альманахом «Тетради по консерватизму». 2024. № 1) по проблеме соотношения «русскости» и «советскости», видоизменению или сохранению русскости в советский период. Вопрос, является ли все советское антирусским или, напротив, советское явилось продолжением «русскости», заслуживает пристального дальнейшего изучения, особенно ввиду разговора о формировании национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: русскость, духовно-культурная целостность, русское национальное самосознание, воспитание национально-культурной и гражданской идентичности

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Лубков А.В. К проблеме соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 11–26. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

A.V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On the problem of the relationship between the imperial and the national in the Russian public-state discourse of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries

The problem of the correlation of the imperial and national in the public-state discourse of the national history is still topical. This problem became

especially acute during the Polish uprisings of 1830–1831 and 1863–1864, directly connected with the problem of the return of the North-Western region to the sphere of Russia's influence and the importance of solving the issue of recreating conditions for the integral development of the united Russian people. In the second half of the XIX century, various projects for the construction of a nation-state were proposed by public and state figures in accordance with different understandings of "Russianness". Some advocated the preservation of the integrity and indivisibility of a single unitary state and considered the formation of national-cultural identity as a supra-confessional poly-ethnic all-citizen nation. Others emphasized religious and ethno-national identity. Still others offered variants of autonomisation of the imperial space. In the XIX century, there was no standard in the understanding of "Russianness". In the XX century, the integrity of the perception of the national-cultural code of the people is transformed into some separate metamorphoses. The events of 1917 became a deep watershed of such modification for many representatives of the intellectual elite. The issue of the correlation between Russian national and cultural identity and civil identity, "Russianness" and "Sovietness" remained polemical in the public and state discourse. The problem remains acute and debatable in the research space. The solution to the problem of internal synthesis proposed by the author is a kind of continuation of the discussion started in historical science on the problem of the correlation between "Russianness" and "Sovietness", the modification or preservation of Russianness in the Soviet period. The question, whether all Soviet is anti-Russian or, on the contrary, the Soviet was a continuation of "Russianness", deserves close further study, especially in view of the conversation about the formation of national-cultural identity.

Key words: Russianness, Russian national self-consciousness, education of national-cultural and civic identity, spiritual and cultural integrity

FOR CITATION: Lubkov A.V. On the problem of the relationship between the imperial and the national in the Russian public-state discourse of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 11–26. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

Проблема сохранения культурно-исторического кода в процессе развития государства и общества, сложного и противоречивого, с сопутствующими модернизационными переменами, так или иначе проявляет себя в самые различные эпохи отечественной истории, и дореволюционной, и советской, и современной. Тогда и сейчас высказываются разные, не только противоположные, но зачастую резко противоборствующие

позиции. Причины этого кроются во взаимосвязи подходов к формированию национально-культурной идентичности с вопросами национальной безопасности и благополучия в будущем.

Неслучайно в 1941 г. на Красной площади в словах вождя, обращавшегося к тем, кто уходил 7 ноября с парада на фронт, звучали имена героев Русской земли: Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Михаила Кутузова и Александра Суворова. В призыве Сталина соединялись эпохи и люди в нетленной памяти истории. Знамя великого Ленина на святом для каждого русского человека месте, каким остается Красная площадь, развевалось, как когда-то знамена великих русских полководцев осеняли головы солдат¹. Понятия «отечество», «родина», «патриотизм» из мира призраков дореволюционного царского прошлого возрождались в национальном сознании на твердом фундаменте исторических ценностей русского народа. Для новых поколений нашей молодежи определить свою национальную и гражданскую идентичность становится все труднее. Поэтому вопрос, кем станет молодой человек в жизни: боевиком «Правого сектора» или членом «Молодой гвардии», героем Краснодарского подполья, сохраняет остроту и актуальность для нас сегодня.

Вопросы воспитания национально-культурной идентичности не менее актуальными были и в XIX в. В контексте широкой социальной трансформации во второй половине XIX в. в борьбу за умы вступили самые разные общественные силы, используя весь арсенал средств. На публицистическом фронте разгорелась ожесточенная борьба за формирование и влияние на общественное сознание. Значимость печати в воздействии на общество прекрасно осознавалась в т.ч. и высшими сановниками, стремившимися привлечь авторитетнейшие органы печати к тесному сотрудничеству. Таковыми, например, стали «Московские ведомости» М.Н. Каткова, одна из самых популярных и читаемых газет, в отношении которой министр внутренних дел гр. П.А. Валуев и министр народного просвещения А.В. Головин предпринимали усилия превратить издание в проводник преимущественно правительственного мнения [9]. Газета сохранила свой голос влияния на широкую читательскую аудиторию, противодействуя, как и другое издание М.Н. Каткова – «Русский вестник», нигилистической традиции, что было крайне важно, т.к. общество на протяжении XIX в. было отмечено процессами развития русского национального самосознания. Это верно заметил П.Я. Чаадаев².

¹ Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. (1941–1945). Р.Н. Mc.Neal (ed.). Stanford, Cal., 1967. С. 35.

² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / отв. ред. З.А. Каменский. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 91–92.

«Выработка некой национальности в умах» означала не что иное, как становление и развитие общественно-государственного дискурса, затрагивавшего вопросы перспектив и судьбы России в качестве государства-цивилизации. Вопросы национальной безопасности страны стояли остро в 1830-е гг., что было связано не только с накатом революционных событий в Европе, показавшей всему миру, как легко летят головы с гильотины во имя справедливости, свободы, равенства и братства [5, с. 174–175], но и с событиями в Царстве Польском и в Северо-Западном крае.

Россия или Польша – таким образом звучала проблема в умах отдельных общественных деятелей. Ребром поставил проблему М.Н. Катков, т.к. вопрос о Польше был всегда и вопросом о России. Взаимоотношения между этими народностями были равнозначны вопросу жизни или смерти, поскольку независимая Польша не желала уживаться рядом с самостоятельной Россией, а поляку «недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет»³. Уступить польскому патриотизму, ярко себя проявившему в восстаниях 1830–1831 гг., а затем в 1863–1864 гг., означало, как утверждал М.Н. Катков, «подписать смертный приговор русскому народу»⁴.

В каком соотношении находится национализм с патриотизмом? Этот вопрос влечет за собой «польский вопрос», разрешение которого концентрировалось вокруг Белорусско-Литовского края, вновь обретенного Россией после разделов Речи Посполитой. Как справедливо отмечал А. Тойнби, угроза России со стороны Запада с XIII в. стала хронической [13, с. 214–215]. И только спустя многие столетия удалось возвратить отрезанные западными соседями русские земли. Хотя для некоторых «русских патриотов» эти земли и перестали ассоциироваться с русской историей, этнически они оставались плотно заселенными не только и не столько поляками и литовцами, но малороссами и белорусами.

Здесь во многом решалась судьба соперничающих русского и польского проектов строительства нации, а граница двух различных цивилизаций: западно-христианской (германо-романской) и восточно-христианской в лице русской православной цивилизации – прошла между братскими славянскими народами. Поэтому кардинальное значение имел февральский Полоцкий собор 1839 г., положивший начало восстановлению духовно-культурной целостности большого русского народа и этнической интеграции в него белорусов и малороссов, а также

³ Катков М.Н. Польский вопрос // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 185.

⁴ Там же. С. 190.

национальной самоидентификации белорусского народа. Эта была цивилизационная победа, вдохновленная кропотливыми начинаниями митрополита Иосифа (Семашко), возглавившего с конца 1820-х гг. процесс преодоления униатским богослужением обрядности и католических практик.

Отказ от Брестской унии и присоединение около 1607 прихождений и 1,5 млн верующих к православию знаменовал подрыв позиций полонизма и католицизма в Северо-Западном крае, представленном шестью губерниями: Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской. Начиная с 1869–1870 гг. первые три из упомянутых губерний сохранили наименование северо-западных губерний, а за Минской, Могилевской и Витебской губерниями утвердилось название «белорусских».

Возвращение в лоно мощной славянской христианской культуры, основанной на византийской православной традиции и кирилло-мефодиевском наследии, упразднение канонических результатов длительной польско-католической экспансии и прозелитизма шло сложно. Многие регламентирующие и ограничительные меры оставались подчас на бумаге в силу наличия в бюрократическом аппарате немалого числа поляков. Приоритетом имперской власти долго время оставалась лояльность цивилизационная, но не ассимиляция и внедрение русской национальной идентичности. Обсуждение Николаем I возможности перевода польского языка на кириллицу связано, по мнению исследователей, скорее, с надеждой утвердить среди поляков такую версию польской идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи и династии [7, с. 88]. Проект этот был возобновлен позже под началом товарища министра внутренних дел Н.А. Милютинина с участием филолога, балтиста С.П. Микуцкого и собирателя легенд и преданий А.Ф. Гильфердинга.

Ярко о векторе национальной политики свидетельствует и резолюция Александра II на записке митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) о губительных последствиях примирительной политики в отношении поляков и латинской пропаганды в Западном крае от 26 февраля 1859 г. Александр II писал: «Я не понимаю, чего он хочет, ибо никогда и речи не было и в мысли мои не входило отступить от принятой при батюшке системы, стараться о слиянии в западных губерниях польского элемента с русским, но без всяких явных гонений и преследования поляков. А что я католикам не потворствую, то это, кажется, довольно ясно доказано на деле» [цит. по: 6, с. 28]. Исследователи склонны видеть двойственность в политике Александра II и «фасадный характер» царских милостей, распространявшихся во второй половине

1850-х гг. на Польшу и Западный край. Проведение примирительного курса было возможно лишь в тех пределах, которые не затрагивали незыблемости монархического строя и неприкосновенности границ империи [6, с. 29].

Вместе с тем, в 1830-е гг. в общественно-государственном дискурсе появляется тезис, как бы мы его сегодня охарактеризовали, о «русскости». Благодаря трудам историков Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, в публицистике и гимназических учебниках утверждается мысль об «исконно русском» происхождении населения присоединенных к империи западных земель⁵. Эта мысль основательно разрабатывается в славянофильской доктрине. «Народность», которой так много уделяется внимание славянофилами, обязательно включает такой важный критерий идентичности, как вероисповедание. «“Русский” означает “православный”» – известный тезис, высказанный И.С. Аксаковым. Славянофилы наполняли понятие «русскость» качествами, выстраивающими образ славяно-русского народа. Достаточно много исследований посвящено этой теме. Причем абсолютно очевидным для всех является тот факт, что ключевое внимание в этом образе отдается культурным самобытным характеристикам.

Акцент на культурном своеобразии чрезвычайно важен в формировании ответа на поставленный нами вопрос о соотношении национализма и патриотизма. Не только в западной, но и в отечественной историографии распространен взгляд о взаимосвязи славянофильства и русского национализма [1; 8]. Между тем, понятия националистического и национального – разные. Есть огромная разница между национальным прочтением истории, характера, своеобразия народа и национальной нетерпимостью, стремлением к доминированию и навязыванию своего господства другим, к которым применяется политика унижения и самопревозношения. Необходимо различать национальных и националистических мыслителей, здоровое национальное начало и «мнимый» национализм. Нельзя не согласиться с исследователями, показывающими отличие национализма политического, нацеленного любой ценой к национальной государственности, и национализма культурного, направленного на сохранение национальной самобытности [4, с. 63–66]. В любом патриотизме звучит национальное, не бывает абстрактного патриотизма. Однако важно различать, что в корне этого патриотизма?

⁵ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб., 1842. С. VII, IX, 178–181, 189–191; Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 37–38; Погодин М.П. Русский заграничный сборник. Ч. 4, тетр. 2: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Берлин, 1860. С. 33–34, 63–65.

Здоровое или псевдонациональное начало? В этом плане показательна история польского «патриотизма» в отношении белорусско-литовских земель и народов, их населяющих. Латинство и польскость, этнический и цивилизационный стереотип поведения стали духовно-культурным ориентиром для порядка трех миллионов человек, проживавших на этой территории к концу XVIII в. Действительно, если Люблинская уния повергла белорусов и малороссов к ногам польских правителей, то Брестская уния отдала их в руки западных цивилизаторов⁶.

Уния, навязанная политическими методами, вела белорусов и малороссов к денационализации, выпадению из сферы влияния своей цивилизации, что подразумевало метаморфозы духовно-культурной самоидентификации. С конца XIV в. процесс этногенеза белорусов и малороссов оказался существенно искажен и заторможен. Отношение к вере, языку, культуре, социальному статусу не-поляка как к второсортному прочно и неискоренимо закрепилось на столетия. Враждебность, жесткий гнет и цивилизационное давление разрушали единство и цельность внутри этноса. Белорусы и малороссы фактически остались без своей культуuroобразующей элиты: элита тяготела к правам и привилегиям «аристократической веры», в связи с чем активно переходила в костел.

Элите принадлежит ключевая роль в формулировании жизненных смыслов и отстаивании сплывающих народ ценностей, что возлагает на нее определенную ответственность. Польская элита допустила три раздела Польши. Ее ряды формировались по образцу, неприемлемому для национального государства, что не ускользнуло от взоров и пера известного публициста. «Игралищем честолюбцев и иностранных интриг»⁷ называл М.Н. Катков польскую элиту. «Польская национальность держится только в шляхте и есть как бы душа, лишенная тела, но одержимая вожделием материализоваться...»⁸, – утверждал мыслитель.

Получается, что белорусы и малороссы были «обезглавлены», оставшись без элиты, а польская элита, наоборот, лишила себя своего народа. Феномен польского национализма в этом и заключается. Правдивая и беспристрастная польская история, как говорил М.П. Пого-

⁶ Романчук А. Воссоединение униатов и исторические судьбы белорусского народа. URL: <https://pravoslavie.ru/5276.html> (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. № 3–4. С. 490.

⁸ Катков М.Н. Национальная и антинациональная партия в России // Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2011. С. 417.

дин, «есть самая верная возница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей»: «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления»⁹. Поэтому закономерен и ответ на вопрос о мнимой или здоровой природе польского патриотизма. Недаром во время польских восстаний Катков указывал на идеологическую подоплеку вопроса: Россия или Польша. История лишенного цельности польского народа свидетельствует о том, что польская национальность – скорее, не этнографическая особенность, а «это целый мир воспоминаний и притязаний»¹⁰. Следовательно, «поднять эту национальность – значит поднять весь этот мир воспоминаний и притязаний»¹¹. Трудно не согласиться с этим мнением.

Патриотическая направленность полемики Каткова по «польскому вопросу» разделялась министром внутренних дел П.А. Валуевым¹², который в корне, однако, расходился с публицистом по вопросу об устройстве национальных окраин. Лже-либеральное направление Петербургских канцелярий и дух космополитизма либеральных чиновников, в т.ч. на местах, в свою очередь, постоянно были на острие критики Каткова, солидаризирующегося с жесткой политикой виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в проведении кампании по деполонизации после Польского восстания 1863–1864 гг.

Кампания предусматривала сокращение присутствия католической церкви в Северо-Западном крае, которая исторически здесь ассоциировалась со сформировавшейся польскостью. На эту приоритетную цель ориентировались разнообразные меры, в т.ч. по секуляризации церковной недвижимости католической церкви, упразднению опеки шляхты над приходами, усиленному финансированию строительства каменных православных храмов и реконструкции старых, обращенных в XVII–XVIII вв. в костелы и т.д. Например, только с января 1864 по март 1865 г. М.Н. Муравьев выделил из имевшихся в его распоряжении средств более 900 тыс. руб. на строительство православных храмов, что позволило построить 98 новых церквей и 63 часовни,

⁹ Погодин М.П. Русский заграничный сборник. Ч. 4, тетр. 2: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Берлин, 1860. С. 37.

¹⁰ Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства // Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2011. С. 192.

¹¹ Там же.

¹² М.Н. Катков и граф П.А. Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Т. 163. С. 279–300, 403–413.

отремонтировать 126 церквей и относящихся к ним строений, переделать в церкви 196 костелов и каплиц [6, с. 99]. Проблему национальной идентичности затрагивали и радикальные меры в Северо-Западном крае в отношении крестьян. Их освобождение было своего рода вызовом воззрениям шляхты на своих бывших крепостных как на принадлежность польской нации, потенциальных поляков [2, с. 168].

Кампания по деполонизации означала осмысление критериев русскости как таковой. Если одни, в лице прежде всего славянофилов, отождествляли «русскость» с православием, то другие, в лице М.Н. Каткова и некоторых его единомышленников, отстаивали взгляды о надконфессиональном идеале нации, который простирался далеко за рамки религиозной и этнонациональной идентичности. В XIX в. в понимании «русскости» отсутствовал какой-либо стандарт [12, с. 141]. Общественные взгляды на идеологическое отечество и национальный патриотизм, способы ассимиляции в Западном крае сигнализировали о сложности процесса кристаллизации национального самосознания.

Так, настойчивый противник русификации костела М.Н. Катков доказывал, что в обновленном реформами Российском государстве католик, говорящий по-русски, должен считаться равноправным с православным подданным. Другое дело, что католическая церковь в России олицетворяла у нас польскость, «дух завоевания», «огнем и мечом и католической пропагандой» распространяя польское владычество¹³.

М.Н. Катков стоял на позиции сохранения полиэтнического характера имперского социума как общегражданской нации. В понятие «русскость» он вкладывал не этническую или конфессиональную принадлежность, а преданность «нашему Отечеству, людей хотя бы и с иностранными именами, но русских по рождению, по языку, по образу мыслей, не принадлежащих, однако, к Православной Церкви»¹⁴. Речь шла о воспитании гражданской лояльности империи и выражении политического участия в делах своей страны. Неслучайно М.Н. Катков последовательно отстаивал вопрос о «представительстве» и политических правах для всех граждан России, вопрос устройства земств с деятельным участием выборных элементов и исключением бюрократических в обсуждении широкого круга местных нужд¹⁵.

¹³ Катков М.Н. Польский вопрос // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 190.

¹⁴ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 447.

¹⁵ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. № 3–4. С. 486–506.

Введение русского языка в дополнительное католическое богослужение при сохранении латинской литургии, замена польского языка русским в преподавании католического Закона Божьего в гимназиях, прогимназиях, уездных училищах и народных школах Северо-Западного края, пополнение клира католического духовенства неполяками, выселение лиц католического духовенства во внутренние губернии, Сибирь и другие меры политики обрусения имели неоднозначные последствия. В единый клубок противоречий здесь сплелись проблема отчуждения образованного общества от государства, слабая координация государственной политики и общественных инициатив в сфере русификации, слабый ассимиляторский потенциал русского общества в целом, административно-командные меры по воплощению ограничительной политики. Как следствие, в обществе распространялись и усиливались пропольские настроения, на окраинах наблюдался рост сепаратизма и национализма.

При этом, как отмечают историки, в последние два десятилетия XIX в. власти скорее решали на западных окраинах империи не наступательные русификаторские, а оборонительные задачи, вводя целый ряд ограничений на приобретение здесь земли не только поляками, но и немцами, а затем и любыми иностранными подданными [3, с. 33; 7, с. 73]. Здесь явно прослеживается тенденция, говоря современным языком, протекционизма и «импортозамещения». Лозунг «Россия для русских», обычно приписываемый Александру III или М.Д. Скобелеву, еще не означал «Россия только для русских» или «в угоду русским», а, напротив, возлагал на наш народ добровольно взятую ответственность за судьбу России и населяющих ее народов. «“Россия для русских и для всех народностей русского государства, которые органически сошлись с русским народом и считают Россию своим отечеством” – именно так раскрывался этот базовый постулат русских националистов начала XX в.» [3, с. 93]. Национал-либералы и национал-демократы несколько иначе, чем правые, понимали суть этого лозунга.

Что касается русификации костела, то в 1880-е гг. против этой политики активно выступали министр внутренних дел Д.А. Толстой и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, убеждавшие других высших администраторов в реальности угрозы «латинского» прозелитизма и в несоразмерности чаемых выгод степени политического риска при проведении этой меры [2, с. 278].

В общественно-государственном дискурсе второй половины XIX в. явно обозначились разнородные по сути и духу нациопроекты. Концепция полиэтнической государственности М.Н. Каткова в его трактовке означала сохранение целостности и неделимости единого унитарного государства в противовес автономизации имперского пространства

и усилению националистических тенденций¹⁶. Эта концепция вступала в жесткое противоборство с другой концепцией в общественно-государственном дискурсе, предлагавшей избавиться от «бунтующих» окраин во имя сохранения русско-украинско-белорусского ядра. В этом видели самосохранение и саморазвитие России как империи наши националисты, считавшие, что «каждый вполне определившийся народ, как например, финны, поляки, армяне и т.д., имели на *своих исторических территориях* (курсив М.О. Меньшикова. – А.Л.) все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения»¹⁷.

Вопрос о «сближении разнородных элементов» – вот на что должны быть направлены действительно усилия государства и общества, по мнению Каткова. И гораздо важнее, «чтобы человек исповедовал какую-нибудь веру, чем оставался без всякой веры или, как наши нигилисты, полагал свою религию в духе отрицания и с бессмысленным фанатизмом служил этому божеству»¹⁸.

XIX в. стал свидетелем раскола русской элиты: одни стали проводниками имперского сознания, другие – секулярного, нигилистического. Каждый по-своему понимал свободу личности: одни как преданность Отечеству и ответственность перед ним с определенными обязанностями, другие – как борьбу против государства и традиций, опрокидывая многовековой русский государственный проект. И.С. Аксаков писал: «Половина общества так воспользовалась предоставленной ему от правительства свободой, что живет за границей и воспитывает там своих детей; наши будущие русские деятели готовятся не только вдали от России, но в атмосфере ей чуждой и враждебной, под воздействием иных просветительских начал, с детства усваивают себе точку зрения, с которой менее всего понятна Россия. Те же, которые воспитываются дома, в России, в общественных заведениях, относятся отрицательно ко всему, что дорого и свято русскому народу: кроме чиновников и нигилистов, ничего не создает наше общественное воспитание»¹⁹.

Нигилизм опасен своим отношением к собственной истории и культуре, разделяя эпохи, людей, вождей, традиции и т.д. на «белое» и «черное». Единая ткань истории рвется, и целостность восприятия национально-культурного кода народа трансформируется в некие отдельные

¹⁶ Катков М.Н. Письмо к Александру III февраль 1884 г. // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климако; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 730.

¹⁷ Меньшиков М.О. Из писем к ближним / вступ. ст. М.Б. Поспелова. М., 1991. С. 175.

¹⁸ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 449.

¹⁹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / сост. и коммент. С. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 278.

метаморфозы. Глубоким водоразделом подобного модифицирования для многих представителей интеллектуальной элиты стали события 1917 г. Разделение на Россию национальную и Советский Союз, вдохновляемый большевиками, которые оценивались в качестве «внутреннего вампира»²⁰, утверждало две отличные друг от друга истории одного народа.

Полемичным в общественно-государственном дискурсе оставался вопрос о соотношении русской национально-культурной идентичности и гражданской идентичности, о «советскости» и «русскости». Свою актуальность проблема сохраняет и сегодня, в т.ч. и в исследовательском поле. Важное значение имеет «работа по “сшиванию” всех этапов отечественной истории в единое целое, предполагающая снятие конфликта между “советским” и “русским” хотя бы на идеологическом уровне» [10, с. 12]. Эта работа исключительно ключевая в вопросе формирования национально-культурной идентичности и поколенческих решений. Поэтому появление в публичном дискурсе исследований, посвященных ключевой комплексной проблеме понимания «русскости» в национально-культурной идентичности, взаимопроникновению русского и советского, можно считать, несомненно, достижением современной историографии²¹.

Отметим, что в XIX в. И.С. Аксаков высказал мысль о том, что «нет государства без господствующей народности»²², русский народ является стержнем российской государственности. В 30-х гг. XX в. эта мысль, по сути, воплощается в новом нациопроекте, предложенным Сталиным и отличным, например, от бухаринского «национального большевизма». Вокруг русского народа сплотить новую общность советских людей было легче, чем на его отрицании. Главной ценностью в сталинском нациопроекте выступало осмысление исторического прошлого русского народа, сплоченного на понятиях «отечество», «родина», «патриотизм». Неслучайно в 1930-е гг. история как предмет и наука возвращается в школы и вузы, а интеллектуальная элита озадачивается подготовкой нового школьного учебника по отечественной истории. Социалистическая историческая общность людей под названием «советский народ» осмысливается как результат многовекового объединения отдельных групп наций, что не позволяет отрицать национальные традиции и ценности

²⁰ Ильин И.А. Пути России. М., 2007. С. 265; Ильин И.А. Кому принадлежит наша лояльность. 18 мая 1948 г. // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1 / сост., предисл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 2008. С. 47–48; Ильин И.А. Как русские люди превращаются в советских патриотов? 3 сентября 1948 г. // Там же. С. 79–81.

²¹ См., например, альманах «Тетради по консерватизму» (2024. № 1). Тема номера: «Русское и советское: взаимоисключающее тождество?».

²² Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. Хрестоматия / сост. И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; под ред. А.А. Ширинянца. М., 2012. С. 58–65.

народов, но выступает объективной необходимостью и условием единства многонациональной Руси. На этом фундаменте воспитывалось национальное сознание юного поколения, которое проявило себя в итоге мощным национальным фактором в противостоянии СССР гитлеровской агрессии в годы самой беспощадной войны в истории человечества.

Фундаментальные основы своей идентичности, верность культурному коду и духовно-нравственным традициям скрепляют государство-цивилизацию. «Русскость» и «советскость» – понятия скорее взаимодополняющие, нежели противостоящие друг другу, поскольку обращены к качественным характеристикам русского народа. В иерархии духовных ценностей его превалировали идея братского славянского единения, «мир» и «соборность», чуждость религиозной и этнической нетерпимости, способность к вживанию в чужие этносы, доставшаяся от славян, что приводило к ассимиляции не русскими, а русских.

Жертвенность и готовность отдать жизнь за других, что особенно ярко выразилось в Великую Отечественную войну, стремление к справедливости, как верно замечают исследователи, «способно поделиться последним со страдающим ближним (не обязательно близким!)» [11, с. 39]. Хотя, действительно, квинтэссенция справедливости в выстраиваемом советском обществе вставала в дисгармонию с христианским пониманием, невозможным без милости и прощения. Нельзя не согласиться, что «советские экономические ценности – по большей части ценности коллективного блага и нестяжательства» [14, с. 46]. Преваляющей в общественном сознании и русского подданного на протяжении веков и, в т.ч. в советское время, оставалась ценность государства. Советский Союз, действительно, стал наследником русской идеи как социально-аксиологической доктрины государства – носителя высших смыслов, гаранта справедливости и гармоничного взаимодействия индивидуального и социального.

Все это сильно отличалось от качества духовной составляющей западных империй, например, от английского присутствия в Индии²³. Даже в Сибири, куда устремились потоки малороссов и белорусов после ликвидации унии в 1839 г., все три русских народа жили рядом. При заселении переселенческих участков не делалось различия по этническому признаку. Поэтому межэтнических браков между русскими и украинцами или белорусами было гораздо больше, чем на их этнической родине, как показывают исследования крупнейшего историка-аграрника В.Г. Тюкавкина. К моменту переписей 1926 и 1939 г. значительное число украинцев называли родным языком русский [15, с. 57].

²³ Аксаков И.С. Наши нравственные отношения с Польшей // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / сост. и коммент. С. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 285.

Наша перманентная модернизация в разных ее вариантах – дореволюционная, столыпинская, сталинская – все время задавала некий вектор идентичности. И мы по-своему в него встраивались. Поэтому важно сегодня быть верными историческому прошлому своего Отечества и противостоять радикальному разрыву с традицией, чтобы на традиционном историческом фундаменте продолжать формировать национально-культурную и гражданскую идентичность личности.

Библиографический список / References

1. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. [Valitsky A. V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofilstva [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow, 2019.]
2. Западные окраины Российской империи. М., 2007. [Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii [Western suburbs of the Russian Empire]. Moscow, 2007.]
3. Иванов А.А. Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. М., 2016. [Ivanov A.A. Vyzov nacionalizma. Lozung «Rossiya dlya russkih» v dorevolucionnoj obshchestvennoj mysli [The challenge of nationalism. The slogan “Russia for Russians” in pre-revolutionary public thought]. Moscow, 2016.]
4. Иванов А.А. Православная церковь и русский национализм во второй половине XIX – начале XX в. // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 60–83. [Ivanov A.A. Orthodox Church and Russian nationalism in the second half of XIX – beginning of XX century. *Orthodoxy*. 2021. No. 4. Pp. 60–83. (In Rus.)]
5. Киселев А.Ф., Лубков А.В. Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от античности до наших дней. М., 2020. [Kiselev A.F., Lubkov A.V. Chelovek v zerkale stoletij. Poiski idealov lichnosti ot antichnosti do nashih dnei [Man in the Mirror of Centuries. The search for personal ideals from antiquity to the present day]. Moscow, 2020.]
6. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. [Komzolova A.A. Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v epohu Velikih reform [The policy of autocracy in the North-Western Territory in the era of the Great Reforms]. Moscow, 2005.]
7. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. [Miller A.I. Imperiya Romanovyh i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and nationalism: Essays on the methodology of historical research]. Moscow, 2008.]
8. Нарезный А.И. И.С. Аксаков о «качественной силе» русского народа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 5. № 3. С. 755–795. [Narezny A.I. I.S. Aksakov on the “qualitative strength” of the Russian people. *Historia provinciae*. 2022. Vol. 5. No. 3. Pp. 755–795. (In Rus.)]
9. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? //

- Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4. С. 163–179. [Perevalova E.V. M.N. Katkov's "Moscow Vedomosti" in 1863–1864 – political officialization or an organ of independent public opinion? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015. No. 4. Pp. 163–179. (In Rus.)]
10. Поляков Л.В. Слово к читателю // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 11–12. [Polyakov L.V. Word to the reader. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 11–12. (In Rus.)]
 11. Пущаев Ю.В. Одна или три страны? О преемственности и разрывах в русской истории // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 34–41. [Pushchaev Yu.V. One or three countries? On continuity and ruptures in Russian history. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 34–41. (In Rus.)]
 12. Радченко А.А. Славянофилы об «Обрусении» Северо-Западного края Российской империи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 140–145. [Radchenko A.A. Slavophiles about "Obrusenie" of the North-West territory of the Russian Empire. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010. No. 13 (84). Issue 15. Pp. 140–145. (In Rus.)]
 13. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: сборник / пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. М., 2022. [Toynbee A. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization on trial]. I.E. Kiseleva, M.F. Nosova (transl. from English). Moscow, 2022.]
 14. Тяпин И.Н. Русское и советское в цивилизационном пространстве России как основания национально-имперской синергии // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 42–48. [Tyapin I.N. Russian and Soviet in the civilizational space of Russia as bases of national-imperial synergy. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 42–48. (In Rus.)]
 15. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. [Tyukavkin V.G. *Velikorusское krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 15.07.2024, принята к публикации 04.09.2024

The article was received on 15.07.2024, accepted for publication 04.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования; ректор, Московский педагогический государственный университет

Alexey V. Lubkov – Dr. Hab. (History), Academician of the Russian Academy of Education; Rector, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.lubkov@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

УДК 929

А.А. Леонтьев

Независимый исследователь,
101000 г. Москва, Российская Федерация

«Человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова»: Польские проекты жандармского офицера А.Д. Васильева 1830–1832 гг.

Статья посвящена анализу основных идей и предложений штабс-капитана А.Д. Васильева, высказанных им в связи с польским восстанием в записках на высочайшее имя в 1830 и 1832 гг., т.е. непосредственно перед зачислением в Корпус жандармов. Приводятся ранее неизвестные факты его биографии, а также характеристика, данная ему в 1843 г. шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом. Актуальность данного исследования обусловлена ростом интереса к должности жандармского штаб-офицера, наблюдаемом в отечественной историографии. Записки Васильева позволили изучить его представления о политике, истории, государственной идеологии. Предложенные им меры по решению польского вопроса представлены в контексте официальной позиции III Отделения и мнения Николая I. Представленный в статье материал демонстрирует сходство историко-политических взглядов Васильева и Николая I, с одной стороны, а также схожесть методов описания общества через сословно-этнический подход, используемый Васильевым и чиновниками III Отделения, – с другой. Проведенное исследование позволяет заключить, что идеологическое соответствие Васильева и его проектная активность, благодаря которым

© Леонтьев А.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

он получил приглашение в Корпус жандармов, были недостаточны для того, чтобы заслужить отличную репутацию в глазах начальства. Впоследствии Бенкендорф отзывался о нем как о «вредном» человеке, которому не стоит доверять серьезные поручения.

Ключевые слова: III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, Корпус жандармов, Польское восстание 1830–1831 гг., А.Д. Васильев, А.Х. Бенкендорф

Благодарности. Статья подготовлена на базе Института российской истории РАН в рамках научного проекта «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемого за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576/>.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Леонтьев А.А. «Человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова»: Польские проекты жандармского офицера А.Д. Васильева 1830–1832 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 27–39. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

A.A. Leontev

Independent researcher,
Moscow, 101000, Russian Federation

“An extremely harmful man, but in the kindest sense of the word”: Polish projects of gendarmerie officer A.D. Vasilyev (1830–1832)

This article is dedicated to the analysis of the main ideas and proposals regarding the November Uprising put forward by Staff Captain A.D. Vasilyev in his notes addressed to Nicholas I in 1830 and 1832, i.e., immediately before his enlistment into the Gendarme Corps. Previously unknown facts from his biography are presented, as well as a characterization given to him in 1843 by the Chief of Gendarmes, A.Kh. Benckendorff. The relevance of this study is due to the growing interest in the position of gendarmerie staff officer

observed in Russian historiography. Vasilyev's notes allowed us to examine his views on politics, history, and state ideology. The measures he proposed to keep Poland in tranquility are presented in the context of the official position of the Third Department and the personal opinion of Nicholas I. The material presented in the article demonstrates the similarity between the historical and political views of Vasilyev and Nicholas I on one hand, and the similarity of methods for describing society through a class-ethnic approach used by Vasilyev and officials of the Third Department on the other. The conducted research leads to the conclusion that Vasilyev's ideological rigor and project activity, which earned him an invitation to the Gendarme Corps, were insufficient to gain an excellent reputation in the eyes of his superiors: subsequently, Benckendorff described him as a "harmful" person who should not be entrusted with serious assignments.

Key words: the Third Department of His Imperial Majesty's Chancellery, Corps of gendarmes, A.D. Vasilyev, A.Kh. Benckendorff, the November Uprising in Poland (1830–1831)

Благодарности. The article was prepared on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project "Representations of gendarmerie officers about Russia in the pre-Reform era", carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No.23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576/>

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Leontev A.A. "An extremely harmful man, but in the kindest sense of the word": Polish projects of gendarmerie officer A.D. Vasilyev (1830–1832). *Locus People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 27–39. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

В результате реформы высшей полиции¹ начала царствования императора Николая I в России были учреждены III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии и Корпус жандармов. С учреждением Корпуса высшая полиция впервые получила постоянные подразделения за пределами двух столиц [11, с. 30–35]. К началу 1830-х гг. в каждой губернии европейской России имелось жандармское управление, во главе которого стоял штаб-офицер. Эти чины снабжали III Отделение информацией по предметам высшей полиции и исполняли специальные поручения, в т.ч. привлекались к участию в губернских следственных комиссиях, служили комендантами на ярмарках, находились при рекрутских

¹ В данном тексте понятия «высшая полиция», «наблюдательная полиция» и «политическая полиция» употребляются в качестве синонимов в соответствии с доминирующей историографической традицией. Все три понятия отсылают к деятельности III Отделения.

наборах [11, с. 308–314]. Новая должность не имела аналогов ни в российской, ни в европейской практике; так, во Франции задачи «наблюдательной полиции» выполняли губернаторы и комиссары полиции [7]. Деликатный характер задач штаб-офицеров, их значительная самостоятельность и обилие нестандартных поручений диктовали особые требования к кандидатам на эту должность. От них ожидалось умение входить в доверие, поддерживать хорошие отношения с местными чиновниками и дворянством, а главное – анализировать ситуацию и составлять четкие донесения обо всех событиях, которые, по их мнению, могут заинтересовать начальство, при необходимости – высказывать общие соображения о положении дел в губернии [1, с. 158–162]. На данный момент формальные стороны службы штаб-офицеров – полномочия, секретные инструкции – относительно хорошо изучены [1; 2; 4; 11]; однако их система мировоззрения, идеологические убеждения почти не рассматривались в историографии.

Начало николаевского правления можно назвать эпохой записок и проектов, когда многие стремились представить на высочайшее рассмотрение идеи различных преобразований и, тем самым, способствовать развитию собственной карьеры. Среди жандармов в этом особенно отличился Александр Дмитриевич Васильев, за годы службы написавший не менее десяти различных проектов. Его главный и самый объемный труд – «Изложение нравственного состояния всех сословий России» – был частично опубликован в 1973 г. Т.Г. Деревниной, которая впервые кратко изложила его удивительную биографию [6]. Васильев также оказывался в центре внимания исследователей в связи с его конфликтом с управляющим III Отделением и начальником штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельтом [13]. В данной статье мы подробнее разберем первые две всеподданнейшие записки Васильева (1830 и 1832 гг.), посвященные польскому вопросу: выделим его основные социально-политические взгляды и, где возможно, сравним с подходами Николая I и первого шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа.

Васильев родился в 1801 или 1802 г. в дворянской семье Псковской губернии, был выпущен из дворянского полка прапорщиком в 1821 г.² В 1827 г. он перевелся из Учебного карабинерного полка в Ревельский пехотный полк, где к концу 1830 г. дослужился до чина штабс-капитана. Свою первую записку на высочайшее имя он подал анонимно через Комиссию прошений 19 декабря 1830 г. перед тем, как отбыл к своему полку, который вскоре был отправлен на подавление польского

² Наиболее поздний вариант формулярного списка (1859 г.): Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов). Оп. 2. Д. 1578. 25 л.

восстания. Сочинение, озаглавленное «О непремении и необходимости кровавой войны в Польше и о многом в России», обратило на себя внимание Николая I, который поручил Бенкендорфу собрать справки «о службе и нравственности» Васильева и рассмотреть возможность зачислить его в Корпус жандармов³. Тем временем Васильев принимал участие в боевых действиях, при штурме Варшавы в 1831 г. получил серьезные ранения: контузию головы и раздробление двух ребер картечью, из-за чего «лишился навсегда свободного употребления левой руки»⁴. Проведя год на лечении в госпитале в пригороде Варшавы, находясь уже в чине капитана и получив несколько военных наград, Васильев собрал сведения для новой записки, которую также подал в Комиссию прошений по возвращению в Петербург в мае 1832 г. Более основательный и конкретный, этот проект был поделен на две части, посвященные Польше и Литве. Цель проекта заключалась в том, чтобы убедить самодержца, что его автор имеет хорошее представление о польских делах, а также обладает необходимыми способностями для того, чтобы занять место варшавского полицмейстера⁵. Столь ответственную должность капитану пехотного полка не доверили, однако официально предложили перейти в Корпус жандармов с назначением состоять при шефе по особым поручениям.

Васильев дал согласие и до 1853 г. служил в Корпусе. За это время он побывал в должности адъютанта Тифлисского жандармского штаб-офицера, штаб-офицера в Енисейской и Томской губерниях, выполнил несколько специальных поручений Бенкендорфа. В течение всей службы и даже после ухода в отставку (год его смерти остается неизвестен) Васильев находился в трудном финансовом положении, из-за чего неоднократно просил начальство о материальной помощи, а после отставки – еще и о достойно оплачиваемом месте⁶. В 1843 г. Васильев даже подал прошение о переводе в штатскую службу, мотивируя это тем, что Бенкендорф не давал ему важных поручений и трижды отказывался представить на высочайшее рассмотрение просьбу о «вспоможении»⁷. Васильев даже высказывал претензии лично Бенкендорфу: «Ваше сиятельство, – писал он тогда же, – некогда обещали мне составить мой карьер, и что я ничего не потеряю службой в Корпусе; я не заслужил

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 1081. Л. 21.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2а. Д. 208. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1578. Л. 19.

⁷ Там же. Д. 1081. Л. 3.

этого, и мое честолюбие разорвано вполне»⁸. Последнее упоминание Васильева в делопроизводстве III Отделения связано с его попытками добиться разрешения на издание журнала и получить очередную сумму от монарха. 28 июня 1866 г. шеф жандармов П.А. Шувалов согласовал просьбу Васильева о высочайшем вспомоществовании в 500 руб., однако 12 июля по какой-то причине отменил запрос за «отсутствием надобности». Возможно, это связано с кончиной Васильева, который в это время, по сведениям III Отделения, «проведя без малейшей помощи 3 недели в госпитале, вернулся на свою квартиру»⁹.

Первые два сочинения Васильева, как уже было отмечено, были посвящены польскому вопросу. С началом ноябрьского восстания 1830 г. стало очевидно, что сохранение прежнего курса, принятого Александром I, который предоставил Польше значительную автономию и экономические выгоды, больше не представлялось возможным¹⁰. Пока Николай I и его ближайшие советники разрабатывали новую концепцию управления Польшей и размышляли о причинах восстания, тем же занимался штабс-капитан Васильев. «От разрешения дела Польши, – писал он в первой записке, – разрешится вопрос: останется ли Россия неприкосновенной державой как утес скалы посреди бурного океана»¹¹. Схожая оценка возможных последствий мятежа была дана Бенкендорфом в переписке с великим князем Константином Павловичем. Шеф жандармов опасался, что «мятежный дух» перекинется на остальную Россию, и уверял великого князя, что «здесь (в России. – А.Л.) мы стараемся принимать всевозможные меры предосторожности против распространения этого нравственного недуга, заражающего молодые умы в Европе. <...> С ним следует бороться до последней крайности, но без притеснений, вооружившись лишь справедливостью и силою. <...> Этот пример, быть может, приостановит распадение общественного строя»¹².

В своей записке Васильев активно прибегал к аргументации литературно-исторического характера. Эту нарративную черту можно обнаружить и в прочих его сочинениях. Критикуя чрезмерную мягкость

⁸ Государственный архив Российской Федерации Ф. 110. Оп. 2. Д. 1081. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 109. Оп. 28. Д. 93. Л. 125–134.

¹⁰ По словам Е.М. Болтуновой, Александр I в делах Польши и вовсе «стремился дистанцироваться от российской патриотической риторики и православного контекста. В значительной мере его установки совпадали с польским политическим и историческим нарративами» [4, с. 274].

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 5.

¹² Письма графа А.Х. Бенкендорфа к великому князю Константину Павловичу // Русский архив. 1885. № 1. С. 34.

александровской политики, он писал: «В варварские времена покоренные области делались полной добычей каждого из воинов победительной армии, религия истреблялась или подвергалась гонению, а законы совершенно уничтожались; поверженные не имели охранительных прав, их законы были воля иноплеменных. Прошли сии времена, люди смягчились в нравах и, ужаснувшись деяний своих предков, захотели безрасчетно играть роль слишком великодушных, и вместо того, чтобы отречься только от ужасных сцен человекоунижения, подпали другому злу: слабости; к тому же, желая облегчить себе будущие завоевания, наделали ошибок государственных и, переступив середину настоящих прав и обязанностей к побежденным, потеряли тем средство удерживать их в вечном подданстве»¹³.

Жесткая позиция Васильева несколько предвосхищала общую тенденцию николаевских манифестов. Николай I стал напрямую именовать поляков «побежденными» русским оружием только после того, как польский сейм произвел его детронизацию 25 января 1831 г., что и послужило поводом к началу полномасштабных военных действий [5, с. 472]. Пока российская армия переходила границу Польского королевства, в одной из частных записок, отправленных И.Ф. Паскевичу, Николай так размышлял о недавнем прошлом: «Бог благословил наше святое дело, и наши войска завоевали Польшу. Это – неоспоримый факт. В 1815 году Польша была отдана России по праву завоевания» [14, с. 344]. Нарративная логика Васильева совпала с императорской. Учитывая, как высоко записка Васильева была оценена лично Николаем, мы убеждаемся, что уже в декабре 1830 г. по отношению к Польше «все ранее непроговариваемое стало не просто разрешенным, а максимально востребованным» [5, с. 464].

Васильев был убежден, что послабления к захваченному народу – разрешение сохранить свою армию, законы, веру – есть основные причины восстания. После подавления восстания он предлагал расквартировать в Польше русские полки, а польские – распределить по отдаленным российским губерниям. Общеимперские законы должны были в полной мере действовать на территории Польши. В своем экзальтированном патриотическом порыве Васильев намекал, что Николай I может рассчитывать на единодушную поддержку своего народа и при необходимости отстоять свою власть в Польше против объединенной Европы: «Дух, одушевлявший милицию и ополчение, хотя последнее не было ничем

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 5 об.

награждено¹⁴, не угас еще в Россиянах, и, соединясь с лучшим образованием, передаст Ваши законы всей Европе»¹⁵.

Такая позиция разделялась многими русскими современниками. В «Картине общественного мнения в 1830 г.»¹⁶ императору сообщалось о мнении «неумолимых русских патриотов, желающих суворовской резни, уничтожения конституции, разделения королевства на русские провинции и раздачи имений участников восстания и староств генералам и другим русским чиновникам» [цит. по: 12, с. 70]. Хотя эта позиция, в противовес либеральной, прямо не осуждалась, по выбору выражений («суворовская резня») можно полагать, что шеф жандармов относился к ней скептически, придерживаясь более умеренных взглядов.

Саму Польшу Васильев считает «истинно несчастной страной, вечно подверженной вулканическим извержениям междоусобия и всегдашней добычей разорительности войны; только с 1814 года по 1830-й под охранительной сенью мощной России она отдохнула от ужасов истребления, и ее плодородная земля, ее богатые паствы и выгодное географическое положение быстро покрыли цветом торговли и промышленности повсеместные признаки прежних неустойчивостей»¹⁷. С одной стороны, поэтичность слога в этом идеологически окрашенном фрагменте резонно вызывает сомнения в справедливости суждения. Однако исследователи действительно указывали на рост производства, торговли и численности населения Царства Польского в 1810–1830 гг., а также на значительные инвестиции и преференции по отношению к польской экономике со стороны Петербурга [5, с. 304–319; 9, с. 223; 10, с. 176]. Мысль о польском благоденствии под скипетром Романовых не нуждалась в «угадывании»: она уже высказывалась в манифесте 12 декабря 1830 г. (т.е. за неделю до подачи Васильевым первой записки) «О возмущении, происшедшем в Варшаве», с которым он, разумеется, был знаком¹⁸.

В польско-литовской записке 1832 г. Васильев разделил польский народ на две партии: про- и антирусскую. К первой он относит средних помещиков, «селян (мешканцев)», купцов, поселения немцев

¹⁴ Имеется в виду народное ополчение Смутного времени. Исторические аналогии были популярным риторическим аргументом и инструментом символического конструирования, применявшимся как польскими, так и русскими патриотами в 1830-е гг. См: [4, с. 404–440].

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 7.

¹⁶ Ежегодный аналитический документ, представляемый монарху III Отделением. Подробнее см.: [11].

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 208. Л. 20.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. V. С. 485. № 4183.

и россиян. Ко второй – «богатейших панов», офицеров и юнкеров, духовенство, «дробную шляхту», а также «всех бездомных и праздных людей». Подобное разделение мнений, производимое по сословно-этническому принципу, было характерно и для делопроизводственных документов III Отделения. В «обозрении» за 1832 г. высказывался схожий взгляд, защищавший «простой народ, увлеченный в беспорядки не по собственному произволу, <...> довольный, что может беспрепятственно обращаться в домашних и хозяйственных своих занятиях», и называвший дворянство и католическое духовенство классами, которые «не смогут забыть и, конечно, долгое время еще не покинут преступной мечты своей освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу» [цит. по: 12, с. 88].

В записке 1832 г. Васильев предлагает провести изменения в самых разных областях управления Польши: в системе образования, цензуре, военной службе. Однако самые примечательные его предложения (которые, забегая вперед, будут позже использованы против него) касаются символического утверждения русского национализма. Васильев был серьезно обеспокоен вредным, как ему виделось, влиянием иностранцев (европейцев) и их культуры как на территории России, так и в Царстве Польском. Его национальная гордость уязвлялась модой городских заведений и торговых лавок делать вывески на иностранных языках, а также любыми иными попытками подражать иностранцам. «Поляки, – писал он в записке, – сохранили более петербургских жителей народность, во всех их обычаях можно найти что-нибудь собственное; но общий дух подражания французам, желание подделаться под их нравственность и даже носить по наружности и по душе личину настоящего француза издавна схватил уже умы поляков»¹⁹. По этой же причине ему нравилось слово «воеводство», которое, в отличие от иностранного «губерния», было своим, русским²⁰.

Васильев указывал на необходимость уничтожения символов политической идентичности поляков и литовцев, по его выражению, следовало «переменить некоторые наружные знаки отчуждения»: «гербы воеводств вместо общего белого орла восстановить собственные, или с помещением их меж крыл орла России, <...> отменить разность в казенных красках. <...>. Тогда народ привыкнет видеть себя в составе России»²¹. Апогеем приверженности Васильева русскому языку можно считать его предложение, высказанное еще в первой записке: по аналогии

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 208. Л. 39.

²⁰ Там же. Л. 26.

²¹ Там же. Л. 27.

с немецкой приставкой «фон» называть российских аристократов «Росс»: т.е. «князь Росс Волконский, граф Росс Дибич» и т.д.²²

Несмотря на то, что многие взгляды Васильева по польскому вопросу были явно близки Николаю, а сам тип мышления соответствовал стандартам чиновника «высшей полиции», карьера Васильева в Корпусе жандармов сложилась не так, как он рассчитывал. Как ни странно, именно записки, которые привлекли внимание верховной власти и обеспечили ему поступление в жандармы, в конечном счете стали причиной его отчуждения и репутационного краха. Выше уже упоминалось, что в декабре 1843 г. Васильев демонстративно подал прошение о переводе на гражданскую службу, поскольку не получал от шефа важных поручений. После этого он отправился просить места к министру внутренних дел Л.А. Перовскому, о чем Бенкендорфу стало известно. В секретной записке шеф жандармов предостерегал Перовского насчет своего подопечного. Давние предложения Васильева по усилению русского языка – борьба с иностранными вывесками, идеи с приставкой «Росс» – были охарактеризованы как одиозные и практически высмеяны. «Но не столько сии странности обратили тогда внимание на Васильева, – продолжал Бенкендорф, – сколько то, что донесение его выказывало необыкновенную пылкость характера и чрезмерное самолюбие сочинителя, так что в то время признано было необходимым взять его на замечание: ибо человек с такими качествами может сделаться даже опасным для общества»²³.

В 1832 г. Николай I повелел Бенкендорфу взять Васильева под свое начальство, «иметь над ним личное наблюдение». Это объясняет, почему до самой смерти Бенкендорфа Васильев, даже находясь в должности губернского штаб-офицера, числился при шефе для особых поручений. Собственно характеристика Васильева со стороны его начальника была убийственной: «Васильев, приобретший себе известность отличного и чрезвычайно храброго офицера в военное время, всегда был человеком в высшей степени честным, бескорыстным и пламенно приверженным к престолу и отечеству. Но чувство чести и долга соединены в нем с такой пылкостью, что он в действиях своих всегда переходил за пределы надлежащей меры, а ум его видит вещи большей частью с ложной точки зрения и часто в совершенно превратном виде. От этого ни одно из поручений, которые я возлагал на него и из коих многие были весьма

²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 8.

²³ Там же. Д. 1081. Л. 30–34.

важные²⁴, не только не исполнял он с желаемым успехом, но запутывал дела так, что весьма трудно было исправить оные, и нередко поставлял меня самого в неприятное положение. Не могу лучше выразить перед Вашим Высокопревосходительством характера Васильева, как сказав, что он есть человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова. <...> Штаб-офицер сей, по убеждению моему, не только не принесет пользы службой в Высочайше вверенном Вам Министерстве, но будет вреден и может Вас самих вводить в затруднительное и неприятное положение»²⁵.

Случай жандармского штаб-офицера Васильева, безусловно, специфический. Он демонстрирует, как честолюбивый и амбициозный офицер в 1830-е гг. мог получить приглашение в Корпус жандармов без какой-либо протекции, исключительно благодаря умению изложить свои взгляды и, конечно, доле везения. Во многих отношениях первый проект Васильева резонировал с высочайшим мнением – и Николай I это оценил. Осознав успешность своего метода, Васильев пытался вновь привлечь к себе внимание уже опробованным путем, однако в дальнейшем ни один его проект не был отмечен наградой или новым назначением. Секретная записка Бенкендорфа к Перовскому открывает нам истинное его положение в Корпусе. Лояльность престолу и бескорыстная служба – обязательные требования к жандармскому штаб-офицеру, но без точного понимания границ своей власти, понимания методов исполнения задач, умения порождать взвешенные суждения Васильеву было тяжело угодить начальству и считаться за образцового штаб-офицера.

Библиографический список / References

1. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. [Bibikov G.N. A.Kh. Benckendorff i politika imperatora Nikolaya I [A.Kh. Benckendorff and the policy of Emperor Nicholas I]. Moscow, 2009.]
2. Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023. [Bibikov G.N. Zhandarmskii nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniia Rossiisko iimperii (1826–1856 gg.) [Gendarmerie supervision in the system of public administration of the Russian Empire (1826–1856)]. Moscow, 2023.]

²⁴ Вероятно, имеется в виду поручение собрать сведения о раскольниках, данное ему в 1838 г. Тогда Бенкендорф был вынужден досрочно прекратить командировку Васильева, который стал «входить в дела, до него не относящиеся» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. За. Д. 1492).

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1081. Л. 33–34.

3. Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 132–143. [Biktasheva A.N. Gendarmes and modernization of local government in Russia (experience and prospects of study). *Quaestio Rossica*. 2015. No. 2. Pp. 132–143. (In Rus.)]
4. Болтунова Е.М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. [Boltunova E.M. Poslednii polskii korol koronatsiya Nikolaya I v Varshave v 1829 g. i pamyat o rusско-polskikh voynakh XVII – nachala XIX v. [The last Polish king; Nicholas I's coronation in Warsaw in 1829 and the memory of the Russo-Polish wars of the XVII to early XIX centuries]. Moscow, 2022.]
5. Деревнина Т.Г. Записка о внутреннем положении дореформенной России // *Вопросы истории*. 1973. № 3. С. 108–116. [Derevnina T.G. A note on the internal situation of pre-reform Russia. *Voprosy Istorii*. 1973. No. 3. Pp. 108–116. (In Rus.)]
6. Леонтьев А.А. Высшая полиция и жандармерия в Российской империи: заимствования и новации // *Новое прошлое*. 2022. № 4. С. 130–143. [Leontev A.A. High police and gendarmerie in the Russian Empire: Transfer and innovations. *The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 130–143. (In Rus.)]
7. Леонтьев А.А. Отчетная документация Корпуса жандармов и устройства высшей полиции в 1820–1830-е гг. // *Российская история*. 2021. № 2. С. 105–111. [Leontev A.A. Reports of the Special Corps of Gendarmes and the organization of Imperial Russia's Secret Police of 1820s–1830s. *Rossiiskaya Istoriya*. 2021. No. 2. Pp. 105–111. (In Rus.)]
8. Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979. [Obushenkova L.A. Korolevstvo Polskoe v 1815–1830 gg. Ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitie [The Kingdom of Poland in 1815–1830: Economic and social development]. Moscow, 1979. (In Rus.)]
9. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. [Pravilova E.A. Finansy imperii: Dengi i vlast v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh, 1801–1917 [Finances of the Empire: Money and power in Russian politics on the national outskirts, 1801–1917]. Moscow, 2006.]
10. Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007. [Romanov V.V. Politicheskaya politiya Rossiiskoi imperii 1826–1860 gg.: osnovnye tendentsii razvitiya [The political police of the Russian Empire in 1826–1860: The main development trends]. Ulyanovsk, 2007.]
11. Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. [Rossiia pod nadzorom: otchety III otdeleniia 1827–1869 [Russia under supervision: Reports of the III Department 1827–1869]. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova (eds.). Moscow, 2006.]
12. Сидорова М.В. Доносы на Л.В. Дубельта: из материалов секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // *Российский архив*. М., 2005. Вып. 14. С. 142–145. [Sidorova M.V. Denunciations of L.V. Dubelt: From the materials of the secret archive of the III Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. *Rossiiskii arkhiv*. 2005. Issue 14. Pp. 142–145. (In Rus.)]

13. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. [Shilder N.K. Emperor Nikolai Pervyi, ego zhizn i tsarstvovanie [Emperor Nicholas I, his life and reign]. St. Petersburg, 1903.]

Статья поступила в редакцию 08.10.2024, принята к публикации 13.11.2024
The article was received on 08.10.2024, accepted for publication 13.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Леонтьев Александр Алексеевич – магистр (история); независимый исследователь, г. Москва

Alexander A. Leontev – M.A. (History); Independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: alexeont@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-40-47

УДК 929.5

Б.Б. Давыдов

Независимый исследователь,
129090 г. Москва, Российская Федерация

Архивные документы о потомках Ивана Сусанина (по материалам Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации)

Почти четверть века назад были опубликованы документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, проливающие свет на генеалогию потомков Ивана Сусанина – костромских белопащцев из с. Коробова. Дальнейший архивный поиск дал еще одну ценную находку, позволяющую уточнить время и причины лишения коробовских белопащцев важной части привилегий, дарованных им царем Михаилом Фёдоровичем Романовым в 1619 г. (освобождение от любых податей и повинностей и неподсудность официальным властям). Сопоставление обнаруженных в двух архивах материалов дает ценную информацию как по истории рода Сусаниных, позволяющую установить возраст отдельных его представителей, так и, в целом, по генеалогии и истории русского крестьянства начала 40-х – 50-х гг. XIX в.

Ключевые слова: потомки Ивана Сусанина, коробовские белопащцы, генеалогия русского крестьянства, русские религиозные сектанты и раскольники, новые архивные документы

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Давыдов Б.Б. Архивные документы о потомках Ивана Сусанина (по материалам Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 40–47. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-40-47

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-40-47

B.B. Davydov

Independent researcher,
Moscow, 129090, Russian Federation

Archival documents on the descendants of Ivan Susanin (based on the materials from the Russian State Military Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation)

Almost a quarter of a century ago, documents from the collections of the Russian State Military Historical Archive were published, shedding light on the genealogy of the descendants of Ivan Susanin – the Kostroma white plowmen from the village of Korobovo. Further archival research yielded another valuable find, allowing us to clarify the time and reasons for the deprivation of the Korobovo white plowmen of an important part of the privileges granted to them in 1619 (exemption from any taxes and duties and immunity from official authorities) by Tsar Mikhail Fedorovich Romanov. Comparison of the materials found in two archives provides valuable information both on the history of the Susanin family, allowing us to establish the age of its individual representatives, and, in general, on the genealogy and history of the Russian peasantry of the early 1840's – 1850's.

Key words: descendants of Ivan Susanin, Korobovsky plowmen (belopolashtsy), genealogy of the Russian peasantry, Russian religious sectarians and schismatics, new archival documents

FOR CITATION: Davydov B.B. Archival documents on the descendants of Ivan Susanin (based on the materials from the Russian State Military Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 40–47. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-40-47

Почти четверть века¹ назад мы с А.Ю. Донским² обнаружили в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) документы, проливающие свет на генеалогию потомков Ивана Сусанина – костромских белопащцев из с. Коробова. По этим документам нами была подготовлена публикация [3]. Ныне есть необходимость вновь вернуться к этой теме, поскольку архивный поиск дал еще одну ценную находку, позволяющую уточнить время и причины лишения коробовских белопащцев важной части привилегий (освобождение от любых податей и повинностей и неподсудность официальным властям), дарованных им в 1619 г. царем Михаилом Фёдоровичем Романовым.

В современной исторической науке уже есть значительное количество работ, посвященных генеалогии российского крестьянства [см., например: 2; 4; 5]. «Вместе с тем, – справедливо полагает исследователь крестьянства XVIII в. М.Ф. Прохоров, – в современной историографии недостаточно нашел отражение вопрос о становлении и развитии практической генеалогии крестьянства, в том числе и в дореволюционной России» [5, с. 12].

И все же в дореволюционной историографии рассматривались отдельные аспекты указанной проблемы. В частности, исследователями изучалась родословная Ивана Сусанина [1; 6; 7]. Так, например, член Костромской археографической комиссии Н. Виноградов в опубликованной в 1911 г. небольшой работе рассматривает историю рода Сусанина. Он приводит цифры общего количества белопащцев (потомков Сусанина) в 1767 г., затем с 4-й по 1-ю ревизию (с 1783 по 1859 гг.) и заканчивает 1910 г. [1, с. 2–3]. В своей работе Виноградов дает разнобразный материал о хозяйственной деятельности потомков Сусанина,

¹ В 2022 г. редколлегия журнала «Локус: люди, общество, культуры, смыслы» поздравляла кандидата исторических наук, бывшего сотрудника Российского государственного военно-исторического архива Б.Б. Давыдова с его 60-летием и выражала надежду на его возвращение в науку, несмотря на тяжелую болезнь. (См.: Борису Борисовичу Давыдову – 60 лет // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022. Т. 13. № 4. С. 11–12). Публикуя эту статью, мы с радостью приветствуем состоявшееся возвращение и желаем Борису Борисовичу успешного продолжения научно-исследовательской работы. – *От ред.*

² А.Ю. Донской скончался 11 июля 2024 г. См. его некролог: Памяти Александра Юрьевича Донского (1949–2024) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2024. Т. 15. № 3. С. 159–161.

прослеживает судьбы некоторых из них [1, с. 8–9; см. также: 5, с. 14]. Кроме того, Виноградов приводит две генеалогические таблицы рода Сусанина. Одна из таблиц составлена им на основании данных, полученных от потомка И. Сусанина – Капитона Тимофеева. В ней дается роспись по 11 поколениям, но отсутствуют даты жизни членов рода [1, с. 12; см. также: 5, с. 14]. Автором работы о белопахцах также указывается на дела о потомках Сусанина, обнаруженные им в материалах Костромской удельной конторы [1, с. 9]. «Только тщательная проверка этих и подобных им дел различных удельных контор, – отмечает Виноградов, – может выяснить действительное число потомков Ивана Сусанина, часть из которых рассеяна отдельными группами по всей почти территории России» [Там же, с. 10].

Но материалы о потомках Сусанина находятся и в других архивах. Так, в РГВИА, в фонде Департамента военных поселений, по отделению военно-учебных заведений, нами обнаружены интересные материалы о зачислении двух белопахцев в военные кантонисты.

Напомним читателям, что привилегии коробовских белопахцев регулярно подтверждались царями и императорами из династии Романовых. В 1837 г. император Николай I своим указом от 14 марта в очередной раз даровал им такую грамоту. Из этого документа мы узнаем, что общее число белопахцев составляло 105 душ мужского пола, а земли в их владении состояло всего 98 десятин, т.е. на каждое землевладение приходилось менее одной десятины. Для решения этой проблемы император приказал:

- 1) подтвердить все имеющиеся у них права и привилегии до тех пор, пока они остаются в крестьянском звании;
- 2) наделить их достаточным количеством земли в Костромской губернии (в том же уезде), всего – 742 десятины 253 сажени квадратных;
- 3) вверить главное попечительство над ними министру императорского двора³.

Милости Николая I распространялись даже на незаконнорожденных потомков коробовских белопахцев. Так, 12 марта 1840 г. министр императорского двора кн. П.М. Волконский сообщил военному министру гр. А.И. Чернышёву, что «Государь император высочайше повелеть соизволил: незаконнорожденных детей мужеска пола от дочерей белопахцев (потомков Ивана Сусанина): деревни Коробова Костромской губернии Анны Павловой и Степаниды Андреевой, Николая Павлова 21 года и Йова 9-ти месяцев, зачислить в военные кантонисты,

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение первое. 1837 г. От № 9825 – 10631. СПб., 1838. С. 168–169, № 10028.

и поступать таким образом на будущее время с сыновьями, рожденными от незамужних дочерей и вдов коробовских белопашцев»⁴.

А 21 марта 1840 г. в докладе по Департаменту военных поселений испрашивалось решение: «Не приказано ли будет незаконнорожденного сына Николая Павлова 21 года определить на службу, и в каком случае куда именно?» Резолюция директора департамента генерал-лейтенанта гр. П.А. Клейнмихеля гласила: «В 3-й учебный карабинерный полк»⁵. Девятимесячный Йов же 31 марта 1840 г. был причислен к 4-му учебному карабинерному полку⁶. И уже в конце июля того же 1840 г. Костромское губернское правление уведомило Департамент военных поселений, что «представленный из Костромского земского суда незаконнорожденный сын дочери Коробовского белопашца Анны Павловой Николай Павлов 21 года для препровождения на службу в 3-й учебный карабинерный полк отослан губернским правлением 26-го минувшего июня к командующему Костромским гарнизонным батальоном»⁷. Правление также сообщило о том, что причисленный к 4-му учебному карабинерному полку девятимесячный Йов оставлен для проживания «у воспитательницы матери его Андреевой до 7-летнего возраста»⁸.

Но в 1859 г. коробовские белопашцы были лишены Александром II важной части своих привилегий. Обнаруженная в Государственном архиве Российской Федерации копия отношения министра императорского двора В.Ф. Адлерберга к министру внутренних дел С.С. Ланскому от 23 октября 1859 г. за № 4855⁹ свидетельствует о том, что они были обвинены в многолетнем укрывательстве раскольников из секты бегунов или странников. «Предупредительные меры увещаний от Имени Его Императорского Величества, построение в селе Коробове православной церкви и никакия другия средства не могли исправить Коробовских белопашцев, коих порочная жизнь служит только соблазном для соседних жителей. Бродяги находят для себя выгодным прикрываться личиною религиозного фанатизма, ибо, когда бывают пойманы, они выдают себя за раскольников, объясняют свои гражданския преступления религиозным верованием и отказываются называть себя, именуясь лишь рабами Христовыми; их судят как раскольников, вследствие

⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405 (Департамент военных поселений). Оп. 5. Д. 3982. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2–3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 8 об.

⁹ Государственный архив РФ. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии. Секретный архив). Оп. 3-а. Т. 1. Д. 1503. Л. 1–2 об.

чего при изъявленном раскаянии и обращении к православию (большею частью ложном), освобождаются от суда и его последствий, а потом вновь возвращаются к своему образу жизни»¹⁰.

Император приказал переселить нескольких человек, наиболее виновных, в другие удельные имения «с лишением дарованных преимуществ, а остающихся в селе Коробове белопашцев подчинить наблюдению Начальника губернии при непосредственном управлении Удельной Канторы; за сим Губернскому Начальству впредь по всем проступкам и преступлениям, подлежащим, на общем основании, следственной и судебной власти, в преследовании беглых, пристанодержателей и вообще во всех случаях, требующих формального следствия, не считать село Коробово изъятым от действий общих для всех законов, но, не останавливаясь, исполнять законные в сем отношении обязанности, уведомляя Министра Императорского Двора к сведению»¹¹.

При этом император требовал принять меры, «чтобы на раскольников секты так называемых бегунов, или странников, кои в полицейском отношении суть в сущности беспаспортные бродяги, не распространять тех общих о раскольниках законоположений, вследствие коих раскольник, объявляющий себя раскаявшимся (часто вовсе не искренно), освобождается от суда; не допускать бродяг прикрываться и оправдываться религиозным фанатизмом и тем избавляться от наказания, следующего по закону за бродяжничество, и, не предавая преступлениям бродяжничества религиозного характера, поступать с бродягами на общем законном основании, ссылая их в отделенные (так в тексте. – Б.Д.) места, т.к. никакое гражданское преступление лжеверием оправдываться не может»¹².

Остается, правда, неясным, были ли наказанные таким образом коробовские белопашцы лишены права не уплачивать налоги и подати. В 7-м томе «Энциклопедии военных и морских наук» (1895 г.) говорится следующее: «Потомство С[усанина] получило мног[очисленные] льготы, свободу от повинностей и участок земли; до сих пор оно пользуется этими преимущ[ест]вами, под именем “белопашцев” (в 43 вер[стах] от Костромы), но совершенно обнищало и развратилось от праздности и пьянства» [6, с. 359].

Таким образом, обнаруженные нами в двух архивах материалы являются ценным источником как по истории рода Сусаниных, позволяющим установить возраст отдельных его представителей, так и, в целом, по генеалогии и истории русского крестьянства начала 1840-х – 1850-х гг.

¹⁰ Государственный архив РФ. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии. Секретный архив). Оп. 3-а. Т. 1. Д. 1503. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 2–2 об.

Библиографический список / References

1. Виноградов Н. Данные для статистики белопашцев села Коробова Костромской губернии. Кострома, 1911. [Vinogradov N. Dannyye dlya statistiki belopashstsev sela Korobova Kostromskoy guberni [Data for statistics of white plowmen of the village of Korobova, Kostroma province]. Kostroma, 1911.]
2. Громико М.М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / отв. ред., предисл. Н.И. Павленко. М., 1977. С. 197–236. [Gromiko M.M. Socio-economic aspects of the study of the genealogy of the unprivileged classes of feudal Siberia. *Istoriya i genealogiya. S.B. Veselovskiy i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniy*. N.I. Pavlenko (ed., foreword). Moscow, 1977. Pp. 197–236. (In Rus.)]
3. Давыдов Б.Б., Донской А.Ю. Документы Департамента военных поселений РГВИА о потомках Ивана Сусанина // История крестьянства в России. Материалы Шестнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000. С. 22–23. [Davydov B.B., Donskoy A.Yu. Documents of the Department of Military Settlements of the Russian State Military Archive on the descendants of Ivan Susanin. *Istoriya krestyanstva v Rossii. Materialy Shestnadsatoy Vserossiyskoy zaachnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, 2000. Pp. 22–23. (In Rus.)]
4. Кротов М.Г. Опыт изучения генеалогии крепостного крестьянства по массовым источникам: на материалах сельца Захарова // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции. Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г. / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1989. С. 69–70. [Krotov M.G. Experience of studying the genealogy of the serf peasantry based on mass sources: Based on the materials of the village of Zakharov. *Genealogiya. Istochniki. Problemy. Metody issledovaniya. Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii*. Moskva, 31 yanvarya – 3 fevralya 1989 g. V.A. Muravyov (ed.). Moscow, 1989. Pp. 69–70. (In Rus.)]
5. Прохоров М.Ф. Из истории развития практической генеалогии крестьян в дореволюционной России // Головинский генеалогический альманах. 1996. № 1. С. 12–13. [Prokhorov M.F. From the history of the development of practical genealogy of peasants in pre-revolutionary Russia. *Golovinskiy genealogicheskij almanakh*. 1996. No. 1. Pp. 12–13. (In Rus.)]
6. Сусанин, Иван // Энциклопедия военных и морских наук / сост. под гл. ред. генерал-лейтенанта [Г.А.] Леера. Т. VII. СПб., 1895. С. 359. [Susanin, Ivan. *Entsiklopediya voyennykh i morskikh nauk*. [G.A.] Leer (ed.). Vol. VII. St. Petersburg, 1895. P. 359. (In Rus.)]
7. Холмогоров И. Заметка о потомках Сусанина // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Т. 1. Вып. 1. М., 1898. С. 41–44. [Kholmogorov I. Note on the descendants of Susanin. *Drevnosti. Trudy Arkheograficheskoy komissii Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. M.V. Dovnar-Zapolsky (ed.). Vol. 1. Issue 1. Moscow, 1898. Pp. 41–44. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 11.10.2024, принята к публикации 08.11.2024
The article was received on 11.10.2024, accepted for publication 08.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Давыдов Борис Борисович – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва

Boris B. Davydov – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-48-63

УДК (32.019.51:323.325):94

В.Ж. Цветков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

Особенности формирования и основные приемы пропаганды аграрно-крестьянской политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака в 1919 г.

В статье рассматриваются особенности пропаганды аграрно-крестьянской политики Белого движения на Востоке России в 1919 г., в период наступательных операций Восточного фронта белых армий. Отражены особенности деятельности государственных структур, официозных органов печати и информации в течение весны–осени 1919 г. по пропаганде земельной и продовольственной программы на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Рассмотрена специфика издательской работы Русского отдела печати Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Дан анализ пропагандистских акцентов в брошюрах по аграрно-крестьянской политике и статьях в периодической печати колчаковского правительства (проблемы крестьянства в Российской империи; насущные правовые вопросы; методы ведения земледелия и животноводства самостоятельными крестьянами-собственниками и крестьянами в коммунах и советских хозяйствах в Советской России). Также исследованы особенности пропагандистской лексики и фразеологии, используемых в материалах, адресованных крестьянскому населению Востока России. Отмечены также недостатки проведения пропагандистской работы в условиях нестабильности правительственной власти и органов местного самоуправления Российского правительства адмирала Колчака.

© Цветков В.Ж., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Российское правительство, А.В. Колчак, аграрно-крестьянская политика, агитация, пропаганда

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Цветков В.Ж. Особенности формирования и основные приемы пропаганды аграрно-крестьянской политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака в 1919 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 48–63. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-48-63

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-48-63

V.Z. Tsvetkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation

Features of the formation and basic methods of propaganda of the agrarian and peasant policy of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak in 1919

The article examines the features of propaganda of the agrarian and peasant policy of the White Movement in the East of Russia in 1919, during the offensive operations of the Eastern Front of the White armies. The features of the activities of state structures, official press and information bodies to promote the land and food program during the spring and autumn of 1919 in the Urals, Siberia and the Far East are reflected. The article considers the specifics of the publishing work of the Russian Press Department of the Russian Government of Admiral Kolchak. An analysis of propaganda emphases in brochures on agrarian and peasant policy and articles in the periodical press of the Kolchak government is given (problems of the peasantry in the Russian Empire; pressing legal issues; methods of farming and livestock farming by independent peasant owners and peasants in communes and Soviet farms in Soviet Russia). The features

of propaganda vocabulary and phraseology used in materials addressed to the peasant population of the Russian East are also considered. The disadvantages of conducting propaganda work in conditions of insufficient stability of government authorities and local self-government bodies of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak are also noted.

Key words: Civil War, White Movement, Russian Government, A.V. Kolchak, agrarian and peasant policy, propaganda

FOR CITATION: Tsvetkov V.Z. Features of the formation and basic methods of propaganda of the agrarian and peasant policy of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak in 1919. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 48–64. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-48-64

В советской историографии количество исследований по аграрно-крестьянской политике Российского правительства адмирала А.В. Колчака в белой Сибири было заметно меньшим, чем по этой же тематике в отношении белого Юга. В отношении правительства Колчака следует отметить первое, небольшое по объему, но содержательное исследование В. Аверьева «Аграрная политика колчаковщины». В статьях, опубликованных в журнале «На аграрном фронте», автор анализировал декларации и распоряжения Российского правительства. Им было обращено внимание на особенности, выражавшиеся в сочетании принципов аграрной реформы П.А. Столыпина и программных установок кадетской партии. Целью аграрной политики Колчака автор полагал создание прочной социальной опоры в деревне, в первую очередь – среди зажиточного крестьянства [1].

В более поздних исследованиях в СССР тема аграрно-крестьянской политики Колчака затрагивалась преимущественно в процессе изучения особенностей Гражданской войны в Сибири, а также в контексте изучения политических установок по аграрному вопросу социал-демократических или либерально-консервативных партий или специфики повстанческого движения [3; 7; 9–12; 15; 19]. Отдельных монографий по этой теме не публиковалось.

В современной российской историографии отмечается рост интереса исследователей к истории белого Востока и проводившейся там аграрной политике [2; 5]. Из работ по аграрно-крестьянской политике Колчака следует выделить исследования В.Г. Хандорина, И.С. Баклановой, Е.А. Джалиловой, В.Е. Дурноглазова и А.А. Сойникова, Е.А. Кошечкиной, И.И. Кротта, О.Ф. Гордеева, В.И. Тетерина [2; 6; 8; 13; 14; 20; 21]. Можно отметить также ряд диссертаций по данной теме [4; 16–18; 22].

Однако проблематика пропаганды аграрно-крестьянского курса правительства Колчака остается малоизученной. В целом, масштабы издательской работы в белой Сибири оказались меньшими, чем на белом Юге. Количество изданных брошюр по земельному вопросу на белом Востоке – небольшое. Тематических серий печатных изданий по аграрно-крестьянской политике не было. Главным органом, призванным вести агитационно-пропагандистскую работу, являлось Русское бюро печати в Омске. Но подобная работа проводилась и другими структурами, в том числе кооперативными издательствами.

В сибирских губерниях бывшей Российской империи отсутствовало крепостное право в том его виде, как это было характерно для губерний Европейской России, не существовало острой нехватки земли, устойчивых общинных традиций, а товарная ориентация крестьянских хозяйств была ярко выраженной. Данные особенности сельского хозяйства, сформировавшиеся еще в XIX – начале XX вв., не могли не отразиться в содержании пропагандистской работы. Исходя из этого, пропаганда могла делать акценты не столько на разрешении земельного вопроса, сколько на стабильных товарно-денежных отношениях, на гарантиях гражданско-правового положения белого тыла.

Относительно продуманные и обоснованные агитационно-пропагандистские материалы стали появляться весной 1919 г. Этому способствовали следующие обстоятельства. В белой Сибири и на Дальнем Востоке уже утвердилась власть Российского правительства. После «омского переворота» 18 ноября 1918 г. главой всероссийской антибольшевистской власти стал адмирал А.В. Колчак. В феврале–марте 1919 г. им были утверждены и озвучены основные принципы аграрно-крестьянской политики. Важность заявления конкретных положений по земельному вопросу диктовалась также условиями развернувшегося масштабного наступления трех армий белого Восточного фронта в направлении уральских и поволжских губерний. Это наступление имело перспективу выхода белых армий в земледельческие губернии Европейской России, существовал расчет на поддержку Белого движения со стороны не только сибирского и дальневосточного, но также и уральского и, особенно, поволжского крестьянства. Намечался выход и в губернии Центрально-Черноземной России. В этих губерниях земельный вопрос на рубеже XIX–XX вв. был гораздо более острым, здесь существовали проблемы с наделением крестьян землей и с наличием крупных частновладельческих имений, подвергнувшихся «черному переделу» после 1917 г. Поэтому обоснованное заявление по аграрному вопросу со стороны Верховного Правителя становилось насущно необходимым.

Еще в феврале 1919 г., во время поездки по городам Урала, Колчак заявлял о недопустимости «возврата к старому земельному строю» в России. «Государственный интерес» требовал «создания многочисленного крепкого крестьянского мелкого землевладения за счет крупного»¹. В апреле из печати вышла брошюра сотрудника колчаковского Министерства иностранных дел А.Ф. Бонч-Осмоловского «Грамота Верховного Правителя о земле». В ней излагались и разъяснялись основные положения заявлений Колчака по аграрно-крестьянской политике, в том числе декларации от 26 марта (8 апреля по н.ст.).

Бонч-Осмоловский определял как наиболее важный следующий принцип, провозглашенный Колчаком: «все, в чем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы он не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай»². По поводу будущего землеустройства автор брошюры отмечал: «Правительство примет меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись прежде всего частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей в фактическое обладание крестьян»³. Особенно подчеркивалась важность защиты крестьянской земельной собственности: «земли, которые обрабатывались... силами семьи владельцев, – земли хуторян, отрубщиков, укрепленцев, – подлежат возвращению их законным владельцам»⁴.

Наиболее показателен был факт признания тех земельных перемен, которые произошли после «Декрета о земле». При этом новые земельные захваты считались незаконными. Общая перспектива аграрно-крестьянской политики представлялась в брошюре следующим образом: «передача земель нетрудового пользования трудовому населению, широкое содействие развитию мелких трудовых хозяйств без различия того, будут ли они построены на началах личного или общественного землевладения»⁵. Российское правительство заявляло о поддержке «приобретению этих земель в полную собственность», причем льготы по наделению землей получали «военнослужащие Русской армии и флота»⁶. «Грамота», изданная в период военных успехов Восточного фронта, должна была подчеркнуть перед крестьянами «демократизм» белой власти, ее готовность к переменам в аграрно-крестьянской политике.

¹ Правительственный вестник. Омск. № 74. 22 февраля 1919 г.

² Бонч-Осмоловский А. Грамота Верховного Правителя о земле. Омск, 1919. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же. С. 7.

Примечательна в этом отношении позиция министра земледелия, учено-аграрника, профессора Омского сельскохозяйственного института Н.И. Петрова, активно выступавшего за привлечение органов местного самоуправления (уездного и губернского земств) к регулированию земельных отношений, в том числе применительно к будущему положению «культурных и частновладельческих имений»⁷. Решались вопросы, связанные с возвратом имений прежним собственникам или же передачей их в распоряжение новых владельцев – крестьян.

Весной 1919 г. в омском издательстве «Новая Россия» вышла небольшая брошюра с характерным названием «Кому земля?». На ее обложке изображен крестьянин, сеющий хлеб (иллюстрации в пропагандистских брошюрах были очень редки). Шрифт в брошюре крупный. «Жирным» начертанием выделялись наиболее значимые для крестьянина, с точки зрения автора, тезисы, положения и даже отдельные слова. В брошюре использовались «привычная» для крестьян лексика и обороты речи: *теперешнее, не воротится, мелют* ('болтают без смысла, без толку'), *помолясь Богу*. Нарочито упрощенный стиль текста, объем и оформление брошюры также должны были стать понятными для читателей.

В противоположность советским агитационно-пропагандистским материалам, утверждавшим, что белая власть неизбежно принесет с собой восстановление помещичьей собственности на землю, белая пропаганда провозглашала: «Теперешнее Правительство ни к старому порядку не воротится, ни большевистского разбоя не допустит. Знайте, крестьяне, что Русская Армия освобождает вас от голода и гнета насильников, идет она за Единую Россию, за настоящую свободу, за выборное всем народом Национальное Собрание. И вот Правительство Российское объявляет во всеуслышание прежде всего, что урожай этого года будет принадлежать тому, кто землю запахал и засеял, хотя бы до того времени и не был ни собственником этой земли, ни арендатором ее»⁸. Этот акцент был важен с точки зрения военной (поддержка населением белых армий) и экономической: начиналась весенняя полевая страда, и крестьянству следовало дать уверенность в стабильности и предсказуемости статуса его земельного участка и собранного им с этой земли урожая⁹.

Принципиально важное в аграрной политике Колчака положение – провозглашение будущей земельной реформы (защита прав крестьянина-собственника и решение спорных земельных вопросов на будущем

⁷ Бонч-Осмоловский А. Грамота Верховного Правителя о земле. Омск, 1919. С. 7.

⁸ Кому земля? Омск: Новая Россия, 1919. С. 3.

⁹ Там же. С. 4–6.

Всероссийском представительном собрании): «Правительство Российское принимает все меры для наделения малоземельных и безземельных земель бывшей помещичьей и казенной, которая сейчас в действительности в руках крестьян. Земли же хуторян, отрубников, укрепленцев, которые ими самими в большей части обрабатывались, должны быть возвращены их законным владельцам ...Русское Правительство указывает, что в скором времени будут объявлены законы о порядке пользования захваченными землями, о справедливом их распределении и об условиях вознаграждения их прежних владельцев. Цель всех этих законов в том, чтобы передать земледельцам все земли, которые находятся в руках лиц, не обрабатывающих лично своей земли. Правительство Российское всеми мерами будет содействовать переходу земель в руки крестьянского хозяйства, в полную собственность трудящихся»¹⁰.

Развитие темы аграрно-крестьянской политики в более углубленном, экономическом подходе к данной проблеме отражалось на страницах другой брошюры с аналогичным названием «Кому земля достанется?». Ее автор – также Бонч-Осмоловский. И хотя время ее издания тоже весна 1919 г., в ней уже не было призывов к актуальным земледельческим занятиям – запашке и посеву. Автор большее внимание уделял анализу проблем в сельском хозяйстве.

Бонч-Осмоловский отмечал недостатки аграрных преобразований Столыпина. По его мнению, ни переселенческая политика, ни деятельность Крестьянского банка не способствовали прогрессу. Главная проблема – низкий уровень общей культуры крестьянских хозяйств. Недостаточной была земская помощь крестьянам, крайне низкой была производительность на их земельных наделах. Подлинный «бич» крестьянского хозяйства – чересполосица. Помимо того, что она представляет собой совершенно устаревший порядок распределения земли, при ней еще и «бесполезно тратится время на переезды с места на место, непроизводительно пропадает земля между межами и дорогами»¹¹. Последствия чересполосицы – «принудительный севооборот» и заметное снижение урожайности. Но и здесь, как отмечал автор, из-за того, что покупка производилась на общину или кооператив в целом, купленные земли снова перераспределялись чересполосно. Под пашни вырубались леса, а это приводило к засухам, обмелению рек и негативно сказывалось на земледелии¹².

¹⁰ Кому земля? Омск: Новая Россия, 1919. С. 8.

¹¹ Бонч-Осмоловский А. Кому земля достанется. Омск: Типография Общества Печатного дела, 1919. С. 5.

¹² Там же. С. 5–6.

Автор пишет о том, что увеличение земельной площади не способствовало росту доходности, а экономические проблемы неизбежно порождали проблемы политические. Стремление к аграрным переменам носило нередко разрушительный характер. Не привела к ожидаемым результатам реформа Столыпина и в той ее части, которая предусматривала возможность лишь покупки земли. Большие перспективы имело землеустройство крестьянских хозяйств, при котором уже имеющиеся наделы были бы переверстаны, сокращалась бы чересполосица, улучшались бы экономические методы земледелия. Принципиально важный вывод автора брошюры заключался в том, что тенденции развития земледелия, рост его товарности неизбежно приведут к сокращению сельского населения, к его переезду в города и к увеличению параметров эффективности крупных крестьянских хозяйств¹³.

Из перспектив аграрных преобразований правительства Колчака автор подтверждал тезис о невозможности реставрации дореволюционных поземельных отношений (так как «крестьянство боится, что земля будет опять возвращена крупным владельцам»¹⁴). Главная черта будущего землеустройства по всей территории России, вне зависимости от исторического прошлого или текущих изменений, – мелкая земельная собственность.

Одновременно с этим Бонч-Осмоловский подчеркивал ошибки советской земельной политики: «Пора отбросить парадные речи о том, что стоит только объявить “что вся земля принадлежит всему народу”, как на земле установится рай. Всеобщее поравнение, всеобщий черный передел даже на короткое время не может обеспечить равенства в пользовании землей. Очень скоро этот порядок приведет ко всеобщему разорению и к равной нищете...»¹⁵. Завершалась брошюра лозунгом, напоминающим программные заявления эсеров: «После всех пережитых испытаний наше отечество должно стать тем, чем предназначила ей быть историческая судьба, – Великой Крестьянской Демократией»¹⁶.

Своего рода средний уровень восприятия (между брошюрой Бонч-Осмоловского и брошюрой «Кому земля?») отражает еще одно пропагандистское издание белого Омска – изданная, очевидно, не позднее июня 1919 г. брошюра, автором которой являлся М.Р. Новосельский (установить его биографические данные пока не удалось), с показательным названием «Как разрешить земельный вопрос в России».

¹³ Бонч-Осмоловский А. Кому земля достанется. Омск: Типография Общества Печатного дела, 1919. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 14–15.

¹⁶ Там же. С. 15.

Издательство – «Русское Бюро печати в Омске». В ней акцент сделан не столько на глобальных принципах построения будущей земельной политики, сколько на текущих вопросах земледелия и землеустройства, распоряжениях правительства Колчака, временно устанавливающих порядок в деревне. Стилль изложения в данном издании более упрощенный по сравнению с текстом Бонч-Осмоловского. Немного сложных предложений, употребляются просторечия, пословицы (*семь раз отмерь – один раз отрежь, дозволяет, одаривает, рабочий люд* и др.). Заметно стремление автора удержать внимание читателя и дать максимальный объем информации о земельной политике Колчака в доступной форме.

С первых же абзацев брошюры автор также подчеркивал неизменность поземельных отношений в условиях Гражданской войны. Фактически совершившийся земельный «черный передел» оставался таковым как минимум до окончания боевых действий и созыва «Национального Собрания». А дальнейшие действия предопределены необходимостью ведения максимально эффективного хозяйства. «Чтобы земля не гуляла, а люди не голодали, теперь вышел такой закон: каждый посевищик может спокойно работать и имеет право собирать урожай с того поля, где он посеял. Кто запахал и засеял, тот и собирает. Хлеб посевищика, а чья земля – про то особая речь до другого раза... По новому закону, изданному для всей Европейской России (кроме казачьих земель), земли без хозяина, захваченные в посторонние руки, казна временно оставляет за собой. Временным хозяином такой земли станет казна. Кто захочет на год брать захваченную землю для работы на ней, тот, как арендатор, будет платить деньги в казну за временное пользование»¹⁷. Преимущественным правом аренды пользовались те, кто самостоятельно обрабатывал земельный участок. Субаренда исключалась. Таким образом автор подчеркивал право крестьянина-«захватчика» на засеянный и собранный с помещичьей земли урожай. Но в дальнейшем распоряжаться захваченной землей будет государство («казна»).

Сложнее было объяснить крестьянину разрабатываемый в Российском правительстве порядок землевладения с точки зрения предельных масштабов имеющихся земельных участков. Министерство земледелия подготавливало «шкалу» максимумов и минимумов для частновладельческих помещичьих и крестьянских хозяйств. В этом процессе учитывались такие факторы, как обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем, плотность земледельческого населения, плодородие почвы

¹⁷ Новосельский М.Р. Как разрешить земельный вопрос в России. Омск: Русское Бюро Печати, 1919. С. 1.

и культурное значение хозяйства (показательные, семенные хозяйства и др.), степень освоенности земель той или иной губернии.

Еще один актуальный для крестьянина фактор земельных преобразований – закрепление за ним земельных участков за плату. «Казна не может одаривать граждан, – отмечал Новосельский. – ...Казна может передавать хлеборобам землю только за плату. Но не у каждого есть готовые деньги, а потому выплата должна быть в рассрочку, по средствам хозяина...»¹⁸. Однако размеры выплат за закрепляемую в собственность крестьянина землю не указывались.

Завершалось описание перспектив земельных преобразований упоминанием неизбежных позитивных политических перемен, связанных с созывом всероссийского представительного собрания: «В Великом Народном Собрании выборные от всего народа рассмотрят все подготовленные законы о земле и скажут свое слово. Их последнее слово станет постоянным законом. Тогда кончатся все споры и раздоры и святой мир умиротворит весь народ. Прекратится всякая война и придет пора спокойного труда...»¹⁹.

К числу написанных простым языком пропагандистских изданий можно было бы отнести брошюру с показательным названием «Только победа над большевиками принесет землю и хлеб крестьянину». Издание осуществило также «Русское Бюро печати». Автором брошюры был Сергей Иванович Катунский (очевидно, сотрудник Бюро). Время издания, как и большинства пропагандистских брошюр, – весна 1919 г., период наступления Колчака на Урале и в Поволжье. Пропагандистские акценты были сделаны с учетом специфики восприятия читателями ожидаемых от белой власти земельных мероприятий. Для усиления эффекта от прочтения брошюры в ней использовался насыщенный, крупный шрифт в наиболее важных словах, словосочетаниях и предложениях.

Следовало показать белую власть более выгодной по сравнению с советской. И автор брошюры определял это, в частности, таким образом: «земли, во многих местах, советской властью отбираются вновь; во многих местах этой властью восстановлены помещичьи хозяйства и эти хозяйства ведутся теперь, хотя и не для помещиков, а для комиссаров и членов исполнительных комитетов, и разных советов, да для служащих, так называемых советов народных комиссаров»²⁰. То есть,

¹⁸ Новосельский М.Р. Как разрешить земельный вопрос в России. Омск: Русское Бюро Печати, 1919. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Катунский С.И. Только победа над большевиками принесет землю и хлеб крестьянину. Омск: Русское Бюро печати, 1919. С. 2.

с точки зрения Катунского, советская власть лишь по форме изменила земельные отношения, а по сути сохранила социальное неравенство и крупное земельное хозяйство, которое было прежде.

Российское правительство Колчака, признанное всеми антибольшевистскими регионами, проводит общероссийскую аграрно-крестьянскую политику. Как и в других пропагандистских брошюрах, Катунский сосредотачивает внимание на законах, призванных регулировать текущее состояние поземельных отношений. Брошюра определяет специфику временных (до созыва «Национального Учредительного Собрания») земельных отношений.

Подтверждается право крестьянина на собранный урожай с любых земель (в том числе и «захваченных»), правовой статус которых определялся как временная собственность государства. Даны ссылки на законодательные акты: «Правила о порядке производства и сбора посева в 1919 г. на землях, не принадлежавших посевщикам» (8 апреля 1919 г.) и «Положение» от 13 апреля 1919 г., согласно которому «все захваченные земли будут взяты во временное заведывание государства, оставаясь в пользовании лиц, запахавших и засеявших их»²¹. Принципы «укрепления» земли за крестьянством опираются на «прочные основания закона и порядка», которые гарантирует в будущем Национальное Учредительное Собрание. Примечательно, что Катунский отмечает и важную роль земельного самоуправления – Уездных по Земельным Делах Советов, контролировавших отношения между различными категориями сельского населения: «А в этих Земельных Советах по новому закону будут находиться местные выборные люди от волостей»²². Значение структур местного самоуправления, с участием самих крестьян, должно было усилить их интерес к преобразованиям, показать актуальность осуществляемой земельной политики.

В развитие идеи льгот по наделению землей военнотружеников белых армий была издана специальная брошюра («Как Правительство обеспечивает воинов и их семьи землей»), подробно разъяснявшая различные положения упомянутых выше «Правил». Ее автор – Евгений Алмазов (не удалось обнаружить каких-либо сведений о его биографии).

С точки зрения оригинального содержания данного издания можно отметить заметный акцент на выгоды и закономерности введения индивидуального хозяйства, основанного на частной собственности (при наличии формального равенства общинного и единоличного

²¹ Катунский С.И. Только победа над большевиками принесет землю и хлеб крестьянину. Омск: Русское Бюро печати, 1919. С. 4.

²² Там же. С. 7.

права). Военнослужащие призывались к развитию этой формы хозяйствования²³. Автор отмечает: «мой совет всем военнослужащим – брать землю исключительно на единоличных участках. Это будет действительная награда за Ваш боевой подвиг и те лишения, которые Вы перенесли в борьбе с большевиками. Это даст Вам возможность жить на старости лет спокойно в своем доме и чувствовать себя независимым ни от кого хозяином»²⁴. В приложении приведены полные тексты законодательных актов колчаковского правительства о привилегиях вернувшимся с фронта земледельцам, их обеспечении инвентарем и сельхозтехникой.

Интересным примером пропагандистской литературы можно считать брошюру «Два года большевистской власти», вышедшую осенью 1919 г. в издательстве «Осведфронта» (Осведомительное агентство фронта). В это время боевые действия шли уже за Уралом, войска Колчака отступали и единственной возможностью сохранения фронта оставалась активная оборона на территории Западной Сибири. О наступлении белых армий в губерниях Европейской России не было речи. В этих условиях пропаганда становилась рассчитанной не столько на читателя – жителя Европейской России, сколько на сибиряков – крестьян и горожан. Следовало учесть и настроения местного населения, склонного критически относиться к белой власти. Поддержка правительства Колчака падала, росло партизанское движение и ожидание возврата советской власти.

Поэтому цель данной брошюры – показать негативные последствия «владычества большевиков», причем сделать это на основании фактов, статистики и в то же время максимально доступным языком. Для сибирских крестьян, отличавшихся высоким уровнем хозяйственного развития, грамотности, примитивное изложение пропагандистского материала могло оказаться неубедительным. Автор брошюры не упоминался, но вероятно, он имел отношение к земской статистике или к среде экономистов-кооператоров.

Структура брошюры четкая, акцентирует внимание читателей на экономических показателях промышленности, сельского хозяйства и финансов в Советской России. В оценочных суждениях преобладает односторонний негатив в отношении советской экономики: «Большевики попытались ввести коммунизм среди крестьянства. Мужик должен был работать, гнуть спину, добывая хлеб, но урожай должен был

²³ Алмазов Евгений. Как Правительство обеспечивает воинов и их семьи землей. Ново-Николаевск: Новая Россия, 1919. С. 15–17.

²⁴ Там же. С. 18.

принадлежать не ему. То есть у мужика отбирали весь избыток хлеба, весь лишний скот и оставляли ему 30 фунтов хлеба на месяц на едока, да не более двух коров и лошадей на двор. Мужик, конечно, не дурак и при таких условиях начал сеять ровно столько, сколько ему надо самому и на рынок перестал возить, потому что все равно отберут. Масса земель осталась незасеянными и пустующими...»²⁵.

Завершалась брошюра примечательным указанием на неприемлемость для Сибири советской власти. Отмечалось скорое окончание войны, как следовало из содержания текста, ввиду успешных наступлений осени 1919 г. белых фронтов на Юге, Севере и Северо-Западе и роста повстанчества в самой Советской России²⁶.

Таким образом, пропаганда аграрно-крестьянской политики Российского правительства адмирала Колчака акцентировала внимание читателей на преимуществах интенсивного ведения хозяйства, на основе частной собственности на землю, и хуторского расселения. Подчеркивалась важность использования сельскохозяйственной техники, развития агрономической помощи и местного крестьянского самоуправления. Неоднократно подчеркивалась невозможность «реставрации дореволюционных» поземельных отношений, связанных с реституцией собственности бывших владельцев, в первую очередь дворян-помещиков. На принципах «контрастного восприятия», важного для читателей, отмечались неприемлемые, с точки зрения пропаганды, черты политики большевиков, создание коммун и запрет рыночных отношений.

Аграрно-крестьянская пропаганда в белой Сибири имела ряд отличительных особенностей. Заметно меньше издавалось литературы, чем на белом Юге. Объясняется это и техническими трудностями (отсутствие развитой полиграфической базы, типографских красок), и организационными проблемами. В Сибири не было единой структуры, ответственной за ведение пропаганды, и материалы подобного рода могли публиковаться разными издательствами, в разных городах. Меньшим было и число изданий, ориентированных на наиболее доступный, упрощенный уровень восприятия.

Изложение материалов было более сложным, требующим от читателя хотя бы минимальных экономических знаний, достаточного опыта практической работы в сельском хозяйстве. Был расчет на хозяйственного, зажиточного крестьянина или вполне обеспеченного крестьянина-середняка, типичного для Сибири и Дальнего Востока. Хронологически большинство брошюр издано в первой половине 1919 г. – в период

²⁵ Два года большевистской власти. Издательство «Осведфронта», 1919. С. 11.

²⁶ Там же. С. 16.

весеннего наступления армий Восточного фронта адмирала Колчака. Это усиливало их актуальность, однако и сужало эффект воздействия, ограничивало его относительно узкими временными рамками весны – начала лета 1919 г.

Следует отметить общероссийский характер проводимой агитационно-пропагандистской работы. Российское правительство адмирала Колчака обладало высшим статусом по отношению к другим белым правительствам. Идеологическая направленность издаваемой им литературы задавала тенденции, характерные для других регионов бывшей Российской империи. Изучение особенностей аграрно-крестьянской пропаганды Белого движения представляется актуальной темой историографии и заслуживает дальнейшего развития.

Библиографический список / References

1. Аверьев В. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6. С. 24–46; № 8. С. 23–45. [Averyev V. Agrarian policy of the Kolchak region. *Na agrarnom fronte*. 1929. No. 6. Pp. 24–46; No. 8. Pp. 23–45. (In Rus.)]
2. Бакланова И.С. К вопросу об аграрной политике правительства адмирала А.В. Колчака (по литературе Русского Зарубежья) // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 18–19. [Baklanova I.S. On the issue of the agrarian policy of the Government of Admiral A.V. Kolchak (according to the literature of the Russian Abroad). *Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiya*. Cheboksary, 2018. Pp. 18–19. (In Rus.)]
3. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. [Garmiza V.V. *Krushenie eserovskikh pravitelstv* [The collapse of the Socialist-Revolutionary governments]. Moscow, 1970.]
4. Гордеев О.Ф. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в годы Гражданской войны (конец 1917–1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003. [Gordeev O.F. *Agrarnaya politika vremennykh gosudarstvennykh obrazovaniy v Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)*. [Agrarian policy of temporary state formations in Siberia during the Civil War (1917–1920)]. Dr. Hab. theses. Irkutsk, 2003.]
5. Гордеев О.Ф. Аграрный вопрос в 1918–1919 гг. в Сибири // Аграрная наука. 2003. № 3. С. 29–30. [Gordeev O.F. The agrarian question in 1918–1919 in Siberia. *Agrarnaya nauka*. 2003. No. 3. Pp. 29–30. (In Rus.)]
6. Джалилова Е.А. Проблемы аграрной политики «непредрешения» антисоветского правительства А.В. Колчака // Современный ученый. 2020. № 3. С. 284–288. [Jalilova E.A. Problems of the agrarian policy of “non-resolution” of the anti-Soviet government of A.V. Kolchak. *Sovremennyyj uchenyj*. 2020. No. 3. Pp. 284–288. (In Rus.)]

7. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. [Dumova N.G. Kadetskaya kontrevolyuciya i ee razгром [The Cadet counterrevolution and its defeat]. Moscow, 1982.]
8. Дурноглазов В.Е., Сойников А.А. Аграрная политика А.В. Колчака // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 1. С. 97–101. [Durnoglazov V.E., Soynikov A.A. Kolchak's agrarian policy. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i socialno-ekonomicheskikh nauk*. 2017. Vol. 11. No. 1. Pp. 97–101. (In Rus.)]
9. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. [Zhurov Yu.V. Enisejskoe krestyanstvo v gody Grazhdanskoj vojny [The Yenisei peasantry during the Civil War]. Krasnoyarsk, 1972.]
10. Иллерецкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. [Illereckaya E.V. Agrarnyj vopros: proval agrarnyh programm i politiki neproletarskih partij v Rossii [The agrarian question: The failure of agrarian programs and policies of non-proletarian parties in Russia]. Moscow, 1981.]
11. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. [Ioffe G.Z. Kolchakovskaya avantюра i ee krah [Kolchak's adventure and its collapse]. Moscow, 1983.]
12. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. [Ioffe G.Z. Krah rossijskoj monarhicheskoj kontrevolyucii [The collapse of the Russian monarchical counterrevolution]. Moscow, 1977.]
13. Кощечкина Е.А. Внутренняя аграрная политика правительства А.В. Колчака // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 20–24. [Koshechkina E.A. Internal agrarian policy of the government of A.V. Kolchak. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorija. Sovremennost*. 2020. Vol. 5. No. 3. Pp. 20–24. (In Rus.)]
14. Кротт И.И. Земельная политика Российского правительства А.В. Колчака и развитие сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 341–352. [Krott I.I. The land policy of the Russian Government of A.V. Kolchak and the development of agricultural entrepreneurship in Western Siberia. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. No. 3. Pp. 341–352. (In Rus.)]
15. Литвин А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972. [Litvin A.L. Krestyanstvo Srednego Povolzhya v gody grazhdanskoj vojny [The peasantry of the Middle Volga region during the Civil War]. Kazan, 1972.]
16. Назыров П.Ф. Аграрная политика антибольшевистских правительств на Южном Урале (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. [Nazyrov P.F. Agrarnaya politika antibolshevistskih pravitelstv na Yuzhnom Urале (1918–1919) [Agrarian policy of the anti-Bolshevik governments in the Southern Urals (1918–1919)]. PhD theses. Chelyabinsk, 2005.]
17. Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. [Rastorguev S.V. Agrarnaya politika kolchakovskogo pravitelstva [Agrarian policy of the Kolchak government]. PhD theses. Moscow, 1996.]

18. Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 – 1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. [Rynkov V.M. Ekonomicheskaya politika kontrevolyucionnyh pravitelstv Sibiri (vtoraya polovina 1918–1919 gg.) [Economic policy of the counterrevolutionary governments of Siberia (the second half of 1918–1919)]. PhD theses. Novosibirsk. 1998.]
19. Стишов М.И. Большеви́стское подполье и партизанское движение в Сибири. М., 1962. [Stishov M.I. Bolshevistskoe podpole i partizanskoe dvizhenie v Sibiri [The Bolshevik underground and the partisan movement in Siberia]. Moscow, 1962.]
20. Тетерин В.И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А.В. Колчака (ноябрь 1918 – июль 1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5 (93). С. 617–625. [Teterin V.I. Restoration and activity of the Land Committees of the Perm province under the regime of A.V. Kolchak (November 1918 – July 1919). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. Vol. 24. No. 5 (93). Pp. 617–625. (In Rus.)]
21. Хандорин В.Г. К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 39–45. [Khandorin V.G. On the question of the agrarian views of the Siberian cadets during the revolution and the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010. No. 9 (99). Pp. 39–45. (In Rus.)]
22. Цветков В.Ж. Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. [Cvetkov V.Zh. Agrarnaya politika belogvardejskih pravitelstv Denikina i Vrangelya (1919–1920 gg.) [Agrarian policy of the White Guard Governments of Denikin and Wrangel (1919–1920)]. PhD theses. Moscow, 1996.]

Статья поступила в редакцию 20.07.2024, принята к публикации 20.08.2024
The article was received on 20.07.2024, accepted for publication 20.08.2024

Об авторе / About the author

Цветков Василий Жанович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории России, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Vasily Zh. Tsvetkov – Dr. Hab (History); Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politic, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of Russian History, Vladimir State University

E-mail: tsvetcov@rambler.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-64-79

УДК 94(47).084.6/9

В.Н. ГорловМосковский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Советский архитектор и время: идеологизация аспектов архитектурных направлений в 1940–1950-х гг.

В статье рассматриваются роль архитектуры в жизни советского общества, а также экономические и эстетические основы советского зодчества. Изучены причины интереса советских архитекторов в послевоенный период к русской классике XVIII – начала XIX вв. Показано, как тема победы в Великой Отечественной войне становится основной темой советской архитектуры в послевоенное время. В связи с этим анализируется творчество известного советского архитектора Л.М. Полякова, его роль в освоении классического наследия и в истории отечественного зодчества. Рассмотрены причины перестройки архитектурно-строительного дела в середине 1950-х гг., а также причины вмешательства государственных деятелей в архитектурный процесс. Обращено внимание на идеологизацию аспектов художественного творчества на Всесоюзных совещаниях и съездах советских архитекторов.

Ключевые слова: советская архитектура послевоенного периода, классическая русская архитектура, Н.С. Хрущёв, оттепель, высотные здания, монументализм, архитектурные излишества, Волго-Донской канал, гостиница «Ленинградская»

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н. Советский архитектор и время: идеологизация аспектов архитектурных направлений в 1940–1950-х гг. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 64–79. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-64-79

© Горлов В.Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Soviet architect and time: The ideologization of aspects of the architectural trends of the 1940–1950's

The article examines the role of architecture in the life of Soviet society, as well as the economic and aesthetic foundations of Soviet architecture. The reasons for the interest of Soviet architects in the post-war period in Russian classics of the XVIII and early XIX centuries are studied. It is shown how the theme of the Great Victory in the Great Patriotic War becomes the main theme of Soviet architecture in the post-war period. In this regard, the work of the famous Soviet architect L.M. Polyakov, his role in the development of the classical heritage and in the history of Russian architecture are analyzed. The reasons for the restructuring of the architectural and construction business in the mid-1950's, as well as the reasons for the intervention of government officials in the architectural process are considered. Attention is drawn to the ideologization of aspects of artistic creativity at the All-Union Conferences and Congresses of Soviet Architects.

Key words: Soviet architecture of the post-war period, classical Russian architecture, N.S. Khrushchev, the Thaw, high-rise buildings, monumentalism, architectural excesses, Volga-Don Canal, Leningradskaya Hotel

FOR CITATION: Gorlov V.N. Soviet architect and time: The ideologization of aspects of the architectural trends of the 1940–1950's. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 64–79. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-64-79

После окончания Великой Отечественной войны власти советского государства использовали общественные настроения для развития в т.ч. и архитектурного творчества. Разрушительные последствия войны способствовали новому взгляду и новым оценкам культурного наследия

прошлого. В зодчестве средневековой Руси, как и эпохи классицизма, виделось начало исторической непрерывности. Требование освоения классического наследия было сформулировано еще в 1931 г. в постановлении о строительстве Дворца Советов: «Не предвещая определенного стиля, Совет строительства считает, что поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники» [13, с. 7].

Почему же именно русская классика XVIII – начала XIX вв. представляла в послевоенное время наибольший интерес? Прежде всего потому, что в эту эпоху русское зодчество накопило большой опыт в строительстве зданий общественного назначения. Русская архитектура XVIII – начала XIX вв. характеризуется высоким мастерством воплощения в художественных образах ведущих идей эпохи. Патриотический подъем, последовавший после войны 1812 г., отразился в блестящих произведениях зодчества, созданных такими мастерами, как В.П. Стасов, К.И. Росси, Д. Жилярди, А.Г. Григорьев. Опыт русской классической архитектуры XVIII – начала XIX вв. был важен и потому, что зодчие того времени умели достигать высокой художественной выразительности самыми простыми приемами. Они использовали силу взаимодействия архитектуры и природы, связывали архитектурное произведение с его окружением. Как показывает опыт мирового зодчества, это является мощным средством художественной выразительности архитектурной композиции.

Одним из выдающихся советских архитекторов, который использовал опыт прошлого, обратившись к традициям монументальной архитектуры начала XIX в., был Леонид Михайлович Поляков. Он учился в Петроградском художественно-техническом институте у крупнейшего представителя неоклассицизма в предреволюционной и советской архитектуре И.А. Фомина, привившего ему любовь к классической архитектуре. Переехав в Москву, Поляков вместе с группой архитекторов принял участие в проектировании Дворца Советов под руководством Б.М. Иофана. Эта работа стала для него настоящей школой профессионального мастерства. В эти же годы он работал в архитектурной мастерской Моссовета, в которой разрабатывались проекты жилых и общественных зданий [7, с. 319].

Перед Великой Отечественной войной по проекту Полякова был сооружен Северный вход на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ). В довоенные годы это был главный вход, через который проходил основной поток посетителей. Комплекс ВСХВ в Москве нес признаки идеального города того времени, города вечно праздника,

счастливого инобытия, переносящего в светлое будущее. Образ счастливой страны формировала нарядная архитектура. Впоследствии архитектор И.Д. Мельчаков, победивший на конкурсе проектов Главного входа на ВСХВ в 1954 г., включил в свой проект основной элемент входа Полякова – украшенную рельефом арку [8, с. 102].

После войны Поляков работал над проектами станций московского метрополитена – «Калужская» (ныне «Октябрьская» Кольцевой линии) и «Арбатская» Арбатско-Покровской линии. Первые станции метрополитена были не зря названы подземными дворцами, поскольку также воспринимались как элементы города будущего. Создание этих дворцов было подчинено требованию оформить выразительной архитектурой эпоху социализма. Особенно плодотворно сказалось освоение советскими мастерами традиций русского зодчества на архитектуре послевоенных станций московского метрополитена. Победа в Великой Отечественной войне стала основной темой архитектуры новых станций метро. Их наземные павильоны были объединены общей темой Победы и, в той или иной мере, были вариациями на тему триумфальной арки.

Тема Победы и триумфа, выраженная во многих произведениях русской классики начала XIX в., была ярко воплощена в 1950 г. при сооружении станции метро «Калужская». Использование опыта русского зодчества помогло Полякову создать выразительный интерьер наземного павильона. Сводчатое перекрытие, разработанное на основе древнерусских сводчатых композиций, обогатило внутреннее пространство павильона. Скульптурные изображения советских бойцов, трубящих в фанфары, усиливают триумфальный характер архитектурных форм. Связь с русским классическим зодчеством подчеркивает и применение светильников, напоминающих традиционную форму аллегорических факелов. Характер архитектурных форм перронного зала поддерживает то ощущение триумфальности, которое свойственно архитектуре всей станции в целом. Те же самые мотивы Поляков использовал и для станции «Арбатская», которая открылась в 1953 г. [5, с. 129].

В послевоенных станциях московского метрополитена были широко использованы живопись и скульптура. Там, где проходят большие массы народа, монументальное искусство как могучее средство пропаганды и эстетического воспитания людей должно быть использовано в полную меру. Фреска, мозаика, скульптура имели все основания к их применению в метрополитене. Здесь языком реалистического монументального искусства могли быть раскрыты в художественных образах жизнеутверждающие идеи нового общества.

В первые послевоенные годы практически любое строящееся сооружение задумывалось как своего рода памятник героическим годам

войны. Год (1945) и звезда или какой-либо иной общепонятный знак, выложенные на фронте кирпичом, точно отсылают нас к тому времени. Своеобразными памятниками идеологии победившего социализма стали высотные здания столицы. Решение об их строительстве было принято 13 января 1947 г. в специальном постановлении советского правительства по указанию И.В. Сталина. В постановлении о строительстве высотных зданий отмечалась необходимость органической увязки этих сооружений с исторически сложившимся обликом Москвы¹.

Архитектура в тот период взяла на себя непростую, всегда по природе своей конфликтную, миссию объединения всех искусств ради общего целого. Высотные здания в Москве становились ориентирами времени, демонстрируя высокий класс решения строительно-технологических, инженерных и архитектурных задач. Однако в них проявилась противоречивость творческой направленности послевоенной архитектуры. С одной стороны, подчеркнутая помпезность, противоречащая функциональной логике и экономической целесообразности, с другой – величественные памятники эпохи, ярко отразившие в веках ее героическую приподнятость и драматизм. Можно по-разному оценивать высотные здания, но бесспорно одно: без них современный силуэт Москвы немалым, они органично вошли в архитектурный ансамбль столицы.

Непосредственно применение национальных художественных приемов чувствуется в архитектуре высотного здания гостиницы «Ленинградская» на Комсомольской площади. Поляков в своем творении учитывал своеобразие исторически сложившегося ансамбля Каланчевской площади. Здание гостиницы выделяется среди других высотных зданий Москвы красочностью и своеобразием декоративных деталей. За проект гостиницы «Ленинградская» Поляков в 1949 г. получил Сталинскую премию [9, с. 209].

Огромным самостоятельным разделом общенародной созидательной деятельности в послевоенные годы стало промышленное строительство. В деятельности архитекторов соединялись рационально-реалистическое и символическое направления, что наиболее выразилось в архитектурных программах, связанных с «Великими стройками коммунизма», которые выдвинули перед советскими зодчими сложные творческие задачи. Эти стройки должны были радикально преобразовать советскую действительность, изменить ландшафт страны. Они включали создание сети мощных гидроэлектростанций с гигантскими плотинами и искусственными водохранилищами. К ним добавлялись

¹ Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 433.

ирригационные системы и воднотранспортные пути, которые соединяли моря на юге и на севере. Эти грандиозные гидротехнические сооружения должны были заложить основы архитектуры коммунистической эпохи. Они стали сооружениями не только индустриальными, но и общественными. О том значении, которое имело освоение опыта русской классики для их проектирования, можно судить по архитектуре одного из первых гигантских гидротехнических сооружений коммунизма – Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина, проект которого был выполнен архитектурным коллективом Гидропроекта под руководством Полякова.

Министерству внутренних дел СССР поручили проектировать и реализовывать на практике «Великие стройки коммунизма», поскольку массовое использование труда заключенных обеспечивало быстроту реализации этих грандиозных планов. В МВД СССР было образовано новое подразделение – Главстройпроект, руководимое генерал-полковником И.А. Серовым, который в годы войны был начальником СМЕРШ. Главным куратором строек стал министр Л.П. Берия. Архитекторов-проектировщиков объединили в Гидропроекте (начальник – академик С.Я. Жук), предоставив им относительную автономию для обеспечения технической эффективности проектов. На архитектуру надводных сооружений первой стройки – Волго-Донского канала – в 1950 г. объявили закрытый конкурс, в результате которого был сформирован авторский коллектив во главе с Поляковым и в составе С. Бирюкова, Г. Васильева, С. Демидова, А. Ковалёва, В. Мусатова, А. Рочегова, Ф. Топунова, Р. Якубова. В 1951 г. были готовы все рабочие чертежи². Жюри конкурса отдало предпочтение работе мастерской Полякова. Он согласился после конкурса возглавить архитектурную деятельность всего Гидропроекта при условии независимости архитекторов от решений строителей и министерских начальников [6, с. 177].

Волго-Донской канал проходит по местам, связанным с событиями Великой Отечественной войны. Сложные гидротехнические сооружения Волго-Дона отражают героику Сталинградской битвы. Замыкает сооружения канала арка шлюза № 13, воздвигнутая на месте соединения ударных группировок Сталинградского и Юго-Западного фронтов 23 ноября 1943 г., окруживших 330-тысячную нацистскую армию [12, с. 252].

В то же время сооружения канала воплощают в художественной форме пафос созидательного труда советского народа. Авторы проекта

² Яралов Ю.С. Архитектура Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина. М., 1955. С. 12.

предложили крупномасштабную монументальную архитектуру, объединявшую раскинувшийся на сотни километров пространственный комплекс. Сооружения Волго-Донского канала на фоне бескрайних просторов Заволжских степей производят одинаково сильное впечатление как с близких, так и с очень дальних дистанций. Поляков придавал огромное значение этому проекту. По его мнению, советские архитекторы должны были придерживаться образцов русской архитектуры классического периода. Поляков в своих творческих поисках использовал огромный архитектурный опыт прошлого, обратившись к традициям русской архитектуры начала XIX в. По замыслу архитектора, все сооружения должны были представлять единый архитектурный ансамбль, не разбиваясь на множество разнообразных деталей. Он считал, что это должно стать основным правилом как для Волго-Донского канала, так и для любого сооружения, которое он собирался проектировать. Стремление к ансамблевости, свойственной русскому зодчеству того времени, как нельзя лучше соответствовало тем художественным требованиям, которые стояли перед архитекторами, строившими Волго-Донской канал.

Вход в канал спроектирован в виде колоссальной триумфальной арки. Традиционная в архитектуре форма, наполнившись новым идейным содержанием (под ней теперь проходили не люди, а корабли), существенно трансформировалась. Колоссальные размеры арок канала и их расположение среди открытых пространств потребовали новых композиционных решений. В отличие от традиционных арок, в т.ч. периода русского классицизма, рассчитанных на восприятие с близких точек, триумфальные арки канала прежде всего были ориентированы на далекие перспективы. Отсюда главное внимание, как и во всех сооружениях ансамбля, на силуэт, объемное решение.

В архитектурном образе входной арки Волго-Донского канала Поляков развил русскую национальную трактовку классической архитектурной формы. Причем он нашел схемы сооружений не только выразительные, но и функционально целесообразные, что давало впечатляющую насыщенность. К числу наиболее характерных сооружений канала относится также ряд шлюзов, образующих ступени своеобразной водной лестницы, помогающей судам преодолевать рельеф водораздела. Система была задумана как линейно растянутый мемориал, восприятие которого должен был обеспечить сам характер движения по каналу – с остановками в шлюзах, сооружения которых становились архитектурными акцентами, и перемещениями между шлюзами. Все сооружения Волго-Донского канала, которые трактовались как монументы, объединялись общей стилистической характеристикой. Именно это стилистическое единство связало воедино не только пространственно разобщенные,

но и буквально на сотни километров раскинувшиеся сооружения, спаяв их в гармоническое целое. Основные сооружения канала и Цимлянского гидроузла были решены в крупных объемах с ярко выраженным силуэтом, массивными формами и членениями.

Всему ансамблю канала свойственно стремление к цельности архитектурной композиции. Единство и монолитность этого архитектурного сооружения как нельзя более соответствует огромным просторам Цимлянского моря. Необычайная жизненность и гибкость традиций русской классической архитектуры позволили создать органическое сочетание монументальной архитектурной формы со сложными электротехническими устройствами современных промышленных сооружений. Весь канал Волго-Дона насыщен сложной техникой. Она дополняет облик канала, усиливает его специфичность. Так здесь родился своеобразный синтез архитектуры и техники. Архитектурный ансамбль канала – еще одно убедительное доказательство того, насколько плодотворным являлось творческое освоение советскими архитекторами традиций русского классического искусства.

В то же время нельзя сказать, что это освоение нашло в архитектуре канала Волго-Дона совершенное и законченное выражение. Подчас декоративные элементы, использованные в избытке, перегружают архитектуру, делают ее чрезмерно пышной, но в целом их важная роль в сложении архитектурно-художественного ансамбля несомненна. В отдельных узлах Волго-Донского канала стремление возродить красоту и своеобразие русского классического зодчества принимает самодовлеющий характер.

Архитектуру канала много критиковали. Традиционное мышление видело в свободе обращения с архитектурным языком нарушение незыблемых академических канонов. «Желая отойти от прообразов и создать совершенно новую архитектуру, авторы шли на неоправданное нарушение установившихся закономерностей сложения архитектурных пропорций и форм», – писал Ю.С. Яралов³. Но ясно, что авторы проекта сознательно ставили перед собой задачу художественного отображения победы советского народа. Отсюда тема триумфальных арок как ведущая тема шлюзовых сооружений, отсюда грандиозность, подчеркнутая торжественность архитектуры, даже вопреки функциональным требованиям. Отдельные недостатки в архитектуре канала, конечно, лишь в незначительной степени ослабляют выразительность этого грандиозного архитектурного комплекса. Автор трудов по истории

³ Яралов Ю.С. Архитектура Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина. М., 1955. С. 29.

и теории архитектуры и градостроительства А.В. Иконников отмечал: «Интересно, что во время работы на Волго-Донском канале Л. Поляков всегда находил верное композиционное решение шлюзов, подчеркивающее их функциональность. Тем не менее его постоянно критиковали за излишний монументализм. Л. Поляков всегда считал, что визуальный и технический аспекты должны быть в гармонии, задача же архитектора – добиться единства художественного образа с его техническим воплощением» [11, с. 108].

Весь комплекс гидротехнических сооружений Волго-Дона связан единым замыслом, единым архитектурным характером и производит сильное впечатление своей художественной монолитностью. Для многих архитекторов послевоенного времени проект Волго-Донского канала, где были использованы различные вариации советского монументального классицизма, считался образцовым. Для будущих архитекторов огромную роль сыграла общая атмосфера художественной взыскательности вокруг архитектуры Волго-Дона и ряда других гидротехнических сооружений того времени – «Великих строек коммунизма».

После войны советское государство нуждалось в демонстрации стабильности общества. Поэтому на протяжении десяти послевоенных лет «классическое» занимало прочное место в профессиональном сознании советских архитекторов. Ансамбль Волго-Донского канала символизировал для всех упорядоченность мира. Опыт героизированной архитектуры и в наше время не окажется лишним.

В середине 1950-х гг. возник политический и социальный заказ на новые архитектурные формы. Классика должна была уступить место рациональности. В предисловии к коллективному труду «Основы теории советской архитектуры» (1958 г.) объяснялось, что самой важной причиной, настоятельно диктующей перестройку архитектурно-строительного дела, стало развитие производства идущего к коммунизму советского общества. Именно его требования порождали необходимость индустриализации строительства и типового проектирования, массовости и экономичности строительства⁴. Действительный член Академии архитектуры СССР И.В. Жолтовский в статье «О некоторых принципах крупнопанельного домостроения», которая вышла в июле 1953 г. в журнале «Архитектура СССР», писал о «необходимости предельного сокращения количества типов и размеров панелей»⁵.

⁴ Основы теории советской архитектуры. М., 1958. С. 5.

⁵ Жолтовский И. О некоторых принципах крупнопанельного домостроения // Архитектура СССР. 1953. № 7. С. 4–6.

Хрущёвский модернизм формировался на идеологически заданной волне борьбы с классицистической культурой сталинского ампира. В прессе бесконечно и на все лады писалось о рациональном удешевлении и ускорении строительства. Сторонники радикальных мер в проектировании и строительстве получили возможность выполнять контрольные функции при государственных органах по отношению к такому фактору, как экономичность⁶.

Выступая 7 декабря 1954 г. на Всесоюзном совещании строителей, подготовленном Отделом науки и культуры ЦК КПСС⁷, Н.С. Хрущёв доказывал необходимость десталинизации советской архитектуры. Он постоянно приводил примеры расточительства и материального ущерба «эстетского формализма». Хрущёв объявил войну пилястрам, фронтонам и балюстрадам⁸. На совещании он грубо одергивал президента Академии архитектуры А.Г. Мордвинова, обвиняя его в неоправданном завышении стоимости высотных домов, весьма неодобрительно оценивал работу ряда архитекторов. Здесь же, на совещании, был провозглашен принцип перевода массового строительства на индустриальные методы⁹.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» констатировалось, что «архитектурные излишества, украшательство и т.п. извращения, приводили к пренебрежительному отношению к функциональным, техническим, экономическим требованиям нашей архитектуры, к формалистическим искажениям ее идейных и эстетических задач. За основу принимались не практические потребности, а самодовлеющая композиционная форма. Архитектурные сооружения наиболее полно демонстрировали отрыв формы от содержания, отражая крайне одностороннее понимание архитектуры <...>. Исходя из интересов социалистического общества, партия резко осудила эти ошибки в проектировании и строительстве как противоречащие линии партии и правительства в этом деле, наносящие значительный ущерб народному хозяйству»¹⁰.

⁶ Творческие задачи Союза архитекторов СССР // Архитектура СССР. 1953. № 7. С. 5.

⁷ 25 марта 1953 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС был создан Отдел науки и культуры ЦК КПСС. На должность руководителя отдела был назначен А.М. Румянцев. В 1955 г. этот отдел был разделен на два отдела (науки и культуры), как это и было до 1953 г. Отдел культуры ЦК КПСС возглавил Д.А. Поликарпов.

⁸ Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций. М., 1955. С. 402.

⁹ Там же. С. 405.

¹⁰ Основы теории советской архитектуры. М., 1958. С. 19.

В «Постановлении...» особенно большие недостатки были отмечены в облике гостиницы «Ленинградская». Беспощадной критике подверглась неэкономичность решения: небольшое количество номеров при наличии ряда лифтовых групп, недопустимое развитие подсобных и «конструктивных» площадей. Утверждалось, что в результате непродуманной планировки получилось экономически недопустимое соотношение площадей. Жилая площадь составляла примерно лишь одну пятую часть всей площади здания [10, с. 103]. Сами же номера в ряде случаев были запроектированы ниже нормы. Отмечалось, что все второстепенные помещения отделаны с nepозволительной роскошью, что огромный и пышный операционный зал пустует, переходы из одного коридора в другой украшены архаическими коваными вратами церковного типа, вход в лифтовые шахты оформлен порталом, напоминающим древние «царские сени» в соборах. В результате этих излишеств, а также неэкономично запроектированных конструкций, в особенности фундаментов с чрезмерно большими запасами прочности, стоимость 1 кв. м площади в номерах составила 21 360 руб. Для сравнения указывалось, что стоимость 1 кв. м. площади в номерах гостиницы «Москва» была равна 9066 руб. (по балансовой стоимости 1960 г.). Также было отмечено, что расходы по эксплуатации одного места в гостинице «Ленинградская» в 2 раза выше, чем в гостинице «Москва»¹¹.

В постановлении были подвергнуты резкой критике архитектурные и проектные мастерские, ряд крупных архитекторов. Л.М. Полякова и А.Б. Борецкого сделали персонально ответственным за все допущенные их коллегами «архитектурные излишества». В 1955 г. они были показательно лишены звания «Лауреат Сталинской премии второй степени»¹². Постановление стало роковым для судьбы Полякова, уволенного с работы и отрешенного от активного творчества.

На Втором Всесоюзном съезде советских архитекторов 1955 г. критика обрушилась прежде всего на Полякова. Особенно преуспел в этом главный докладчик П.В. Абросимов (один из авторов проекта комплекса зданий МГУ им. М.В. Ломоносова на Ленинских горах), который не столько критиковал Полякова за допущенные излишества, сколько пытался изобразить его нераскаявшимся грешником, злоумышленно упорствующим в своих заблуждениях. «Можно только удивляться упорству т. Полякова, не понявшего всей серьезности своих ошибок и продолжающего до последнего времени защищать свои порочные

¹¹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. 10 ноября 1955 г., № 314. С. 1.

¹² Посохин М.В. Дороги жизни: Из записок архитектора. М., 1995. С. 110.

концепции», – заявил он на съезде¹³. Кстати сказать, на том же съезде Абросимову самому не раз была поставлена на вид слишком хвалебная оценка («литавры» и «фанфары») проекта Волго-Донского канала при обсуждении его в 1951 г. в Союзе архитекторов.

Поспешил публично отречься от Полякова и кое-кто из бывших соавторов, попытавшись представить себя невинной жертвой «авторитета» маститого мастера. Один из членов коллектива, занимавшегося проектированием Волго-Донского канала, Р.А. Якубов на съезде заявил: «Тов. Полякова многие упрекают в том, что на Волго-Доне некритически подошли к освоению наследия русской классической архитектуры. Наш коллектив считает, что эта критика в основном правильна. Ряд сооружений Волго-Дона, действительно, носит на себе отпечаток архитектуры прошлого... Наш коллектив понимает свои ошибки и прилагает усилия к их исправлению. Но оглядываясь на пройденный путь, хочется выяснить, кто же виноват во всех этих серьезных ошибках? Кто, кроме автора проекта, отвечает за то, что такое крупное сооружение, как Волго-Дон, которое знает весь мир, но не может считаться положительным примером советской архитектуры? Я думаю, не ошибусь, если скажу, что главный виновник – та обстановка творческой косности, зажима критики и круговой поруки, которая много лет царила в Союзе советских архитекторов, в Госстрое СССР и в Академии архитектуры СССР. <...> О какой же критике можно было говорить в такой обстановке?»¹⁴.

Слова Якубова были прямо противоположны тому, что он писал ранее. В статье «Архитекторы Волго-Донского водного пути», опубликованной в марте 1952 г. в массовом молодежном журнале «Смена», он так рапортовал о проектировании первого «коммунистического» водного пути: «Уверенно спорится работа большого коллектива, которым руководит один из талантливейших мастеров советской архитектуры, действительный член Академии архитектуры, дважды лауреат Сталинской премии Л.М. Поляков. Он заботливо растит молодые кадры, своим примером учит их высокому мастерству. “Наша задача, – говорит он, – создать такую архитектуру, которая стала бы символом сталинской эпохи”»¹⁵. Сам же Поляков на съезде слова не получил.

Во время беседы Н.С. Хрущёва с руководителями Международного Союза архитекторов 25 июля 1958 г. глава государства снова напомнил, что «наш архитектор Поляков сделал гостиницу на Комсомольской

¹³ Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Стенографический отчет. М., 1956. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 233.

¹⁵ Якубов Р.А. Архитекторы Волго-Донского водного пути // Смена. 1952. № 596. С. 1–2.

площади. Я уже говорил, что, если бы ему эту гостиницу подарить и сказать, что он будет жить на доходы этой гостиницы, – он же погиб, ему не на что было бы жить. Ведь это был бы такой подарок, который привел бы его к голодной смерти. Значит, неразумно, но силуэтно»¹⁶.

Власть повела себя недостойно по отношению к архитектурной профессии. Роль архитекторов в архитектурно-строительном деле была низведена до второстепенной, активная, творческая сторона архитектуры была практически заглушена. Наступила власть строителей, представляющих себе общественное значение архитектуры как второстепенное. Сменилось руководство Союза архитекторов. Сталинских премий лишили Л.М. Полякова, А.Б. Борецкого и Е.В. Рыбицкого (лишь после кончины звания лауреатов им возвратили).

Если рассматривать проблему «власть и творчество», то можно вспомнить архитектурные амбиции крупных государственных деятелей. Общеизвестна роль русских императоров от Петра I до Николая II в стилеобразовании архитектуры, чему посвящена, например, целая серия статей искусствоведа Е.А. Андреевой [1–4]. Руководители государства и в советское время проявляли особый интерес к градостроительству и архитектуре. И.В. Сталин, например, удостоивался в советской печати таких определений, как «архитектор будущего», «гениальный зодчий коммунизма», и принимал активное участие в разработке Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. и крупнейших градоформирующих объектов Москвы (Дворца Советов, метрополитена, высотных зданий и др.). Противоречивая роль Н.С. Хрущёва в развитии советской архитектуры 1950–1960-х гг. общеизвестна.

Вмешательство государственных деятелей в архитектурный процесс в то же время нередко обличало их некомпетентность в сложных и многообразных профессиональных вопросах и неразвитость вкуса. Целый ряд управленческих решений, в т.ч. постановлений партии и правительства, на деле являлись внедрением групповых творческих концепций и установок (новое обращение к классике в начале 1930-х гг., борьба с «излишествами», типовое проектирование, сплошная индустриализация строительства с середины 1950-х гг. и т.п.), а также следствием спротоцированной «сверху» борьбы за власть в профессиональной среде.

Внутренняя неустойчивость модели художественной культуры к внешним волевым воздействиям устраивала власть. Партийно-государственные структуры стремились перевести творческую профессиональную полемику в русло идеологической и политической борьбы. При

¹⁶ Самая благородная и интересная работа – это архитекторов, строителей. Стенограмма беседы тов. Н.С. Хрущёва с руководителями Международного Союза архитекторов 25 июля 1958 г. // Источник. 2003. № 6. С. 94.

этом они идеологизировали не только содержательные, но и формальные аспекты художественного творчества. Теоретики и лидеры творческих течений были застигнуты врасплох. Они не были способны обсуждать творческие проблемы на таком политико-идеологическом уровне.

Поощряемый властью ничем не оправданный перенос творческих споров в идеологическую сферу сделал признанных архитекторов уязвимыми. Как только это становилось возможным, группы новоявленных критиков самозабвенно расправлялись с талантами. Выкорчевывалось все неординарное и своеобразное. Постепенно в архитектуре сформировалось единомыслие. Следует сказать, что некоторые из наиболее «неистовых ревнителей» искренне верили в свою правоту и, как правило, не искали для себя личных выгод. Ряд архитекторов усматривали в теории и практике нашей архитектуры проявление борьбы двух мировоззрений: прогрессивного, материалистического, получившего выражение в практике массовой архитектуры, и пережитков реакционного, идеалистического мировоззрения.

Самые непримиримые и ретивые критики вообще были склонны видеть в архитектурных излишествах не только творческие просчеты, но и опасные идеологические заблуждения. Архитектурные «излишества» подвергались безжалостному обстрелу с непримиримых «классовых» позиций. Примером идеологически чуждой архитектуры, не отвечающей марксистско-ленинскому мировоззрению, ряд архитекторов считали, прежде всего, архитектуру Волго-Донского канала. Высказанные на съезде архитекторов обвинения в адрес Полякова и прозвучавшая там же отрицательная оценка архитектуры канала немедленно были взяты на вооружение чуткими к подобным подсказкам многочисленными архитектурными инстанциями. Такая критика могла привести к полному отрицанию классического наследия.

До настоящего времени промышленные сооружения по художественному уровню архитектуры, за редким исключением, отстают не только от лучших произведений, но и от среднего уровня советского зодчества. В этом плане обращение сегодня к урокам формирования архитектуры всего ансамбля Волго-Донского канала, которому в целом присущ высокий профессиональный уровень решения идейно-художественных задач, имеет глубокий смысл. Благодаря высокому профессиональному искусству авторы архитектурного проекта сумели превратить промышленные сооружения канала в «символ славы страны».

А.В. Иконников через много лет с глубочайшим уважением отзывался о Полякове: «Это был очень интересный человек, которому по целому ряду причин не удалось реализовать себя ни в сталинское время, ни при Хрущеве, когда он оказался даже козлом отпущения. Поляков

был талантливым архитектором, чувствовал архитектуру как бы изнутри. Он мог мыслить, как архитектор XIX века, но никогда не злоупотреблял этим своим даром. Тогда было невозможно нарушать устоявшиеся каноны, и Поляков черпал вдохновение у Виолет-ле-Дюка (так в тексте. – В.Г.), русского архитектора В. Стасова, в стиле ампира и в нарышкинском барокко» [11, с. 107].

Роль яркой личности Л.М. Полякова бесспорна. Он привнес в промышленное зодчество тех лет художественную культуру и возвышенную одухотворенность русского классического искусства. Именно по этой причине представляется принципиально важным восстановить сегодня доброе имя Леонида Михайловича Полякова в истории отечественного зодчества. Архитектура Волго-Донского канала имени В.И. Ленина – одного из последних крупнейших и лучших произведений мастера – дает все основания для такого решения.

Библиографический список / References

1. Андреева Е.А. Неизвестная постройка В.А. Шретера // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. № 4. С. 32–35. [Andreyeva Ye.A. Unknown building of V.A. Shreter. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2011. No. 4. Pp. 32–35. (In Rus.)]
2. Андреева Е.А. Создание шпиля Петропавловского собора на Воткинско-Камском заводе в 1857–1858 гг. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2013. № 1. С. 12–21. [Andreyeva Ye.A. Creation of the spire of the Peter and Paul Cathedral at the Votkinsk-Kama Plant in 1857–1858. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2013. No. 1. Pp. 12–21. (In Rus.)]
3. Андреева Е.А. История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2013. № 4. С. 5–16. [Andreyeva Ye.A. History of urban development of the cities of the Vyatka province (late XVIII – early XX centuries). *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2013. No. 4. Pp. 5–16. (In Rus.)]
4. Андреева Е.А. Влияние петербургской архитектуры на застройку городов Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2015. № 2. С. 27–31. [Andreyeva Ye.A. The influence of St. Petersburg architecture on the development of cities in the Vyatka province at the turn of the XIX–XX centuries. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2015. No. 2. Pp. 27–31. (In Rus.)]
5. Астафьева-Длугач М.И. Рассказы об архитектуре Москвы. М., 1997. [Astafeva-Dlugach M.I. Rasskazy ob arhitekture Moskvu [Stories about the architecture of Moscow]. Moscow, 1997.]
6. Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. II. Ч. 2. М., 1989. [Volkogonov D.A. Triumf i tragediya. Politicheskij

- portret I.V. Stalina [Triumph and tragedy. A political portrait of I.V. Stalin]. Book II. Part 2. Moscow, 1989.]
7. Зодчие Москвы. XX век. М., 1988. [Zodchie Moskvy. XX vek [Architects of Moscow. The twentieth century]. Moscow, 1988.]
 8. Иконников В.И. Архитектура Москвы. XX век. М., 1984. [Ikonnikov V.I. Arhitektura Moskvy. XX vek [The architecture of Moscow. The twentieth century.] Moscow, 1984.]
 9. Корнфельд Я.А. Лауреаты Сталинских премий в архитектуре: 1941–1950. М., 1953. [Kornfeld Ya.A. Laureaty Stalinskih premij v arhitekture: 1941–1950 [Winners of the Stalin Prizes in architecture: 1941–1950]. Moscow, 1953.]
 10. Курбатов В.В. Советская архитектура. М., 1988. [Kurbatov V.V. Sovetskaya arhitektura [Soviet architecture]. Moscow, 1988.]
 11. Латур А. Рождение метрополии. Москва 1930–1955. М., 2002. [Latur A. Rozhdenie metropolii. Moskva 1930–1955 [The birth of the metropolis. Moscow 1930–1955]. Moscow, 2002.]
 12. Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. М, 1986. [Ryabushin A.V. Gumanizm sovetskoj arhitektury [The Humanism of Soviet architecture]. Moscow, 1986.]
 13. Савицкий Ю.Ю. Русское классическое наследие и советская архитектура. М., 1953. [Savickij Yu.Yu. Russkoe klassicheskoe nasledie i sovetskaya arhitektura [Russian classical heritage and Soviet architecture]. Moscow, 1953.]

Статья поступила в редакцию 18.09.2024, принята к публикации 22.10.2024
The article was received on 18.09.2024, accepted for publication 22.10.2024

Сведения об авторе / About the author

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr.Hab. (History); Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-80-92

УДК 323.14

В.В. Бруз

Государственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация

Украинский национализм с середины 1930-х до начала 1960-х гг.

Что представлял собой украинский национализм в предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны и послевоенное время? Был ли это национализм или фашизм? Некоторые авторы исходят из того, что понятия нацизм и фашизм не тождественны. Определенные различия между ними существуют, но они не относятся к принципиальным положениям. Фашизм – это ультранационалистическая авторитарная идеология и движение, для которых характерны расовая исключительность, антисемитизм, милитаризм, тоталитаризм, терроризм, ксенофобия, антикоммунизм и превозношение нации над всем остальным. Что касается нацизма, то это одна из форм фашизма, связанная с нацистской партией А. Гитлера. В статье рассмотрен украинский национализм с точки зрения его соотношения с фашизмом.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, украинский национализм, нациократия, коллаборационизм, этнические чистки, амнистия 1955 г.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Бруз В.В. Украинский национализм с середины 1930-х до начала 1960-х гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 80–92. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-80-92

V.V. Bruz

State University of Education,
Moscow, 105005, Russian Federation

Ukrainian nationalism from the mid-30s to the early 60s XX century

What was Ukrainian nationalism like in the pre-war years, during the Great Patriotic War and the post-war period? Was it nationalism or fascism? Some authors proceed from the fact that the concepts of Nazism and fascism are not identical. However, such a statement is hardly legitimate, although certain differences between them exist, but they do not relate to fundamental provisions. Fascism is an ultra-nationalist authoritarian ideology and movement characterized by racial exclusivity, anti-Semitism, militarism, totalitarianism, terrorism, xenophobia, anti-communism and the exaltation of the nation over all others. As for Nazism, this is one of the forms of fascism associated with the Nazi Party of A. Hitler. The article considers Ukrainian nationalism from the point of view of its relationship with fascism.

Key words: fascism, Nazism, Ukrainian nationalism, collaborationism, natsiocracy, ethnic cleansing, amnesty of 1955

FOR CITATION: Bruz V.V. Ukrainian nationalism from the mid-30s to the early 60s XX century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 80–92. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-80-92

Сотрудничество украинских националистов с фашистской Германией началось еще до начала Великой Отечественной войны. Оно носило отнюдь не случайный характер и базировалось на серьезной идеологической основе. В 1935 г. один из руководителей ОУН (Организации украинских националистов), ее главный теоретик Н. Сциборский опубликовал труд «Нациократия», представлявший собой концепцию украинского национализма. В соответствии с ней, украинская нация – это наивысшая, абсолютная идейная и реальная ценность, ее лозунги:

«Нация превыше всего!», «Украина превыше всего!»¹. В выборе средств освобождения украинской нации от исторических врагов – москалей и поляков (С. Бандера добавил к ним жидов. – В.Б.), национализм не должен ограничивать себя никакими «общечеловеческими» предписаниями «справедливости», милосердия и гуманизма². Таким образом, наряду с абсолютизацией украинской нации, были определены ее враги, для борьбы с которыми предполагалось использование любых средств, включая террор.

Во взглядах Н. Сциборского отчетливо просматриваются идеи Б. Муссолини, который в своем эссе «Доктрина фашизма», опубликованном в 1932 г., сформулировал сущность и принципы фашизма. Муссолини определял фашистское государство, являющееся, по его мнению, абсолютном, первоосновой, как национальное, корпоративное, суверенное и тоталитарное – интерпретирующее, развивающее и управляющее всей жизнью народа, а фашизм как организованную, централизованную, авторитарную, унитарную демократию³. При этом к понятию «демократия» Муссолини подходил не с общепринятой точки зрения, в соответствии с которой демократия – это власть большинства народа, а с «качественной» точки зрения. Отрицая право большинства управлять, он провозглашал «плодотворное и благотворное неравенство» людей и власть меньшинства, выражающего волю и совесть народа⁴.

Н. Сциборский восхвалял фашизм, восхищался его идеологией, организацией, практической деятельностью, лежащими в его основе принципами авторитарности руководства нацией, иерархии, долга и дисциплины⁵. Он подчеркивал, что украинский национализм признает за фашизмом большую историческую заслугу и приближается к нему своим идеологическим содержанием, оставаясь одновременно движением оригинальным и ни от кого не зависимым⁶. То, что Н. Сциборский отмечал существование отличий и особенностей, отнюдь не лишает украинский национализм его фашистской сущности. Как подчеркивал Муссолини, фашизм как идеология и практика – универсален. Будучи итальянским по своим особым институтам, он универсален по своей природе⁷.

¹ Сциборский Н. Нацократия // Небо Славян. Вып. 1. М., 2023. С. 89, 93.

² Там же. С. 90–91.

³ Mussolini B. The doctrine of fascism. URL: <https://timeonhands.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/the-doctrine-of-fascism.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Сциборский Н. Нацократия // Небо Славян. Вып. 1. М., 2023. С. 82.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Mussolini B. The doctrine of fascism. URL: <https://timeonhands.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/the-doctrine-of-fascism.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

На отличительные особенности итальянского фашизма обращают внимание и некоторые российские исследователи. Так, например, Д. Сушков отмечает, что фашизм в Италии отличался, в силу культурно-исторических условий, большей «мягкостью» [4, с. 121]. Правомерность употребления «мягкости» по отношению к фашистскому режиму вызывает определенные сомнения. Тем не менее, это не меняет сущности итальянского режима. Поэтому и существование различий между режимом Муссолини и А. Гитлера не ставят под сомнение то, что это фашистские государства.

В проекте Конституции ОУН (А. Мельника), автором которой был Н. Сциборский, Украина – это суверенное, авторитарное, тоталитарное, корпоративное государство, строящееся на принципах нациократии⁸, вся полнота власти в котором принадлежит украинской нации, которая осуществляется через главу государства – Вождя Нации, олицетворяющего ее суверенитет и единство и избираемого пожизненно⁹. Таким образом, в соответствии с этим проектом, Украина должна была стать фашистским государством.

В инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны», изданной в 1941 г., форма государственной власти на Украине определялась как политико-милитарная диктатура ОУН. Национальная политика в отношении москалей, поляков и жидов – их уничтожение. Власть ОУН должна была наводить ужас на противника и осуществляться в форме террора по отношению к врагам-чужакам и своим предателям¹⁰. В отличие от проекта Конституции, инструкция была руководством к действию, и ее человеконенавистническое содержание осуществлялось на практике, везде, где находилась ОУН.

Таким образом, и теоретики, и руководители украинского националистического движения сами отождествляли его с фашизмом. Сегодня на Украине и в странах Запада об этом предпочитают не вспоминать, отрицают, замалчивают и фальсифицируют историю. Однако следует

⁸ Нациократия – власть нации в государстве на основе организованного и солидарного сотрудничества всех социально полезных слоев, объединенных согласно их общественным и профессионально производственным функциям в представительных органах государственного управления. Принципами нациократии являются: национальная солидарность, надклассовость и «противопартийность».

⁹ Проект Конституции, разработанный ОУН (А. Мельника). URL: <https://constitutions.ru/?p=28835> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁰ Из инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (раздел «Указания на первые дни организации государственной жизни»). 1941 г. URL: <https://rusarchives.ru/online-projects/kak-i-za-cto-my-boremsya-s-polyakami-antipolskaya-programma-oun-v-arhivnyh-dokumentah/iz-instrukcii-borba-i-deyatelnost-oun-vo-vremya-voyny-razdel-ukazaniya-na-pervye-dni-organizacii-gosudarstvennoy-zhizni-1941-g> (дата обращения: 20.05.2024).

признать, что и некоторые современные зарубежные исследователи называют вещи своими именами. Так, по мнению немецкого политолога А. Умланда, специалиста по вопросам современной истории России, Украины и европейского фашизма, совершенно очевидно, что украинские националисты были фашистами, а ОУН была фашистской партией¹¹.

На использование ОУН фашистских методов обращает внимание и американский историк, политолог А. Дж. Мотыль. Он приводит данные, в соответствии с которыми ОУН активно устраняла реальных и мнимых оппонентов, совершив в довоенные годы более 40 убийств или покушений [1, с. 125].

В феврале 1939 г. руководитель ОУН Андрей Мельник писал: «Сегодня... на нашей стороне стоят другие нации – немцы, итальянцы, испанцы, японцы, их победы нацелены на окончательное уничтожение общего врага. В этой битве ведущая роль принадлежит Украине. Насколько быстро завершится эта борьба, зависит от силы и стойкости украинской нации» [цит. по: 1, с. 125]. В наши дни эти слова практически дословно повторяет президент Украины В. Зеленский, заявляя, что сегодня почти все страны мира поддерживают Украину¹², возглавившую «свободный мир», идущую к победе и защищающую «европейские ценности»¹³.

Что касается сотрудничества украинских националистов с фашистской Германией, то оно началось еще до Второй мировой войны. Так, в частности, Служба военной контрразведки Германии (Абвер) создала в 1938 г. в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Бремене и ряде других немецких городов специальные центры подготовки, в которых к началу войны было подготовлено несколько тысяч украинских агентов-националистов для осуществления на территории Польши саботажа, диверсий и подстрекательства национальных меньшинств к насилию против польского населения. В конце 1939 г. на территории южной Польши в Закопане тайная государственная полиция Германии (Гестапо) создала секретную школу по подготовке полицейских, в которой проходили обучение 120 украинцев [1, с. 125–126]. Создавались и другие военные структуры для подготовки украинских националистов.

¹¹ Умланд Андреас: «Если бы не бандеровцы, Кремль изобрел бы что-то еще». URL: <https://davnyum-davno.livejournal.com/399906.html> (дата обращения: 25.03.2024).

¹² Зеленский заявил, что почти все страны мира поддерживают Украину // Общественная служба новостей. URL: <https://dzen.ru/a/YyzheXMedDHI0xiQ> (дата обращения: 29.05.2024).

¹³ Владимир Зеленский заявил, что Украина оказалась одним из лидеров свободного мира // Общественная служба новостей. URL: <https://www.osnmedia.ru/politika/vladimir-zelenskij-zayavil-chto-ukraina-okazalas-odnim-iz-liderov-svobodnogo-mira/> (дата обращения: 29.04.2024).

Уже в 1941 г. по данным, которые приводит профессор Нью-Гэмпширского университета Т. Пиотровский, 15 тыс. украинцев проходили службу в вермахте в качестве разведчиков, парашютистов, диверсантов, переводчиков, а также полицейских [1, с. 126]. Весной 1941 г. немецкие инструкторы осуществляли военную и полицейскую подготовку украинских националистов в Кракове, Закопане и других городах на юго-востоке Польши. Их выпускники поступали в полицейские подразделения по охране концлагерей и полувоенные организации, занимавшиеся военным строительством.

На протяжении Великой Отечественной войны в общей сложности около 1,2 млн советских граждан служили в частях вермахта, СС, полиции и оккупационной администрации. Эти коллаборационисты, по мнению американского историка, профессора Дж. Бердса, стали фактически главными участниками уничтожения немцами евреев и других народов на Востоке, а также главной силой в безжалостных антипартизанских акциях Германии и репрессиях советского гражданского населения в 1943–1944 гг. [5, с. 14].

По данным, которые приводит в книге «Гражданские войны в Советском Союзе» американский историк А.Дж. Рибер, немцы призвали 250 тыс. украинцев на службу в пять отдельных формирований, включая Националистические военные отряды, Братства украинских националистов, дивизию СС «Галичина», Украинскую освободительную армию и Украинскую национальную армию, включая батальоны СС «Нахтигаль» и «Роланд»¹⁴.

По данным Рейхскомиссариата Украина, в конце 1942 г. в СС было задействовано 238 тыс. местных полицейских и около 15 тыс. немцев, что соответствует соотношению почти 16 к 1, а к 1944 г. этот показатель вырос до 25 к 1 и, в некоторых районах, даже до 50 к 1 [Там же, с. 13].

Осенью 1944 г. в вермахте служило около 220 тыс. украинцев и около 90 тыс. в рядах Украинской освободительной Армии [1, с. 137].

Руководство украинских националистов проводило политику, направленную на уничтожение всех не принадлежащих к этническим украинцам на территориях, которые они считали «исторически украинскими землями». Это был геноцид в отношении поляков, евреев, русских, а также военных, партийных, советских представителей, т.е. по этносоциальному признаку. Точно такой же осуществляла фашистская Германия в отношении евреев, цыган, народов Советского Союза, командиров и комиссаров Красной Армии, советских и партийных работников.

¹⁴ Ukrainian collaboration with Nazi Germany. URL: https://military-history.fandom.com/wiki/Ukrainian_collaboration_with_Nazi_Germany (дата обращения: 29.04.2024).

В первые дни оккупации Львова подразделения батальона СС «Нахтигаль», Айнзатцгруппа С (оперативный карательный отряд СС) и украинская полиция устроили погром, в ходе которого было зверски убито от 2 до 5 тыс. евреев. Затем было уничтожено еще от 2,5 до 3 тыс. евреев, а в конце июля, в связи с годовщиной смерти С. Петлюры, при активном участии украинской полиции был устроен погром «дни Петлюры», в ходе которого было убито более 1 тыс. евреев [6]. В июле 1941 г. бандеровцы устроили на Западной Украине более 140 погромов, уничтожив от 35 до 39 тыс. человек¹⁵.

После Львова батальон СС «Нахтигаль» осуществлял еврейские погромы на Волыни и в городах Восточной Галиции, а батальон СС «Роланд» – в южных районах Украины.

В июле 1943 г. бандеровцы УПА (Украинская повстанческая армия ОУН) осуществили нападение на около ста польских сел и деревень и только за один день с особой жестокостью и изощренностью уничтожили более 10 тыс. мирных польских граждан, включая женщин, детей, стариков, а всего во время этого геноцида бандеровцы убили от 100 до 250 тыс. поляков¹⁶. Это чудовищное злодеяние бандеровцев вошло в историю под названием Волынской резни, в ходе которой было уничтожено практически все польское население региона. Это был геноцид по отношению к польскому населению. В отрядах УПА были профессиональные садисты – боевики-«резуны», истязавшие свои жертвы топорами, ножами, серпами, вилами, пилами, применяя десятки способов чудовищного умерщвления людей¹⁷.

В Бабьем Яру в Киеве в первые дни оккупации подразделения Айнзацкоманд и украинские националисты Буковинского и Киевского куреней зверски уничтожили свыше 33 тыс. евреев [1, с. 135]. Среди полутора тысяч карателей, участвовавших в убийствах в Бабьем Яру, было 1200 полицаяев из ОУН и 300 немцев¹⁸. В дальнейшем «Буковинский курень» был преобразован в 118 полицейский батальон СС, участвовавший в уничтожении белорусской Хатыни и других деревень, а «Киевский курень» – в 115 полицейский батальон СС.

¹⁵ Turner H. History of Fascism in Ukraine. Part II. The OUN During World War 2, 1941–1945. URL: <https://libya360.wordpress.com/2022/11/05/history-of-fascism-in-ukraine-part-ii-the-oun-during-world-war-2-1941-1945/> (дата обращения: 17.06.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Истребление поляков на Украине. Волынская резня. URL: <https://topwar.ru/144562-istreblenie-polyakov-na-ukraine-volynskaya-reznia.html> (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁸ Зосименко М. Герои Украины в Бабьем Яру. URL: <https://proza.ru/2016/08/07/388> (дата обращения: 30.04.2024).

Подразделения сформированной немцами в 1943 г. из украинских добровольцев 14 пехотной дивизии СС «Галичина» принимали участие в карательных операциях на территории Польши и Западной Украины, а также в подавлении словацкого восстания и борьбе с югославскими партизанами.

Всего за годы Великой Отечественной войны бандеровцы убили 850 тыс. евреев, 220 тыс. поляков, более 400 тыс. пленных советских солдат и 500 тыс. украинцев¹⁹.

Остатки разгромленных Красной армией частей украинских националистов укрылись в Карпатах, на Западной Украине. При этом Абвер еще во время отступления немецких войск с Украины начал создавать там подпольную сеть для продолжения борьбы с Советским Союзом путем подрывной деятельности, терактов, шпионажа. Для руководства националистическим движением была оставлена агентура, устраивались тайники с оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием [1, с. 137].

После завершения Великой Отечественной войны укрывавшихся на Западной Украине националистов продолжили активно поддерживать американцы. В соответствии с Законом о взаимной безопасности, принятом Конгрессом США в октябре 1951 г., предусматривалось выделение 100 млн долларов на военные нужды для любых выбранных лиц, проживающих в СССР или сателлитах и других странах, поглощенных СССР²⁰. Иными словами, речь шла о прямом финансировании американцами диверсионной деятельности против Советского Союза и его союзников.

За период с 1944 по 1953 гг., по официальным данным, бандеровцами было совершено 14 424 бандпроявления, в т.ч. 4904 террористических акта, 195 диверсий, 645 нападений на органы власти, колхозы, МТС, другие учреждения. От рук бандитов ОУН погибло 30 676 человек²¹.

В то же время следует отметить, что борьба с бандеровскими бандформированиями была достаточно успешной. За период с 1944 по 1953 гг. на территории Западной Украины войсками НКВД было уничтожено порядка 153 тыс. бандитов. То есть в соотношении с нашими потерями

¹⁹ Долгополов Н. Кука надо было брать живым. URL: <https://zotych7.livejournal.com/1014637.html> (дата обращения: 30.05.2024).

²⁰ Mutual Security Act Adopted by Congress. Foreign relations of the United States, 1951, national security affairs; foreign economic policy. Vol. I. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d110> (дата обращения: 19.05.2024).

²¹ Справка о количестве погибших советских граждан от рук бандитов ОУН за период 1944–1953 гг. // Ракитянский О. Кровавый след. Зарождение и становление украинского национализма. М., 2022.

примерно 5 к 1. Было арестовано более 134 тыс. и более 203 тыс. было выслано с территории Советской Украины²².

Тем не менее, несмотря на очевидные успехи, полностью покончить со скрывающимися в лесах бандеровцами не удавалось, и это оказывало неблагоприятное влияние на общеполитическую ситуацию на Западной Украине. В этой обстановке советское руководство предприняло меры, которые должны были окончательно решить эту проблему. Осенью 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, в соответствии с которым советское государство, исходя из гуманных соображений, освободило осужденных на срок до 10 лет лишения свободы за пособничество врагу, измену Родине, шпионаж и другие преступления, включая осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Со всех амнистированных снимались судимости и поражение в правах. Амнистия распространялась и на советских граждан, находящихся за границей, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в т.ч. и вовлеченных в антисоветские организации. Были приняты меры к облегчению их въезда в СССР и трудоустройству в Советском Союзе²³. Амнистия не распространялась на совершивших особо тяжкие преступления, максимальное наказание за которые, в соответствии с советским уголовным кодексом того времени, предполагало лишение свободы на срок до 25 лет и смертную казнь.

Здесь следует иметь в виду, что среди амнистированных были и принудительно мобилизованные оуновцами, а также те, кто по малодушию и несознательно, в силу сложившихся обстоятельств пошел на сотрудничество с оккупантами. Были, несомненно, и ярые враги советской власти, добровольно служившие в дивизии СС «Галичина» (при формировании в нее записалось порядка 18 тыс. добровольцев), в батальонах СС «Нахтигаль», «Роланд» и других частях вермахта, полиции и бандформированиях украинских националистов, участвовавших в погромах, карательных акциях против мирного населения.

Можно полагать, что советская власть рассчитывала на то, что амнистированные с благодарностью воспримут этот гуманный шаг со стороны государства и станут добропорядочными и законопослушными гражданами.

²² «Бандеровцы» против НКВД. URL: <https://gornoaltaysk.bezformata.com/listnews/banderovtci-protiv-nkvd/19174777/> (дата обращения: 10.04.2024).

²³ Указ Президиума Верховного Совета СССР Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 410–411.

В краткосрочной перспективе задача по снижению напряженности на Западной Украине была решена. Открытое вооруженное сопротивление скрывавшихся в лесах бандеровцев прекратилось.

Однако со стратегической точки зрения ситуация имела серьезные и, видимо, не до конца просчитанные последствия. Следует отметить, что руководство украинских националистов, по крайней мере, некоторая его часть, прекрасно осознали, что добиться победы вооруженным путем им не удастся. В связи с этим они начали задумываться об изменении тактики. Так, один из руководителей кустового провода ОУН во Львовской области Василь Заставный, незадолго до того, как был ликвидирован в 1950 г. группой НКВД, писал: «Период борьбы с пистолетом и автоматом закончился. Настал другой период – период борьбы за молодежь, период вхождения в советскую власть с целью ее перерождения под большевистскими лозунгами... Наша цель – проникать на всевозможные посты, как можно больше быть в руководстве промышленностью, транспортом, образованием, в руководстве молодежью, прививать молодежи все национальное...» [цит. по: 2, с. 99].

Последний лидер движения ОУН и УПА на Западной Украине Василь Кук, захваченный спецгруппой в 1954 г., также выступил с заявлением о признании Советской власти на Украине законной, отречении от ОУН-УПА и призвал украинское правительство в изгнании и живущих за рубежом украинцев признать СССР и вернуться домой. С подобными покаяниями выступили еще порядка 200 бывших бандеровцев. Они прекрасно понимали, что нет смысла в дальнейшей вооруженной борьбе, нужно сохранять кадры для будущей Украины²⁴.

Эти призывы были услышаны. Из лесов вышли целые подразделения УПА. Будучи амнистированными, они организовывали свои колхозы, создавали партийные и комсомольские организации, становились хозяйственными руководителями.

По итогам амнистии из заключения и ссылки только на территорию Западной Украины вернулись более 20 тыс. активных оуновцев и бандеровцев, из которых не менее 7 тыс. осели во Львове. Порядка 50 тыс. коллаборационистов вернулись из-за границы, значительная часть которых также обосновалась на Украине [3, с. 160].

Всего за период противостояния советской власти и националистического подполья на Западной Украине было амнистировано свыше 77 тыс. участников бандформирований и их пособников²⁵.

²⁴ Стаценко А. Василий Кук: командующий УПА, доживший до независимости. URL: <https://ukrainia-ru.turbopages.org/ukrainia.ru/s/20240111/1052574561.html> (дата обращения: 10.04.2024).

²⁵ Хрущев, Крым, бандеровцы. URL: <https://litobozrenie.com/2020/05/hrushhev-krym-banderovcy/> (дата обращения: 14.04.2024).

Таким образом Украина, особенно ее западные области, оказались наводненными амнистированными и реабилитированными бандеровцами. При этом говорить о том, что все они изменили свои убеждения, вряд ли правомерно. Об этом свидетельствует рост подпольного радикального национализма в республике.

Так, в 1962 г. во Львовской области органами КГБ была ликвидирована подпольная молодежная организация, носившая имя Бандеры. Ее участники присягали на верность «самостийной Украине», обсуждали вопросы борьбы с советской властью, приобретения оружия. Изготавливали и распространяли листовки [2, с. 98].

Некоторые из лидеров ОУН и УПА успешно адаптировались в новых условиях. Например, Василь Галаса – проводник ОУН на северо-западе Украины, член руководства ОУН, захваченный в 1953 г. и приговоренный к десяти годам заключения, был освобожден в 1960 г., переехал в Киев, окончил институт и работал экономистом на предприятии. Василь Кук, после смерти Р.С. Шухевича занимавший посты руководителя ОУН и командующего УПА, отбыв шестилетнее заключение, в 1960 г. вернулся в Киев и был принят старшим научным сотрудником в Институт истории Академии наук УССР (АН УССР) [3, с. 160]. При этом, как утверждает сотрудник КГБ УССР Георгий Санников, занимавшийся его разработкой, В. Кук так и не перешел на нашу сторону. Он был и оставался блестящим конспиратором, умным и матерым врагом²⁶.

Во Львовском университете продолжал преподавать сотрудничавший с гитлеровскими оккупантами профессор Иван Крипякевич. В 1953 г. он стал директором Львовского института общественных наук АН УССР, в 1958 г. – академиком АН УССР, а в 1961-м – заслуженным деятелем науки УССР²⁷.

На неблагоприятную тенденцию, вызванную возвращением в область нескольких десятков тысяч оуновцев и их семей, обращал внимание Л.И. Брежнев секретарь по идеологии Львовского обкома Коммунистической партии Украины В.Е. Маланчук. Будучи доктором исторических наук, специалистом по национальному вопросу на Западной Украине, он хорошо представлял ситуацию и высказывал вполне обоснованные опасения, связанные с активизацией националистических настроений.

На этом фоне происходили изменения в кадровой политике. На партийную и советскую работу началось активное выдвижение местных кадров. Широко практиковался перевод работников с Западной Украины,

²⁶ «Уничтожить бы побольше русских...». Русский Вестник. URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7863> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁷ Хрущев, Крым, бандеровцы. URL: <https://litobozrenie.com/2020/05/hrushhev-krym-banderovcy/> (дата обращения: 14.04.2024).

где многие симпатизировали ОУН-УПА, в центральные, восточные и южные, традиционно русские регионы. Все это оказало определенное влияние на дальнейшее развитие событий на рубеже 1980–1990-х гг.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Украинский национализм в рассматриваемый период, несомненно, представлял собой фашизм или, если точнее, его разновидность, что принципиально сути не меняет. Об этом свидетельствуют взгляды украинских националистов, нашедшие отражение в трудах их теоретиков, документах и материалах. Более того, они сами отождествляли свое националистическое движение с фашизмом.

Активное сотрудничество с фашистской Германией украинских националистов началось еще до начала Второй мировой войны. Оно строилось на фашистской идеологии и совпадении интересов по ряду вопросов.

Геноцид по отношению к польскому, еврейскому и русскому населению, осуществлявшийся созданными националистическими военными отрядами, подразделениями дивизии СС «Галичина», батальонами СС «Нахтигаль» и «Роланд», УПА и т.д., которые принимали самое активное участие в этнических чистках, погромах, карательных акциях против мирных жителей и партизан, проявляя чудовищную жестокость, свидетельствует о фашистской практике украинских националистов. В зверствах по отношению к гражданскому населению, военнопленным они превосходили гитлеровцев.

Бандеровские бандформирования, скрывавшиеся после отступления немецких войск в Карпатах, на Западной Украине, поддерживаемые в первую очередь США, в течение ряда лет продолжали борьбу против советской власти, осуществляли диверсии, устраивали террористические акты, нападали на органы власти.

Проведенные амнистии привели к прекращению вооруженного сопротивления бандеровцев, которые вышли из лесов, изменив тактику борьбы с советской властью. В дальнейшем это имело серьезные негативные последствия, в определенной мере способствовало возрождению фашизма на Украине после обретения ею независимости.

Библиографический список / References

1. Пиотровский Т. Украинские националистические организации и их сотрудничество с нацистской Германией // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2015. № 3. С. 123–145. [Piotrovsky T. Ukrainian nationalist organizations and their cooperation with Nazi Germany. *Bereginya*. 777. *Sova: obshchestvo, politika, ekonomika*. 2015. No. 3. Pp. 123–145. (In Rus.)]

2. Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель» 1953–1964. М., 2002. [Pyzhikov A.V. Hrushchyovskaya «ottepel» 1953–1964 [Khrushchev's "thaw" 1953–1964]. Moscow, 2002.]
3. Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М., 2019. [Spitsyn E.Yu. Hrushchyovskaya slyakot. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godah [Khrushchev's slush. Soviet state in 1953–1964]. Moscow, 2019.]
4. Сушков Д.Д. Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 117–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132 [Sushkov D.D. Fascism and Resistance in Italy in the interpretation of the Communist Party and the Cristian Democratic Party (1943–1948). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 117–132. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132]
5. Burds J. Holocaust in Rovno: The Massacre at Sosenki Forest, November 1941. N.-Y., 2013.
6. Eastern Galicia Region. *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945*. Vol. II. Ghettos in German-Occupied Eastern Europe. G.P. Megargee (gen. ed.), M. Dean (vol. ed.), C.R. Browning (introduction). Bloomington, 2012. Pp. 743–854.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024, принята к публикации 27.08.2024

The article was received on 11.07.2024, accepted for publication 27.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета, Государственный университет просвещения, г. Москва

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

E-mail: vvb54@yandex.ru

М.О. Елисеев

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Идейно-политическое наследие голлизма и современный российский социальный консерватизм

В статье рассматриваются особенности политической философии классического голлизма, позволяющие провести параллель между этим идеологическим явлением и дискурсом современного российского социального консерватизма. Опираясь на анализ доктринальных аспектов конституционной реформы 2020 г., выступлений Президента РФ В.В. Путина и программных установок ведущих политических партий России, автор выявляет схожие с голлизмом идеологемы, характеризующие современную государственную стратегию России, ее направленность на решение актуальных геополитических задач и консолидацию общества в условиях глобальных вызовов. В ряду этих доктринальных элементов автор особо выделяет признание верховенства национальных интересов и государственного суверенитета, установку на сплоченность нации как многопоколенного историко-культурного сообщества, значимость политического лидерства и принципов прямой демократии.

Ключевые слова: идеология, голлизм, социальный консерватизм, плебисцит, Ш. де Голль, В.В. Путин, органическая демократия, суверенитет

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы 124101700545-0 «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Елисеев М.О. Идеино-политическое наследие голлизма и современный российский социальный консерватизм // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 93–103. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-93-103

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-93-103

M.O. Eliseev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Ideological and political heritage of Gaullism and modern Russian social conservatism

The article considers the features of the political philosophy of Gaullism, which allow us to draw a parallel between this ideological phenomenon and the discourse of modern Russian social conservatism. Relying on the analysis of doctrinal aspects of the constitutional reform of 2020, speeches of Russian President V.V. Putin and program guidelines of the leading political parties in Russia, the author identifies ideologemes similar to Gaullism that characterize the modern state strategy of Russia, its focus on solving urgent geopolitical problems and consolidation of society in the face of global challenges. Among these doctrinal elements, the author emphasizes the recognition of the supremacy of national interests and state sovereignty, the attitude to the cohesion of the nation as a multi-generational historical and cultural community, the importance of political leadership and the principles of direct democracy.

Key words: ideology, Gaullism, social conservatism, Ch. de Gaulle, V.V. Putin, organic democracy, plebiscite, sovereignty

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of topic 124101700545-0 “Value dimension of conservative and liberal ideology as a factor in the transformation of the modern political space” with the support of the ANPO “Expert Institute for Social Research” and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

FOR CITATION: Eliseev M.O. Ideological and political heritage of Gaullism and modern Russian social conservatism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 93–103. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-93-103

Социальный консерватизм является одним из наиболее значимых и динамично развивающихся элементов современного идеологического пространства. В условиях кризиса глобализма, угрозы растворения национальных традиций и исторических ценностей, потери культурной идентичности и эскалации межцивилизационных противоречий резко возрастает значимость духовно-нравственных императивов и мировоззренческих установок, способных консолидировать общество и помочь ему ответить на вызовы современности. В полной мере это относится и к Российской Федерации. Распад СССР и последующее за этим открытие культурных и торговых границ с «коллективным Западом», возросшие миграционные потоки и деформация массового сознания создали риски разрыва культурно-исторической преемственности развития российского общества. Перед политической и интеллектуальной элитой России встала задача формирования стратегии национального развития, позволяющей сохранить и укрепить цивилизационное ядро российского общества, обеспечить соответствующие изменения в его политико-правовой и социальной организации. Идеологической основой такой стратегии стал социальный консерватизм: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур... И мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа... Конечно, это консервативная позиция»¹.

Логика становления и развития современного «социал-консервативного тренда» в нашей стране имеет немало исторических аналогий. Один из наиболее ярких примеров – роль голлизма в трансформации французской государственности в середине XX в.

С падением Режима Виши и окончанием Второй мировой войны Франция появилась на карте Европы в роли фактически нового государства. Не только военное поражение 1940 г., но и долговременный кризис Третьей республики оставили руины от французской политической

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 13.10.2024).

системы. Требовалась радикальная перестройка всех ее компонентов и, самое главное, обновление самой политической философии государства. Уже в 1946 г. лидер Временного правительства Франции Шарль де Голль заявлял о необходимости решения этой задачи. Но в полной мере идеологический потенциал голлизма стал очевиден с конца 1950-х гг., когда алжирский кризис послужил триггером для перехода от Четвертой к Пятой республике, вплоть до начала президентского срока Валери Жискар д'Эстена, который постепенно начал отходить от принципов де Голля. По мнению французских исследователей, его политику можно идентифицировать именно как социальный консерватизм [1, с. 141].

Голлисты подчеркивали ключевую роль республиканской традиции в формировании основ современной французской государственности, но считали необходимой радикальную перестройку конституционной системы страны. «Наши жизненно важные интересы оказались под серьезной угрозой, само наше существование как независимой и свободной нации оказалось под угрозой, – рассуждал один из «архитекторов» Пятой республики Мишель Дебре. – Наши институты, мягко говоря, неэффективны... Поэтому цель конституционной реформы ясна. Прежде всего, это попытка восстановить власть, без которой нет ни государства, ни демократии, ни Франции, ни Республики»². Сам Шарль де Голль чрезвычайно резко высказывался по поводу засилья «режима партий», считая его причиной разложения государственной власти. В качестве альтернативы предлагалось возродить демократию, основанную на суверенитете народа Франции, с тем чтобы «этот суверенитет не был разделен между политическими партиями, выражающими различные интересы»³.

Подобная установка отражала не только идеал «сильного государства», но и особое представление об исторической природе французской нации. «Франция возникла из глубины веков, – рассуждал де Голль. – Нация эта существует уже на протяжении многих поколений. И это единство людей обладает своим прошлым, своим настоящим, своим будущим, составляющим неразрывное целое. Поэтому государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее»⁴. Такая позиция является одной из наиболее характерных черт социал-консервативной идеологической

² Debre M. Discours devant le Conseil d'Etat, 27.08.1958. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/textes/debre1958.htm> (дата обращения: 13.10.2024).

³ Голь Ш., де. Мемуары надежд. 1958–1962. М., 2000. С. 11.

⁴ Там же. С. 9.

доктрины, предопределяя особую значимость «политики идентичности» и ценностной консолидации общества. Ее суть емко сформулировал представитель современного неоголлизма Николя Саркози: «Французы хотят остаться французами, и только французами они могут быть, Франция должна искать ресурсы в собственных традициях, а не пытаться копировать чужие образцы»⁵.

По мнению голлистов, государство обладает подлинной легитимностью только в том случае, если власть чтит историю, традиции и культуру французского народа, может эффективно управлять страной, вести ее к процветанию и величию. Величие же нации определяется не ее преобладанием над иными народами, а единством, отражающим историческую связь поколений прошлого, настоящего и будущего. Поэтому любые попытки противопоставить единству нации главенство частных интересов или состязательность парламентской демократии де Голль считал губительными для общества и государства. Суть демократии он видел в достижении народного согласия и выражении народом вотума доверия правящим элитам при условии их эффективных действий и ответственного воплощения воли народа. Именно так де Голль трактовал и создание режима Пятой республики: «Приняв по моему предложению Конституцию 1958 года, наш народ подавляющим большинством голосов осудил пагубный режим, который отдавал Республику на откуп партиям и, в очередной раз, почти сбросил Францию в пропасть»⁶.

Таким образом, ядром политической философии голлизма являлась идея историко-культурного единства нации (исторического союза поколений) как основы национального величия и залога легитимности государства, а также соответствующий взгляд на демократию как органическое, а не состязательное выражение волеизъявления народа. Именно в органической демократии голлисты видели возможность гарантировать главенство свободы и равенства в социальных взаимоотношениях при сохранении и укреплении народного согласия. Де Голль придавал большое значение «возвращению народу слова» [3, с. 178], в том числе практике общенациональных референдумов, считая их плебисцитом доверия народа к деятельности представителей власти [4, с. 44]. При этом ключевая роль в политической «архитектуре» нации, по его мнению, должна принадлежать главе государства: «Наш народ учредил [пост] Президента – Главу государства, лидера Франции, краеугольный

⁵ Саркози Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке. СПб., 2009. С. 94.

⁶ Third address by President Charles de Gaulle prior to the referendum on the Constitution broadcast over French Radio and Television, 18.10.1962. URL: https://web.archive.org/web/20081118225505/http://www.charles-de-gaulle.org/article.php3?id_article=527 (дата обращения: 13.10.2024).

камень институтов, и дал санкцию на проведение реформ референдумом, которые позволяют Президенту напрямую гарантировать стране все, что является наиболее значимым»⁷.

Предоставление Президенту республики системообразующих властных полномочий де Голль не считал угрозой диктатуры, поскольку, по его мнению, диктатура рождается «постоянной погоней за успехом» для «компенсации» народу утраты прав и свободы. Голлистский идеал национального лидера – это «национальный арбитр, далекий от политических распрей, избранный гражданами, на которого возложена задача обеспечения нормального функционирования институтов, обладающий правом прибегать к суждению суверенного народа, ответственный в случае крайней опасности за независимость, честь и целостность Франции и за безопасность Республики»⁸.

Критически относясь к «режиму партий», де Голль призывал не к ликвидации многопартийной системы, а к изъятию у парламента исполнительной власти, т.е. определяющего воздействия на правительство. Поэтому принципиально важным элементом голлистской модели государства являлось четкое и последовательное соблюдение принципа разделения ветвей власти, направление властных институтов только на выполнение собственных функций. Гарантией такого разграничения должна быть высшая юридическая сила Конституции, воля народа как суверена и деятельность избираемого народом президента. Де Голль подчеркивал, что для любой ветви власти руководящими началами должны быть сплоченность, дисциплина и компетентность: «Мы живем в то время, когда титанические силы вовлечены в преобразование мира. Отныне первостепенным для государственных властей является их эффективность и их преемственность»⁹. Соответствующие требования де Голль предъявлял и к самому себе как Президенту республики. Как вспоминал его постоянный пресс-секретарь Ален Пейрефит, «Генерал никогда не говорил: “Я вернулся во власть”. Он говорил: “Я вернулся к делам”»¹⁰.

Нельзя не отметить и тот факт, что неотъемлемой частью деголлевской стратегии возрождения национального величия Франции была

⁷ Third address by President Charles de Gaulle prior to the referendum on the Constitution broadcast over French Radio and Television, 18.10.1962. URL: https://web.archive.org/web/20081118225505/http://www.charles-de-gaulle.org/article.php3?id_article=527 (дата обращения: 13.10.2024).

⁸ Address by Premier Charles de Gaulle outlining the draft Constitution, 04.09.1958. URL: https://web.archive.org/web/20081118172312/http://www.charles-de-gaulle.org/article.php3?id_article=523 (дата обращения: 13.10.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Пейрефит А. Таким был де Голль. М., 2002. С. 407.

активная внешняя политика. Так, Франция отказалась следовать принципу атлантизма, поставила под вопрос сложившийся в годы «холодной войны» биполярный миропорядок, выразила готовность стать опорой в преодолении разногласий между Западом и Востоком. Голлисты поддерживали процесс западноевропейской интеграции, но исходили из принципа «Европа Отечество», а не «Отечество Европа» [5, с. 190]. Преемник де Голля на посту президента Жорж Помпиду отмечал, что «если в будущем появится желание выйти за пределы нации и наполнить какой-либо реальностью понятие “европейской нации”, то достигнуть этого можно, только обратившись ко всему, что есть активного, творческого, духовного в человеке, впрочем, как и в самих нациях»¹¹.

Ключевые идеологемы и аксиологические установки классического голлизма находят самый живой отклик в современных российских реалиях. Дискурсивное пространство российской политики во многом опирается на противопоставление двух образов: с одной стороны, это состояние деградации национальной государственности, угроза социального и ценностного разобщения народа, утраты его исторической субъектности, которые стали результатом распада Советского Союза и деструктивного характера постсоветских реформ, а с другой – построение эффективной «вертикали власти», усиление роли президента как харизматичного лидера нации, устойчивая консолидация парламентского большинства, усиление социальной ответственности российского государства и укрепление его международных позиций, усилия по ценностной консолидации общества и борьба с деструктивными явлениями, угрожающими его единству. Такая «система координат» современной российской политики по многом воспроизводит модель голлистского политического мышления.

Характерно, что еще в 2003 г. в программных установках партии «Единой России» появилось позиционирование их в качестве «социального консерватизма» в сочетании с узнаваемой трактовкой понятия «народ» как «совокупности людей и этносов, образующих российское государство, относящих себя и относящихся к великой русской цивилизации, [включающих] не только нынешнее, но и предшествующие и будущие поколения» [цит. по: 2, с. 82–83]. В полной мере идея исторического союза поколений как основы государственного суверенитета России и стратегии национального развития была раскрыта в конституционных новеллах 2020 г., общественно-политических дискурсах «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и «России как страны-цивилизации» [8, с. 72–73; 9, с. 32–33].

¹¹ Pompidou G. Le noeud gordien. Paris: Plon, 1974. P. 194.

С точки зрения параллелей между политической философией голлизма и современным российским социальным консерватизмом очень показательны не только содержательные аспекты конституционной реформы 2020 г., но и ее процессуальная специфика. Конституционные поправки были не приняты гражданами в ходе референдума, а одобрены «всенародным голосованием» с последующим принятием государственными органами власти. Президент РФ В.В. Путин характеризовал такой плебисцитарный формат как «высшую форму демократии»¹². Если рассматривать саму идею «всенародного голосования» в логике голлистских идей, то речь идет процедуре, которая не раскалывает общество на большинство и меньшинство и, тем более, не превращает Конституцию в предмет «политического торга» партий, а объединяет народ в поддержке сильного и харизматичного лидера, берущего на себя ответственность за инициирование реформы. Это совершенно не означает отказ от партийной системы или классических политических институтов, однако существенно меняет смысловой контекст их действий: плебисцитарная демократия рассматривается как отражение органического единства общества, а особая роль политической инициативы и ответственности лидера нации отражает необходимость исходить из солидарных интересов прошлых, нынешнего и будущих поколений, а не баланса интересов различных социальных групп [7, с. 80].

Такое восприятие сущности политического лидерства тесно связано с характерным и для классического голлизма, и для современного российского социального консерватизма представлением о народе как органическом, а не договорном сообществе. Для де Голля персонификация власти означала особую степень политической ответственности лидера за будущее нации, несущей ответственность перед своим историческим прошлым, что принципиально отличается от роли политических партий¹³. Подобную идею сплоченности народа вокруг лидера, в основе которой лежит осознание своей исторической миссии и цивилизационной самобытности, мы можем наблюдать и в современной общественно-политической жизни России. При этом характерно, что российский политический истеблишмент гораздо в большей степени демонстрирует готовность к идейно-политической консолидации, нежели французские политические партии в период президентства Ш. де Голля. Мы видим

¹² Путин В.В.: «Только всенародное голосование и по сути дела плебисцит должны быть окончательной точкой при принятии решений по поправкам в Конституцию РФ» (05.02.2020). URL: <https://rfsv.ru/law/pravovye-innovatsii/vladimir-putin-tolko-vsennarodnoe-golosovanie-i-po-suti-dela-plebistsit-dolzhen-byt-okonchatelnoi-tochkoi-pri-priniatii-reshenii-po-popravkam-v-konstitutsiiu-rf> (дата обращения: 13.10.2024).

¹³ Голль Ш., де. Мемуары надежд. 1958–1962. М., 2000. С. 12.

беспрецедентное согласие парламентских партий России и, главное, их избирателей в отношении к политике исторической памяти, продвижению императивов традиционных ценностей, признанию необходимости социального единства и преодоления препятствующих ему деструктивных явлений, важности укрепления международного авторитета страны [10, с. 235, 240, 568]. В этом отношении политическая практика современного российского социал-консерватизма более успешна, нежели ее французский аналог.

Отдельно необходимо отметить и еще одну черту, сближающую голлистскую традицию и современный российский социальный консерватизм. Россия, как и Франция де Голля, бросает вызов устоявшемуся мировому порядку, заявляя о неприемлемости «старой мировой системы» и необходимости признать системообразующую роль на мировой арене принципа национального суверенитета. Выход Франции из НАТО и укрепление дипломатических контактов с СССР и Китаем привели к тому, что Франция стала одним из ключевых «актеров разрядки» и «мостом между Западом и Востоком» [6, с. 164, 165]. Подобная роль моста сочетается с признанием особой миссии России, которая не только может выступать ключевым участником в диалоге между Востоком и Западом, но и обладает уникальной исторической субъектностью. «Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо, скорее всего, ее вообще не будет», – отмечает Президент РФ В.В. Путин¹⁴. «Наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией», – писал Ш. де Голль¹⁵.

Отмеченные особенности современного российского социального консерватизма свидетельствуют о востребованности идейно-политического наследия классического голлизма в качестве примера, раскрывающего логику развития консервативного дискурса в условиях модернизационных противоречий и поиска стратегии национальной консолидации.

Нельзя не отметить и тот факт, что обращение к идеям голлизма позволяет скорректировать гротесковые представления о деструктивности «западных идеологий», с большим вниманием отнестись к интеллектуальной и политической истории европейского консерватизма,

¹⁴ Путин В.В. Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай». 14 сентября 2007 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/24537 (дата обращения: 02.12.2023).

¹⁵ Голль Ш., де. Военные мемуары. 1940–1942. М., 2003. С. 23.

частью которой является и российская консервативная мысль¹⁶. При этом, конечно же, нет оснований проводить прямые параллели между политическим курсом современной России и голлистской Франции.

Современный российский консерватизм отражает состояние общества, столкнувшегося с совершенно особыми вызовами, и свидетельством тому является нарастающее значение аксиологического дискурса по сравнению с институциональными преобразованиями. И именно от прочности формируемого в обществе ценностного консенсуса напрямую зависит и жизнеспособность существующей государственной модели.

Библиографический список / References

1. Бирюков С.В., Муляди А. Голлизм: многогранность политического феномена (позиция некоторых французских авторов) // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 130–145. [Biryukov S.V., Mulyadi A. Gaullism: The versatility of a political phenomenon (the position of some French authors). *Etnosocium i mezhnacionalnaya kultura*. 2022. No. 12 (174). Pp. 130–145. (In Rus.)]
2. Зверева Г. Как «Нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 72–84. [Zvereva G. What are “We” to be called now? Formulas of collective self-identification in contemporary Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2009. No. 1 (99). Pp. 72–84. (In Rus.)]
3. Ибрашев Ж.У. Голлизм в политической мысли Франции: дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1984. [Ibrashev J.U. *Gollizm v politicheskoy mysli Frantsii [Gaullism in political thought France]*. Dr. Hab. theses. Alma-Ata, 1984.]
4. Муляди А. 11 тезисов о голлизме // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т. 5. № 1. С. 43–48 [Mulyadi A. 11 theses on Gaullism. *Vestnik obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk*. 2024. Vol. 5. No. 1. Pp. 43–48. (In Rus.)]
5. Нарочницкая Е.А. Политическая философия Шарля де Голля – взгляд из XXI в. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7 (100). С. 188–198. [Narochnickaya E.A. Political philosophy of Charles de Gaulle – a view from the XXI century. *International dimension. Sovremennaya Evropa*. 2020. No. 7 (100). Pp. 188–198. (In Rus.)]
6. Осипов Е.А. Выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г. Причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 163–165. [Osipov E.A. France’s withdrawal from the NATO

¹⁶ Показателен с этой точки зрения проект «Консервативные модернизации в странах “большой восьмерки”», реализованный еще в 2011 г. экспертами партии «Единая Россия» (<https://er.ru/activity/news/konservativnyie-modernizatsii-v-stranah-bolshoj-vosmerki-vedenie>).

- military organization in 1966. *Socialno-gumanitarnye znaniya*. 2023. No. 11. Pp. 163–165. (In Rus.)]
7. Пономарев М.В. Концепт «плебисцитарная демократия» как новелла конституционной доктрины в современной России // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы XVIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) МГЮА имени О.Е. Кутафина. В 5 ч. М., 2021. Ч. 2. С. 76–81. [Ponomarev M.V. The concept of “plebiscitary democracy” as a novelty of the constitutional doctrine in modern Russia. *Novelly Konstitucii Rossijskoj Federacii i zadachi juridicheskoy nauki: Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kutafinskie chteniya) MGYuA imeni O.E. Kutafina*. Moscow, 2021. Part 2. Pp. 76–81. (In Rus.)]
 8. Пономарев М.В. «Солидарность поколений» как категория конституционно-правовой аксиологии // Роль права в обеспечении благополучия человека: сборник докладов XI Московской юридической недели. В 5 ч. М., 2022. Ч. 2. С. 73–77. [Ponomarev M.V. “Solidarity of Generations” as a category of constitutional and legal axiology. *Rol prava v obespechenii blagopoluchiya cheloveka: sbornik докладov XI Moskovskoj juridicheskoy nedeli*. Moscow, 2022. Part 2. Pp. 73–77. (In Rus.)]
 9. Посадский А.В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). С. 31–34. [Posadskij A.V. Discourse of traditional values in the space of Russian constitutionalism. *Kulturologicheskij zhurnal*. 2021. No. 2 (44). Pp. 31–34. (In Rus.)]
 10. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под ред. А.С. Коржевского. В.В. Толстых, И.А. Копылова. М., 2021. [Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii] [Forecasted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions of their neutralization]. A.S. Korzhevsky, V.V. Tolstykh, I.A. Kopylov (eds.). Moscow, 2021.]

Статья поступила в редакцию 25.09.2024, принята к публикации 18.11.2024
The article was received on 25.09.2024, accepted for publication 18.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Елисеев Матвей Олегович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Matvey O. Eliseev – postgraduate student at the Department of New and Modern History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: mo.eliseev@mpgu.su

Международные
отношения:
история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-104-122

УДК 327.8

Е.О. Савченко

Смоленский государственный университет,
214000 г. Смоленск, Российская Федерация

Внешиполитический курс США в отношении Иордании в период администрации президента Джо Байдена

Статья посвящена значению Иордании с точки зрения текущих внешнеполитических приоритетов США на ближневосточном направлении и выявлению ее особенностей в свете имеющего место усиления геополитической напряженности в глобальном масштабе, а также изменения военнополитического присутствия США на Ближнем Востоке. На основании рассмотрения статистических данных по помощи США Иордании и другим странам региона и общего анализа информационного и новостного поля обосновывается значимость данного государства в разрезе как текущего, так и перспективного военнополитического присутствия США на Ближнем Востоке. Указывается на заинтересованность США в продолжении оказания помощи Иордании и причина этого: отказ от такой помощи или даже снижение ее объемов может привести к серьезным негативным последствиям для Иордании и росту вероятности внутреннего кризиса и, как следствие, подрыву позиций США в регионе.

© Савченко Е.О., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, Иордания, Джо Байден

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Савченко Е.О. Внешнеполитический курс США в отношении Иордании в период администрации президента Джо Байдена // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 104–122. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-104-122

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-104-122

E.O. Savchenko

Smolensk State University,
Smolensk, 214000, Russian Federation

The US foreign policy towards Jordan under the President Joe Biden administration

The paper considers importance of Jordan in terms of current US foreign policy priorities in the Middle East. It pays attention to its features in the light of ongoing increase in global geopolitical tensions, as well as changes in the US military and political presence in the Middle East. Based on the consideration of statistical data on the US assistance to Jordan and other countries of the region and a general analysis of the information and news field, the significance of the nation is substantiated in the context of both current and prospective US military and political presence in the Middle East. The conclusion points to the interest of the United States in continuing to provide assistance to Jordan and its reasons, since the refusal of such assistance or even its decrease could lead to serious negative consequences for the latter and an increase in the likelihood of an internal crisis and, as a result, undermine positions of the United States in the region.

Key words: the US foreign policy, the Middle East, Jordan, Joe Biden

FOR CITATION: Savchenko E.O. The US foreign policy towards Jordan under the President Joe Biden administration. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 104–122. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-104-122

В последнее десятилетие отношения США и Иордании активно развились вне зависимости от партийно-политической ориентации администрации США. Политика Белого дома в отношении этой страны региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) носила и на настоящий момент продолжает носить последовательный характер, а ее значение для Вашингтона существенно выросло, и цель данного исследования заключается в изучении специфики двухсторонних отношений в период администрации президента Дж. Байдена.

Как показывает краткое рассмотрение мер и действий США, Белый дом уже не первый год продолжает трансформацию своего курса в отношении Ближнего Востока как региона в целом, так и его отдельных стран, хотя и не всегда последовательно. Однако события 7 октября 2023 г. (нападение ХАМАС на Израиль) и последовавшая реакция правительства Б. Нетаньяху существенно осложнили положение США как в кратко-, так и долгосрочной перспективе. Дальнейшая динамика данной трансформации поставлена под вопрос, поскольку ситуацию в регионе Вашингтон не контролирует – и приход новой администрации после выборов в ноябре 2024 г. вряд ли существенно изменит положение дел.

Если в начальный период администрации Б. Обамы велась активная дискуссия по вопросу значительного сокращения масштаба присутствия США в регионе, то позднее этот вопрос перестал быть актуальным в силу усиления нестабильности, в частности, в Ираке и Сирии. Однако можно говорить, что на втором сроке администрации Б. Обамы сформировалась позиция, предусматривающая серьезное сокращение военнополитического присутствия США в регионе. Но, учитывая последующий приход Д. Трампа к власти и действия его первой администрации, вряд ли можно говорить о том, что указанная позиция была реализована, поскольку в этот период Вашингтон укрепил отношения с Израилем, Саудовской Аравией и Иорданией, а объемы помощи Израилю и Иордании выросли.

Нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. привело к значительным сдвигам не только в регионе, но и в мире, и многие западные аналитики и обозреватели, в т.ч. и те, которые ранее рассуждали о преимуществах глобальной гегемонии США, уже открыто указывают на снижение влияния Белого дома не только на Ближнем Востоке, но и в глобальном масштабе [1]¹.

¹ См. также: Tisdall S. The US isn't the biggest power in the Middle East any more. Iran is. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/13/iran-is-thwith-china-and-russia-behind-it-iran-is-the-big-kid-on-the-block> (date of access: 22.01.2024); Krugman P. The strange decline of the Pax Americana. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/16/opinion/columnists/us-power-republican-party.html> (date of access: 22.01.2024); Rapley J.

Данное событие следует рассматривать как важный водораздел внешней политики США в регионе, однако по состоянию на конец 2024 г. не зафиксированы признаки того, чтобы оно оказало какое-либо существенное влияние на обязательства США по оказанию помощи арабским странам Ближнего Востока, включая Иорданию (а администрация Джо Байдена резко нарастила объем помощи Израилю в конце 2023 г.).

Указанный подход первой администрации Д. Трампа, в целом сохранившийся и при его преемнике Дж. Байдене, привел к критике со стороны экспертов. Так, специалисты аналитического центра RAND Corporation обращали внимание на риски того, что основная помощь США сосредоточена всего на трех вышеуказанных государствах региона [2].

Ряд экспертов (в частности, из Института Брукинга, RAND Corporation, Вашингтонского института ближневосточной политики и др.) в начале 2020-х гг., рассуждая о проблемах внешней политики США на Ближнем Востоке [2; 3; 6²], соглашались с тезисом о том, что в свете снижения обязательств странам Ближнего Востока в целом, «задача политики США состоит в том, как защитить свои оставшиеся и все еще важные интересы на [Ближнем Востоке] в эпоху жесткой экономики и конкуренции за власть как в регионе, так и во всем мире» [6]. Однако, как показала последующая динамика событий, их рекомендации не были учтены должным образом.

Администрация Дж. Байдена не смогла сохранить последовательный характер курса в отношении региона в целом, что было вызвано как ее сосредоточением на внутренних проблемах³, так и осложнением отношений США с ведущими союзниками – Израилем и Саудовской Аравией, у которых традиционно сложились тесные отношения

America is an Empire in Decline. That doesn't mean it has to fall. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/04/opinion/america-rome-empire.html> (date of access: 22.01.2024); Lind M. The last days of Pax Americana. URL: <https://www.newstatesman.com/international-politics/geopolitics/2023/09/last-days-pax-americana> (date of access: 22.01.2024); Commuri M. One step forward, two steps behind: The US shift away from the Middle East. URL: <https://global.upenn.edu/perryworldhouse/news/one-step-forward-two-steps-behind-us-shift-away-middle-east> (date of access: 22.01.2024); Kavanagh J., Wehrey F. The multialigned Middle East. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/multialigned-middle-east-china-influence> (date of access: 22.01.2024).

² См. также: Cook S. Who is hot and who is not in the Middle East. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/02/26/who-is-hot-and-who-is-not-in-the-middle-east/> (дата обращения: 04.04.2023); The Biden administration and the Middle East: Reflecting on the first 100 days. URL: <https://www.mei.edu/publications/biden-administration-and-middle-east-reflecting-first-100-days> (дата обращения: 04.04.2023).

³ The Biden administration and the Middle East: Reflecting on the first 100 days. URL: <https://www.mei.edu/publications/biden-administration-and-middle-east-reflecting-first-100-days> (дата обращения: 04.04.2023).

с республиканскими администрациями. А нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. в значительной степени если не нивелировало, то поставило под вопрос имевшиеся у администрации США достижения (в частности, соглашения Авраама и нормализацию отношений арабских стран с Израилем).

Общая характеристика помощи США Иордании

На фоне вышеуказанного ситуация вокруг Иордании оказалась исключением: в течение первой половины срока администрации Джо Байдена отношения Вашингтона с Амманом вышли на новый уровень, что говорит о росте важности данной страны с точки зрения политики Вашингтона в регионе и указывает на последовательный характер курса США.

К наиболее значимым достижениям данного периода следует отнести подписание в сентябре 2022 г. нового двустороннего меморандума о помощи (сроком на 7 лет, что является беспрецедентным) общим объемом более 10 млрд долларов⁴. Кроме того, в начале 2020-х гг. Белый дом через Агентство международного развития (АМР) выделил Амману 135 млн долларов на борьбу с пандемией коронавируса.

В табл. 1 представлена динамика общей помощи США ключевым странам-союзникам в регионе БВСА. Данные по Иордании включают только следующие направления и программы: ESF, FMF (Foreign Military Financing – Программа оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам), IMET, NADR и иное дополнительное финансирование. Данные по Израилю включают только программу FMF; не включены обязательства США по выделению средств на программы противоракетной обороны в размере 500 млн долларов в год. Фактический размер помощи со стороны США может быть выше.

Указанные ниже показатели не включены в расчеты ввиду того, что в открытых источниках не было выявлено соответствующих сведений о выделении средств. Так, согласно разделу 1226 закона о бюджете США за 2016 финансовый год, министр обороны США уполномочен с согласия госсекретаря США направить на оказание помощи Вооруженным силам (ВС) Иордании на возмещаемой основе до 500 млн долларов.

⁴ Joint statement on the signing of the bilateral Memorandum of Understanding on Strategic Partnership between the United States and the Hashemite Kingdom of Jordan. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-signing-of-the-bilateral-memorandum-of-understanding-on-strategic-partnership-between-the-united-states-and-the-hashemite-kingdom-of-jordan> (дата обращения: 17.10.2024); Mathews S. US boosts assistance to Jordan with “longest and largest” aid package. 16.09.2022. URL: https://www.middleeasteye.net/news/us-boost-aid-jordan-longest-and-largest-aid-package?fbclid=IwAR3CP5I20iOf0PrNvStqG5KmlF6hyn5VfA2CRDusoo126-Lm5U_wcpLEBQc (дата обращения: 04.12.2022).

Таблица 1

Динамика общей помощи США ключевым странам-союзникам в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (обязательства, млн долларов в текущих ценах)

Страна	Финансовый год									
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Египет	1259,80	1353,54	1413,67	1419,30	1430,50	1430,15	1430,30	1430,00	1430,00	1430,00
Израиль	3116,00	3175,00	3100,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00
Иордания	1231,70	1319,83	1525,01	1574,99	1650,00	1650,00	1650,00	1650,00	1650,00	1650,00
Другие страны	1683,10	3523,21	1269,87	1039,71	1076,50	1105,85	1065,70	1266,00	1266,00	1266,00
Итого	7290,6	8392,32	7308,55	7334,00	7457,00	7486,00	7446,00	7646,00	7646,00	7646,00

Источники: [4; 5, р. 9].

Источник данных за 2016 финансовый год – Foreignassistance.gov.

Источник данных за 2022 г. по первым трем странам – Consolidated Appropriations Act, 2022 (<https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-16906/uslm/COMPS-16906.xml>).

Источник данных по первым трем странам за 2023 г. – Consolidated Appropriations Act, 2023 (<https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-17514/pdf/comps-17514.pdf>).

Источник данных по Иордании за 2024 г. – Further Consolidated Appropriations Act, 2024 (<https://appropriations.house.gov/further-consolidated-appropriations-act-2024>).

Также в расчеты не включены 150 млн долларов, которые, на основании Закона о санкционировании средств на национальную оборону на 2016 финансовый год (National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016) могут быть выделены по линии министерства обороны США на возмещаемой основе для целей укрепления государственной границы Иордании⁵.

Особенностью взаимодействия двух стран является то, что Иордания является крупным реципиентом помощи США (см. табл. 1, 2) с акцентом на получение экономической помощи (в отличие от Израиля и Египта). Она сохраняет второе место получателя помощи США в регионе (после Израиля) и первое место – по экономической помощи.

С 2017 по 2021 гг. включительно наблюдалось увеличение оказываемой США помощи Амману, выходящее за рамки подписанных меморандумов, что говорит о том, что Белый дом и Конгресс последовательно продолжают курс на поддержку Иордании. Как показывает рассмотрение бюджетов США за последние годы, среди законодателей Конгресса наблюдается консенсус по этому вопросу.

Исходя из представленных данных (см. табл. 1), можно отметить, что с 2020 г. фактический размер помощи США Иордании был повышен до 1,65 млрд долларов (еще до подписания нового меморандума), т.е. ее размер в период 2020–2022 гг. был почти на 30% выше по сравнению с финансированием, установленным в рамках 5-летнего меморандума, покрывавшего период 2018–2022 гг.⁶

В период 2020–2024 гг. не произошло дальнейшего увеличения помощи в номинальном выражении, а в реальном выражении наблюдалось ее сокращение. Так, с учетом дефлятора, рассчитанного на основании данных Федерального резервного банка Сент-Луиса (<https://fred.stlouisfed.org/>), в 2021 г. к 2020 г. оно было 1,2%, в 2022 г. к 2021 – 5%, в 2023 г. к 2022 г. – 7,3%, в 2024 г. к 2023 г. – 3,1%, а накопленное значение за период составило 17,8%.

Помимо указанных в предыдущих меморандумах сумм, Вашингтон выделял Иордании дополнительные средства, например, для оказания помощи сирийским беженцам, и можно говорить о вероятности выделения дополнительных средств в дальнейшем. Так, в рамках законопроекта H.R.8771, принятого Палатой представителей США 28 июня 2024 г., предполагается выделение дополнительных средств в размере 450 млн долларов (400 млн – на экономическое направление и 50 млн –

⁵ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1735/text> (дата обращения: 04.04.2023).

⁶ Consolidated Appropriations Act, 2022. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-16906/uslm/COMPS-16906.xml> (дата обращения: 04.04.2023).

Таблица 2

**Распределение видов помощи США Иордании
(обязательства, млн долларов в текущих ценах)**

Вид помощи	Год								
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024		
Военная	429,01	428,99	429,00	429,00	429,00	429,00	429,00		
Экономическая	1096,00	1146,00	1221,00	1221,00	1221,00	1221,00	1221,00		
Итого	1525,01	1574,99	1650,00	1650,00	1650,00	1650,00	1650,00		

Источники: данные CRS, расчеты автора.

на программу FMF), что может довести объем общего финансирования до рекордного уровня в 2,1 млрд долларов⁷.

В целом, доля помощи Иордании в общем показателе помощи, выделяемой США странам Ближнего Востока, остается, по расчетам автора, на уровне выше 20%, и в свете принятия меморандума о предоставлении помощи в 2022 г. на настоящий момент не фиксируется предпосылок для снижения данного показателя.

Учитывая динамику двусторонних отношений, следует ожидать, что указанные тенденции сохранятся и в долгосрочной перспективе, несмотря на усиление напряженности на Ближнем Востоке после событий 7 октября 2023 г.

Исходя из представленных в табл. 2 данных, в рассматриваемый период размер оказываемой помощи был, в целом, стабильным, рост в номинальном выражении в 2019 г. к 2018 г. составил 3,2%, а в 2020 г. к 2019 г. – 4,7%, после этого показатель вышел на плато, достигнув уровня 1,65 млрд долларов. Доля экономической помощи колебалась в диапазоне 72–74%, увеличившись с порядка 72% в 2018 г. до 74% в 2020–2024 гг.

Характеристика экономического сотрудничества США и Иордании

Как уже указывалось ранее, Иордания является крупнейшим получателем экономической помощи США в регионе (табл. 3). В абсолютных значениях ежегодный размер экономической помощи составляет более 1 млрд долларов, превышая с 2020 г. 1,2 млрд долларов, а ее доля в общем показателе экономической помощи странам БВСА в период 2018–2023 гг., по расчетам автора, была более 50%, дохода в 2022 финансовом году до 63,8%.

К причинам, которыми можно объяснить выделение таких значительных объемов помощи на протяжении длительного времени, включая и период администрации Джо Байдена, следует отнести общеэкономическую ситуацию в Иордании. Она продолжает характеризоваться негативными тенденциями: в частности, высоким долговым бременем, бюджетным дефицитом, значительной безработицей (особенно среди молодежи) и т.д. Однако их влияние по состоянию на 2024 г. несколько снизилось.

⁷ H.R.8771 – Department of State, Foreign Operations, and Related Programs Appropriations Act, 2025. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/8771/text> (дата обращения: 04.10.2024).

Таблица 3

**Динамика экономической помощи США ключевым союзникам в регионе
Ближнего Востока и Северной Африки (обязательства, млн долларов в текущих ценах)**

Страна	Год								
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024		
Египет	111,87	117,50	130,50	128,35	128,50	128,50	128,50		
Иордания	1096,00	1146,00	1221,00	1221,00	1221,00	1221,00	1221,00		
Другие страны	842,72	593,59	630,85	644,81	564,01	763,90	764,00		
Итого	2050,59	1857,09	1982,35	1994,16	1913,51	1913,40	1913,50		

Примечание. Расчеты автора на основании данных CRS. Израиль исключен из указанной таблицы, поскольку ему экономическая помощь не предоставляется.

Дополнительными факторами стали пандемия коронавируса, что отрицательно сказалось на туризме и привело к выпадению доходов бюджета, а также наличие значительного числа сирийских беженцев на территории страны. В 2021 г. после падения в 2020 г. наблюдался умеренный рост ВВП (порядка 2% или несколько выше), данная тенденция, в целом, сохраняется (по итогам 2023 г. рост ВВП, согласно данным Всемирного банка, составил 2,3%).

Что касается других аспектов двустороннего взаимодействия в экономической сфере, то их вряд ли можно назвать приоритетными и значимыми. С одной стороны, Иордания является одной из пяти стран Ближнего Востока, с которой у США заключено соглашение о свободной торговле (из других крупных союзников Белого дома такое соглашение действует только с Израилем). Также между США и Иорданией действует соглашение о защите прав и интересов инвесторов.

С другой стороны, с точки зрения рассмотрения показателей торгового баланса Иордания не является важным торговым партнером для США. По итогам 2022 г. экспорт Иордании в США составил 2,38 млрд долларов, импорт из США – 1,49 млрд (для сравнения: у Израиля за аналогичный период следующие показатели: экспорт – 21,43 млрд долларов, импорт 14,2 млрд)⁸. Объем прямых иностранных инвестиций из США является незначительным, составляя на 2021 г., по данным Бюро экономического анализа США (BEA), всего 159 млн долларов⁹, при этом с 2017 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению данного показателя.

Особенности военного сотрудничества США и Иордании

Помимо экономического сотрудничества с Иорданией, Вашингтон активно развивает и военно-политическое (в основном, через программу FMF). При администрации Дж. Байдена страна продолжала оставаться третьим крупнейшим в мире реципиентом средств по программе FMF, уступая только Израилю и Египту (первое и второе места соответственно).

С 2018 финансового года объем выделяемых средств по ней составляет 425 млн долларов ежегодно, и данный показатель не пересматривался ни при первой администрации Д. Трампа, ни при администрации

⁸ Arabnews. 07.05.2023. URL: <https://www.arabnews.com/node/2299456/middle-east> (date of access: 22.01.2024).

⁹ URL: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.html#505> (дата обращения: 05.07.2023).

Дж. Байдена, что указывает на сокращение в реальном выражении (согласно вышеприведенным расчетам, оно составляет порядка 17,8% в период 2020–2024 гг.).

Программа FMF обеспечивает поставки ВС Иордании вооружений и военной техники США, боеприпасов, оборудования и снаряжения (в частности, в ее рамках были поставлены боеприпасы для F-16, вертолеты УН-60).

Отдельно следует отметить Программу обучения и подготовки военнослужащих зарубежных стран (ИМЕТ) с примерным объемом финансирования 3,5–4 млн долларов в год. Ее выпускником является, в частности, король Абдалла II, а также руководство иорданских ВС.

Что касается возможностей дополнительного финансирования, то на основании закона «О санкционировании средств на национальную оборону на 2016 финансовый год» по линии Министерства обороны США в рамках бюджета установлены полномочия по выделению дополнительных средств в размере не менее 150 млн долларов для укрепления безопасности государственной границы Иордании, однако в открытых источниках не было выявлено подтверждения того, что данные полномочия были реализованы¹⁰.

Кроме того, по линии Министерства обороны США средства Иордании выделяются и на основании раздела 333 (Section 333) закона «О санкционировании средств на национальную оборону на 2017 финансовый год»¹¹. Согласно данным Государственного департамента США, с 2018 г. (по начало 2021 г.) на основании указанного раздела было выделено 327 млн долларов (за этот период Иордания стала одним из ведущих получателей средств на основании раздела 333)¹².

В рамках наблюдаемой военно-политической конфигурации в регионе важность Иордании, по мнению Дж. Шарпа из CRS, связана преимущественно с фактором сохраняющейся нестабильности в Сирии и Ираке, где продолжают дислоцироваться подразделения ВС США. Иордания имеет общую границу с указанными странами, что позволяет осуществлять снабжение стратегически важной американской военной базы Эт-Танф [4].

¹⁰ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2016. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1735/text> (дата обращения: 04.04.2023).

¹¹ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2943> (дата обращения: 04.04.2023).

¹² U.S. Security Cooperation with Jordan. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-jordan/#:~:text=In%20addition%2C%20the%20Department%20of,largest%20recipients%20of%20this%20funding> (дата обращения: 04.04.2023).

Рост военной значимости Иордании для США в период администрации Дж. Байдена можно объяснить и ухудшением отношений США с Израилем и Саудовской Аравией, а также выводом военных баз США из Катара в 2021 г.

Хотя военное направление с точки зрения размеров обязательств помощи США можно назвать второстепенным по сравнению с экономическим, есть определенные качественные аспекты, рассмотрение которых позволяет говорить о том, что оно становится более важным не только в рамках двусторонних отношений, но и на региональном уровне. В частности, это выражается в следующем:

- сохранение статуса Иордании как основного союзника США вне НАТО (с 1996 г.), что, например, дает возможность получать вооружения и военную технику;
- дислокация на территории Иордании подразделений ВС США (по состоянию на 2022 г. – 3 тыс. военнослужащих [4]);
- продолжение участия в международной антитеррористической коалиции под руководством США против группировки «Исламское государство»;
- продолжение снабжения военной базы «Эт-Танф», расположенной на территории Сирии на иордано-ирако-сирийской границе;
- проведение в регионе крупнейших военных учений, в которых принимают участие не только страны Ближнего Востока, но и союзники США из других регионов;
- выделение по линии Министерства обороны США помощи по программе FMF;
- продолжение использования военных и иных объектов, их предоставления для различных целей, включая подготовку и обучение неправительственных военизированных формирований;
- предоставление военно-воздушных баз для размещения летательных аппаратов различных ведомств США, включая ВС США, а также выполнения широкого круга задач, в т.ч. проведения разведки, обнаружения целей, осуществления боевых вылетов и т.д.

С течением времени военное сотрудничество только усиливалось, а в период администрации Дж. Байдена в 2021 г. было заключено важное двустороннее соглашение о военном сотрудничестве (Defense Cooperation Agreement, DCA), из стран БВСА США заключили такой тип соглашения только с ОАЭ, Катаром и Кувейтом. В нем признается, что присутствие ВС США в Иордании вносит вклад в укрепление безопасности и стабильности страны и региона в целом¹³.

¹³ Defense Cooperation Agreement. URL: <https://www.state.gov/jordan-21-317> (дата обращения: 17.10.2024).

Одной из его первоочередных задач можно назвать обеспечение юридических оснований для беспрепятственного и свободного размещения, нахождения на территории Иордании подразделений, военно-воздушной и наземной техники ВС США, перемещения военнослужащих США с оружием по территории страны, а также их выезда.

Кроме того, данный документ предусматривает предоставление Иорданией доступа подразделениям ВС США к ряду военных объектов (общим числом 11), а также оказание содействия подрядчикам Министерство обороны США.

Оно предусматривает возможность использования ВС США следующих иорданских военных объектов (не считая центров обучения и подготовки): базу ВВС в Азраке; базу ВВС имени короля Абдаллы; базу ВВС имени короля Абдаллы II; военно-морскую базу иорданских ВМС в Акабе; базу ВВС имени принца Хасана; базу ВВС имени короля Фейсала.

Важным элементом военного сотрудничества является проведение военных учений Eager Lion, крупнейших в регионе (до событий «арабской весны» таковыми были учения, проводимые в Египте). В 2020 и 2021 г. Eager Lion были отменены, в 2023 г. – не проводились. Параметры учений 2019, 2022 и 2024 гг. представлены в табл. 4.

Как показало краткое рассмотрение истории проводимых учений, их круг задач и миссий постоянно расширялся, что можно связать с общей нестабильностью в регионе, влиянием начала специальной военной операции на Украине, а также необходимостью поддержания боеготовности подразделений иорданских ВС.

В последние годы круг задач был более-менее стандартным и включал обеспечение киберзащиты и отражение киберугроз, вылеты дальних бомбардировщиков. Отличительной особенностью учений 2022 г. стало выполнение задачи по синхронизации работы систем ПВО и ПРО.

Хотя данные учения и считаются крупнейшими международными в регионе, как правило, в них, в основном, принимали участие военные Иордании и США, а военнослужащие других стран-союзников США (28 в 2022 г.) присутствовали в качестве наблюдателей.

В 2022 г. зафиксирована тенденция к снижению масштаба данных учений и численности принимавших в них участие военнослужащих и международных наблюдателей. Так, если в 2019 г. общая численность участников превышала 8 тыс., то в 2022 г. – только почти 4,5 тыс., при этом по учениям 2024 г. в открытых источниках соответствующие параметры не выявлены.

Таблица 4

Параметры военных учений Eager Lion

Год	Всего стран-участниц	Численность личного состава			Всего	Основные задачи, виды деятельности
		ВС США	ВС Иордании	ВС других стран**		
2019*	30	3700	Нет данных	Нет данных	>8 тыс.	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение региональной безопасности на оперативном уровне • Нейтрализация беспилотных летательных аппаратов (БЛА), используемых террористами для совершения терактов • Отражение киберугроз
2022	30	1700	2200	591	4491	<ul style="list-style-type: none"> • Вылеты дальних бомбардировщиков (B-52) • Отражение киберугроз • Отработка межведомственного взаимодействия и координации • Повышение эффективности контртеррористической деятельности • Синхронизация работы систем ПВО и ПРО • Реагирование на чрезвычайные ситуации • Оказание гуманитарной помощи
2024	34	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	<ul style="list-style-type: none"> • Отработка межведомственного взаимодействия и координации, в т.ч. с гражданскими органами • Оказание гуманитарной помощи, ликвидация чрезвычайных ситуаций • Переборска сил быстрого реагирования с помощью C130 с проникновением в заданные районы

Примечание. Составлено автором по данным открытых источников.

* В 2020 и 2021 г. Eager Lion были отменены, в 2023 г. – не проводились.

** Как правило, личный состав ВС других стран принимает участие в таких учениях в качестве наблюдателей.

Дипломатический аспект отношений между США и Иорданией

В целом, двустороннюю дипломатическую активность в начальный период администрации Дж. Байдена следует оценить как низкую с тенденцией к наращиванию. Так, в 2020 г. (как и в 2019 г.) не было традиционных визитов короля Абдаллы II в США, а произошедшее после пика пандемии восстановление визитов на высоком уровне впоследствии оказалось достаточно скромным: в 2021–2023 гг. состоялось по одному визиту, что, однако, было компенсировано ростом дипломатической активности на уровне госсекретаря.

При этом в издании *The Times of Israel* (03.02.2023) отметили, что иорданский король «стал самым частым иностранным гостем Байдена»¹⁴, что указывает на тесные связи между двумя политиками и ориентацией монарха на Демократическую партию. Он был первым из числа лидеров арабских стран, который посетил США 19 июля 2021 г. с визитом после избрания Джо Байдена, а также первым лидером страны арабского мира, совершившим визит в США после событий 7 октября 2023 г.

В 2024 г. было уже два визита, что, однако, ниже показателей 2014 и 2016 гг. (по три визита). В 2021, 2022 и 2023 гг. король Иордании Абдаллы II посещал США по одному разу. Следует отметить, что последним президентом США, посетившим Иорданию, был Б. Обама в марте 2013 г., а планировавшийся визит Дж. Байдена в Иорданию в октябре 2023 г. был отменен из-за нецелесообразности (в Аммане должна была пройти его встреча с лидерами арабских стран, включая президента Египта, по вопросу возможного урегулирования конфликта между Израилем и ХАМАС).

Что касается дипломатической активности на уровне госсекретаря США, то после паузы в 2020–2022 гг. также можно говорить о тенденции к интенсификации (табл. 5).

Если рассматривать визиты госсекретарей США в рамках региона Ближнего Востока в период 2021–2024 гг., то в его первой половине имело место значительное число визитов в Египет и Израиль, в Иорданию был визит только в 2021 г. (при Д. Трампе Иорданию посещал М. Помпео только один раз – в 2019 г.). Однако в 2023 г. ситуация изменилась: в свете начала конфликта между Израилем и ХАМАС США рассматривали возможность использования Иордании как одной из площадок по его урегулированию, что стало бы усилением

¹⁴ *The Times of Israel*. 03.02.2023. URL: <https://www.timesofisrael.com/biden-hosts-jordans-abdullah-for-third-time-in-nod-to-kings-role-in-region> (date of access: 22.01.2024).

ее региональных позиций (данная ситуация может повториться и при новой администрации Трампа). В период октября 2023 – июня 2024 гг. Э. Блинкен посетил Иорданию 5 раз. Это косвенным образом указывает на повышение значимости Иордании в системе дипломатических приоритетов США.

Учитывая, что Ближний Восток сохранит свое приоритетное значение для новой администрации Трампа, следует ожидать, что отношения США с Иорданией останутся, как минимум, на текущем уровне, но имеется определенный потенциал охлаждения дипотношений в свете теплых отношений Абдаллы II с демократическими администрациями.

Таблица 5

Визиты госсекретаря США Э. Блинкена в Иорданию

Даты	Характер визита, направление	Участие в мероприятиях
26–27 мая 2021 г.	Турне в страны Ближнего Востока (включая Египет)	Встреча с королем, главой МИД
12–13 октября 2023 г.	Турне в страны Ближнего Востока 11–18 октября 2024 г. (Израиль, Египет, Катар, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иорданию)	Встреча с королем, главой Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом
15–16 октября 2023 г.		Встреча с персоналом посольства США в стране
6–7 января 2024 г.	Турне в страны Ближнего Востока (включая Израиль, Египет, Катар, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию)	Встреча с королем, главой МИД
30 апреля 2024 г.	Турне в страны Ближнего Востока (Израиль, Саудовская Аравия, Иордания)	Встреча с королем, главой МИД
11–12 июня 2024 г.	Конференция по гуманитарной помощи Газе в рамках турне, включавшем Францию, Италию, Египет, Израиль, Иорданию	Встреча с королем, лидерами развивающихся стран, включая президента Индонезии Правобо Субianto

Источники: сайт Госдепартамента США state.gov, сайт посольства США в Иордании jo.usembassy.gov

Заключение

На основе проведенной работы можно сформулировать следующие выводы.

1. Стратегия США в отношении Иордании носит долгосрочный и последовательный характер (в отличие от региона в целом). Исходя из текущей динамики двусторонних отношений, можно говорить о том, что она сохранится как на кратко-, так и долгосрочную перспективу, несмотря на потенциал снижения двусторонней дипломатической активности после прихода новой администрации Трампа.

2. На фоне сокращения роли Вашингтона на Ближнем Востоке значение Иордании во внешней политике США в регионе в период администрации Джо Байдена остается более высоким по сравнению с другими странами региона в целом, при этом не фиксируется предпосылок к изменению данной ситуации, хотя, по расчетам автора, с 2020 г. наблюдается сокращение помощи США Амману в реальном выражении.

3. Приоритетом администрации США в отношении Иордании является оказание экономической помощи. При этом Вашингтон продолжает качественное развитие отношений с Амманом и в военной сфере.

4. Администрация Дж. Байдена активно развивала сотрудничество с Амманом и оказывала экономическую помощь, которая, однако, в период ее работы, исходя из представленных в тексте статьи данных, основанных на статистике Федерального резервного банка Сент-Луиса, показала падение в реальном выражении. Следует ожидать сохранения данной тенденции. В свете наблюдаемых в экономике Иордании проблем объема помощи со стороны США следует признать недостаточными.

5. В военном отношении Иордания остается в большей степени второстепенным союзником США в регионе, позволяющим ВС США выполнять скорее вспомогательные задачи (например, транспортно-логистические, задачи материально-технического обеспечения, ведения разведки, подготовки и обучения местных военных и полувоенных подразделений и т.п.). Качественный уровень двустороннего сотрудничества в военной сфере при администрации Дж. Байдена вырос; имеется потенциал его дальнейшего наращивания при новой администрации Д. Трампа.

6. В отношении Иордании новая администрация Д. Трампа с высокой долей вероятности сохранит преемственность нынешнего курса.

Библиографический список / References

1. Cox M., Kitchen N. Power, structural power, and American decline. *Cambridge Review of International Affairs*. 2019. Vol. 32. Issue 6. Pp. 734–752.
2. Culbertson S., Shatz H.J., Stewart S. Renewing U.S. security policy in the Middle East. RAND, 2022.
3. Fishman B. Reexamining U.S. Aid to the Middle East. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/media/6239?disposition=attachment> (дата обращения: 04.04.2023).
4. Sharp J. Jordan: Background and U.S. Relations. CRS, 2022.
5. Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign assistance to the Middle East: Historical background, recent trends, and the FY2022 Request. Washington, 2021.
6. Wittes T. What to do – and what not to do – in The Middle East. URL: <https://www.brookings.edu/research/what-to-do-and-what-not-to-do-in-the-middle-east> (дата обращения: 04.04.2023).

Статья поступила в редакцию 22.09.2024, принята к публикации 06.11.2024

The article was received on 22.09.2024, accepted for publication 06.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Савченко Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета истории и права, Смоленский государственный университет

Evgeny O. Savchenko – PhD in Political Sciences; Associate Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of History and Law, Smolensk State University

E-mail: savchenko_eugene@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

УДК 304.444

А.К. Полянина

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация;
Нижегородский институт путей сообщения –
филиал Приволжского государственного университета
путей сообщения,
603011 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Государственное управление информационной безопасностью детей vs принцип невмешательства в дела семьи

Автором поднимается проблема противоречивости принципов государственной политики в области информационной безопасности детства и таких принципов семейной политики, как невмешательство в дела семьи и презумпции добросовестности родителей при осуществлении ими родительских прав, включая право на защиту ребенка от информации, несоответствующей его возрасту. Отмечаются существенные коллизии наблюдаемых тенденций и источники их возникновения, в том числе бурное технологическое развитие в сфере медиакоммуникаций. Интерпретируются логические взаимосвязи прав и обязанностей субъектов реализации права ребенка на безопасную информационную среду – семьи (родителей) и государства. На основе анализа статистических данных определяется

© Полянина А.К., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

масштаб данной проблемы и возможные негативные социальные последствия. Предлагается концепция управления рисками причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через согласование ресурсов (возможностей) родителей по снижению рисков вреда от информации и их ответственности за непринятие ими мер по защите своего ребенка. Постулируется социальный характер рисков от информации и необходимость признания защиты каждого ребенка публичной (государственной) задачей, а также несостоятельность противопоставления прав ребенка на безопасную информационную среду и прав семьи на контроль информационного поведения ребенка.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, принцип невмешательства в дела семьи, принцип добросовестности родителей, права семьи, риски от информации, запрещенная для детей информация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Полянина А.К. Государственное управление информационной безопасностью детей vs принцип невмешательства в дела семьи // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–135. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

A.K. Polyanina

Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
Nizhny Novgorod Transport Institute –
Volga State Transport University Branch,
Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

State management of children's information security vs the principle of non-interference in family affairs

The author raises the problem of inconsistency between the principles of state policy in the field of information security of childhood and such principles of family policy as non-interference in family affairs and the presumption

of good faith of parents in the exercise of parental rights, including the right to protect a child from information inappropriate to their age. The essential collisions of the observed trends and the sources of their occurrence are noted, including the rapid technological development in the field of media communications. The logical interrelationships of the rights and obligations of the subjects of the realization of the child's right to a safe information environment – the family (parents) and the state – are interpreted. Based on the analysis of statistical data, the scale of the problem and possible negative social consequences are determined. The concept of managing the risks of information harming children's health and development is proposed through the coordination of parents' resources (capabilities) to reduce the risks of harm from information and their responsibility for their failure to take measures to protect their child. The social nature of information risks and the need to recognize the protection of each child as a public (state) task are postulated, as well as the inconsistency of contrasting the rights of the child to a safe information environment and the rights of the family to control the information behavior of the child.

Key words: information security of children, the principle of non-interference in family affairs, the principle of good faith of parents, family rights, risks from information, information prohibited for children

FOR CITATION: Polyanina A.K. State management of children's information security vs the principle of non-interference in family affairs. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 123–135. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

Безопасность понимается в широком смысле как состояние защищенности и реализуется определенными субъектами, обладающими соответствующими возможностями, в отношении объектов, нуждающихся в данном состоянии защищенности. Информационная безопасность есть состояние защищенности от рисков, индуцируемых информационным пространством, поэтому ее реализация осуществляется субъектами, обладающими ресурсами воздействия на риски причинения вреда от информации. Если речь идет об информационной безопасности ребенка, то обеспечение состояние его защищенности от данных рисков означает снижение этих рисков теми субъектами, которые, во-первых, призваны заботиться о ребенке, а, во-вторых, имеют такие возможности. Иными словами, это те субъекты (лица или социальные институты), чей функционал включает заботу о детях как приоритетную задачу.

Решение проблемы эффективного обеспечения информационной безопасности детей предполагает ответы на следующие ключевые вопросы: 1) в чем сущность рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию ребенка; 2) какие меры эффективны для устранения (снижения) этих рисков; 3) кто должен реализовывать эти меры? Ответ на первый вопрос широко освещается и в отечественной и зарубежной научной литературе [6; 8; 9], и в публицистике, и в нормативных актах. Ответ на второй вопрос вызывает множество дискуссий, инициатив и предложений. Ответ на третий вопрос не только недостаточно артикулирован в социальном и правовом пространстве, но связан с разрешением важнейших коллизий и противоречий, а потому и наиболее сложен.

Зачастую ответ на вопрос о субъектах обеспечения информационной безопасности ребенка сводится к выбору одного из двух субъектов: государства или семьи и, соответственно, требует решение вопроса о статусе данного рода безопасности и данного рода рисков. Являются ли эти риски публичными или частными. В первом случае они забота государства, а во втором – семьи. Безопасность ребенка – это публичная задача или частная? На первый взгляд, очевидно, что безопасность каждого ребенка есть задача и приоритет любого государства, что и подтверждается законодательно, но забота и воспитание детей входят в сферу института родительства (института семьи), что также подтверждается законодательством. Остается решить, как соотносятся воспитание ребенка и забота о нем с обеспечением его права на информационную безопасность. И здесь наблюдаются четыре варианта сочетаний: 1) родители «должны и могут» обеспечить защиту своих детей от вредной информации; 2) «должны, но не могут»; 3) «могут, но не должны»; 4) «не должны и не могут». От признания того или иного варианта на политическом уровне зависит в целом ситуация информационной безопасности детей в стране.

Методологические основы исследования соотношения принципов государственной семейной политики и политики в области обеспечения информационной безопасности детей предполагают использование междисциплинарных подходов, количественных и качественных методов, включая анализ количественных данных статистической отчетности и результатов сторонних социологических исследований, а также качественный контент-анализ официальных документов. При этом имеет значение обращение не только к действующим законодательным актам, но и к проектам законов для определения динамики развития представлений о данной проблеме государства как субъекта управления. С этой целью были проанализированы тексты нормативных актов и законопроектов. Поскольку помимо государства и семьи одним

из ключевых субъектов, участвующих в принятии управленческих решений в данной области, выступает гражданское общество и, в частности, уполномоченный по правам ребенка, на основе данных ежегодных докладов было проанализировано его представление относительно поставленной проблемы.

Эмпирическую базу исследования составили данные статистики по структуре потребления информационного контента, типам потребителей, а также демографическая статистика в России. Также использован вторичный анализ социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Применяется разработанный ранее автором процессный подход к анализу ресурсов субъектов управления рисками вреда от информации. Значение принятой методологической матрицы состоит в комплексном описании как самой концепции управления рисками от информации, так и существующего в настоящий момент состояния проблемы обеспечения информационной безопасности детей в России.

Информационная безопасность ребенка является частью социальной безопасности и, в более широком смысле, составляющей его общего благополучия. Роль агента обеспечения благополучия ребенка делят между собой государство и семья. Однако определение границ такого деления есть камень преткновения и проблема, не позволяющая следовать принципам государственной политики обеспечения информационной безопасности детей, принципам, которые на доктринальном уровне сформулированы в Концепции информационной безопасности детей 2023 г. Среди таких принципов значится, например, «ответственность государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере» и «ответственность родителей (законных представителей) за воспитание и развитие своих детей, включая заботу о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей»¹⁵.

Несмотря на имеющееся в настоящее время нормативное регулирование отношений по информационной безопасности детей, наблюдается противоречие между тенденцией приоритизации роли семьи в воспитании ребенка и тенденцией увеличения рисков со стороны информационного пространства и соответствующей реакции общества и государства. Так, в Докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 г. при рассмотрении зарубежного опыта реализации права детей на информационную безопасность отмечается эффективность системы подтверждения личности игроков в онлайн-видеоиграх,

¹⁵ Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г., № 1105-р). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.09.2024).

применяемая в Китае с использованием государственной системы подтверждения личности. Обязательная процедура подтверждения возраста пользователя устройства ограничивает время, которые дети могут проводить за видеоиграми (не более полутора часов в будние дни и трех часов в выходные). Однако, как отмечается уполномоченным, эта мера не может быть применена в России в связи с существующим приоритетом родительского контроля за поведением ребенка и возможным ограничением родительских прав по воспитанию ребенка, в чем и состоит существо принципа невмешательства в дела семьи. Таким образом, можно говорить о том, что использование ресурсов государственного контроля по достоверной верификации возраста пользователя блокируется т.н. презумпцией родительской добросовестности и компетентности (презумпцией семейной заботы) и, соответственно, принципом невмешательства в дела семьи. Презумпция добросовестности родителей при реализации родительских прав и обязанностей, таким образом, логически подкрепляет принцип невмешательства в дела семьи. Иными словами, из представленных выше вариантов признается один: родители «должны и могут» обеспечивать информационную безопасность детей. В этом случае «должны» понимается как существование обязанности по воспитанию и всесторонней защите ребенка, которая закрепляется в Конституции РФ (ч. 2, ст. 38) и Семейном кодексе РФ (ст. 63).

В наших ранних работах утверждалась необходимость разработки механизма привлечения родителей к юридической ответственности за действия или бездействие, выраженные в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по обеспечению информационной безопасности детей при потреблении информационной продукции (допуске к потреблению информационной продукции), не соответствующей их возрасту [2]. Это может быть и административная ответственность (ст. 5.35 КоАП РФ), и семейно-правовая ответственность родителей (ст. 63 СК РФ). Таким образом, можно утвердительно ответить на вопрос о существовании обязанности родителей защищать детей от вредной информации, они «должны».

Как же подойти к ресурсам, имеющимся у родителей для исполнения данной обязанности, «могут» ли они? Ресурсами, необходимыми для снижения рисков от информации, выступают в общем виде компетенции и полномочия. При этом к полномочиям относится вся совокупность мер, представляющая собой т.н. родительскую власть, включая ее экономическую составляющую. А к компетенциям можно отнести знания родителей о характере и источниках рисков, осведомленность о путях их устранения, что в целом определяется всей совокупностью социально-личностных качеств родителя, включая образование, опыт,

культурный уровень, экономические возможности. В этом случае значение имеют знания родителей о рисках, постоянно трансформирующихся под действием технологического развития, а также об имеющихся средствах их превенции. Это знания и о новых каналах коммуникации (например, новых социальных сетях и мессенджерах), и о новых формах деструктивного контента (напр., стриминг), и мониторинг ими законодательства относительно вреда от информации, отслеживание передовых исследований в области психологии и последствий воздействия вредной информации на детей, правильная интерпретация знака информационной продукции, включая определенную степень недоверия к знаку в связи с очевидным стремлением распространителя к снижению возрастной категории и расширению аудитории потребителей, знания в области технологических возможностей фильтрации вредного контента (программные средства родительского контроля). Однако государство, признавая приоритет родителей в деле защиты детей от информации, делегирует им полномочия, но не способно передать компетенции. Компетенции не могут быть переданы, поскольку полностью зависят от факторов, лежащих вне государственно-правового поля, – факторов личностного развития самого родителя. Таким образом, нельзя утверждать реальную возможность родителей всецело обеспечить информационную безопасность своим детям, они «не могут».

Описанное выше обстоятельно указывает на коллизию варианта «должны, но не могут» с универсальным общеправовым принципом единства прав и обязанностей. Наличие родительского приоритета защищать своего ребенка от вредной информации не влечет их обязанности, поскольку отсутствуют ресурсы для реализации данного права. В реальности это влечет к тому, что состояние защищенности ребенка ставится в зависимость от уровня сформированности компетенций родителя, а именно – от уровня развития личности родителя. Таким образом, дети защищены неодинаково в каждой семье, их право на защиту от вредной информации реализуется в разной степени, что прямо противоречит принятым гарантиям прав детей, в соответствии с которыми права каждого ребенка должны охраняться государством. Налицо противоречие гарантирования прав ребенка и презумпции родительской (семейной) добросовестности, что позволяет констатировать нарушение принципа равенства и справедливости.

Согласно данным ВЦИОМ о применении родителями средств контроля за использованием интернета своими детьми, 15% родителей не предпринимают никаких мер для того, чтобы защитить детей от возможных угроз. Демографическая статистика в России в текущем году раскрывает действительное значение этих 15% «добросовестных»

родителей, как иллюстрирует и саму презумпцию добросовестности родителей. Итак, общее количество детей (несовершеннолетних, до 18 лет) России на 1 августа 2024 г. в соответствии с официальной статистикой – 31 860 872 чел.¹⁶ Учитывая, что среднее количество детей в семье в России – около 1,4, 15% родителей воспитывают около 6 млн 690 тыс. детей (15% от 31 860 872 составляет 4 779 130; $4\,779\,130 \times 1,4 = 6\,690\,783$). Таким образом, около 6,7 млн детей в связи с отсутствием какого-либо контроля за информационным поведением со стороны семьи подвергаются риску вреда от информации. По оценкам разных исследовательских групп названо количество детей, сталкивающихся с вредным контентом при пользовании сети Интернет, – от 19 до 55%¹⁷. Из определенного нами количества детей, оставшихся без попечения родителей об их информационном благополучии и защите от вредной информации, это от 1,2 до 3,7 млн детей. Это дети, подвергающиеся риску вреда своему здоровью и развитию в отсутствии родительской заботы и без привлечения тех ресурсов государства, которые могли бы в автоматическом режиме защитить от рисков всю детскую группу. Как минимум, 1,7 млн детей можно назвать «жертвой» недопустимости вмешательства в дела семьи и презумпции добросовестности родителей. Простые расчеты демонстрируют величину проблемы, вытекающей из противоречия двух направлений государственной политики – укрепления семьи и информационной безопасности детей.

Анализ законопроектов, направленных (как декларируется в пояснительных записках) на укрепление семьи и семейных ценностей, позволил выявить некоторые тенденции в области соотносимости прав детей и прав родителей (или даже т.н. прав семьи) и согласиться с критиками отдельных законопроектов¹⁸.

Так, внесенный в 2022 г. проект изменений в Семейный кодекс предполагает введение в качестве принципа семейно-правового регулирования принцип презумпции добросовестности осуществления родителями родительских прав, в соответствии с которым действия родителей

¹⁶ Демография. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁷ За последний год больше половины детей в России сталкивались в интернете со взрослыми и жестокими видео. АО «Лаборатория Касперского». URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/za-poslednij-god-bolshe-poloviny-detej-v-rossii-stalkivalis-v-internete-so-vzroslymi-i-zhestokimi-video?ysclid=m1654qqvkcd564499879> (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁸ Косина А. Отцы или дети: чьи права защищает семейная реформа // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/opinion/242944/?ysclid=m1653xhpb411696530> (дата обращения: 17.09.2024).

считаются добросовестными, т.е. соответствующими правам и законным интересам детей, если иное не установлено вступившим в законную силу решением суда. Также отмечается «недопустимость разрушения или создания угрозы разрушения семьи вопреки воле ее членов, в том числе в случае защиты прав и законных интересов отдельных членов семьи, которые в силу беспомощного состояния или возраста не могут защитить себя самостоятельно»¹⁹, иначе говоря, сохранность семьи авторами ставится выше защиты прав и законных интересов детей. Практически вводится в оборот концепт прав семьи и даже их приоритет перед правами ребенка. Как отмечают критики законопроекта, сложившаяся судебная практика по делам с участием несовершеннолетних детей уже основывается на презумпции добросовестности родителей, с учетом конституционной обязанности родителей заботиться о своих детях²⁰. Однако сама формулировка этой презумпции в тексте законопроекта исключает любые сомнения в законности и добросовестности действий родителей без вступившего в законную силу решения суда и доказывании истцом факта недобросовестности. Применительно к проблеме защиты родителями своих детей от вредной информации остается неясным, кто именно должен будет доказать факт недобросовестности в обеспечении родителями информационной безопасности своего ребенка.

Сомнения в обоснованности презумпции добросовестности родителей в отношениях по обеспечению информационной безопасности определяется недостаточностью их ресурсов по снижению конкретных рисков от информации, а не ошибочностью или устареванием самого принципа приоритета родительского воспитания и контроля за поведением ребенка. Речь идет не столько о злоупотреблении родителями своими правами, сколько об отсутствии у родителей возможностей контроля и управления рисками причинения информацией вреда здоровью и развитию детей, возможностей, которые предполагают фильтрацию всего информационного пространства всегда и во всех ситуациях, обстоятельствах и местах пребывания ребенка, например, в школе, в компании друзей, в загородных лагерях и т.д. Очевидно, что родитель не в состоянии это осуществить и необходима система «очищения»

¹⁹ Пояснительная записка к законопроекту № 157281-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 17.09.2024).

²⁰ Постановление КС от 08.06.2010 № 13-П и определение КС от 06.06.2016 № 1417-О. По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102138926 (дата обращения: 17.09.2024).

(или ограничения доступности вредной информации) в отношении всех детей, значит, такие меры приобретают социальный, публичный характер и относятся к функциям государства. Это подобно, как уже отмечалось [1], централизованной системе очистки водопроводной воды.

Предлагаемый нами процессный подход к рискам от информации предполагает дифференциацию «ресурсоемкости риска» от информации, т.е. востребованности ресурсов для снижения этого риска на каждом из четырех этапах информационного процесса: создание контента, распространение, организация доступа, потребление [7]. При этом ресурсы семьи наиболее задействованы на двух последних этапах – доступ к источнику информации и потребление ребенком информации. Это обусловлено исключительными ресурсами института семьи как главного института социализации ребенка, включая возможности информационного «просвещения», реализация которых, в свою очередь, блокируется простым нежеланием родителей заниматься вопросами информационной безопасности своего ребенка, иными словами, родительской халатностью.

Можно сказать, что именно на этих двух этапах родители, действительно, «должны и могут» предотвращать риски от вредной информации, а на первых двух этапах не только не могут, но и не должны. Однако, с точки зрения презумпции добросовестности родителей, они на всех четырех этапах «и могут, и должны», т.е. способны влиять на процессы, объективно выходящие за пределы их компетенции, например, влиять на правовую формировку вредного контента или его перечень, на поведение провайдера или владельца кинотеатра (онлайн-кинотеатра) и т.д. При этом и на этапе доступа к информации родители ограничены в ресурсах, которые могут быть восполнены государством в лице определенных институтов, прежде всего, института государственного контроля и надзора, института социальной защиты, института образования, института юридической ответственности. Объединение ресурсов государства, среди которых, в первую очередь, выделяются возможности централизованного контроля над оборотом информации и автоматической фильтрации информационного пространства, и ресурсов семьи, представляется сегодня первоочередной задачей. Схематично это представлено на рис. 1.

Линии разграничения в отношении ресурсов и компетенций государства и семьи по управлению рисками причинения информацией вреда ребенку обозначены пределами государственного воздействия, а именно – границами вмешательства в социальные отношения при помощи правовых средств, включая государственное принуждение и возложение юридической ответственности, границами, за которыми данные

отношения, во-первых, не подлежат, а во-вторых, не нуждаются в правовом регулировании [5, с. 227]. В этих границах выражается мера допустимого, но необходимого и достаточного воздействия государства на отношения по управлению рисками. В этом контексте мера допустимого и необходимого проявляется в принятых (ФЗ № 423 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») критериях вреда от информации и устанавливаемых возрастных категориях информационной продукции, а мера достаточного – в разрабатываемых на разных уровнях критериях здоровья и благополучия ребенка с учетом объективной невозможности государства влиять на психологические и культурные аспекты социальной ситуации развития ребенка в семье.

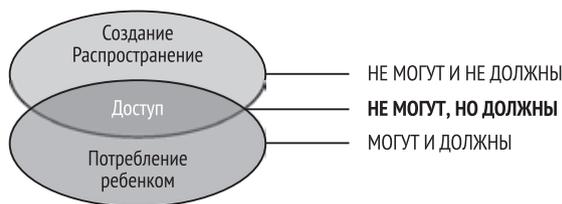

Рис. 1

При этом с социально-психологической точки зрения исключительное значение имеет общая система воспитания ребенка, которая, если полноценно осуществляется в морально-нравственном, психологическом, социальном аспектах, то сама по себе выступает сильным барьером для рисков, а это возможно только через синергию ресурсов всех субъектов, участвующих в защите детей.

Итак, реальная ситуация выражается именно в варианте родители «не могут, но должны» обеспечить всецело информационную безопасность своим детям. Однако государство лишь тогда вправе привлекать к ответственности родителей за непринятие мер защиты детей от информации, когда само использует все имеющиеся ресурсы, включая: фильтрацию всего информационного (прежде всего, сетевого) пространства на предмет запрещенного для детей контента, определение возраста пользователя и автоматическое ограничение доступа, установление разрешительного (лицензионного) порядка доступности запрещенной информации с вменением в обязанности пользователя организацию недоступности данного контента любому ребенку в его окружении, реальное (а не формальное) привлечение к ответственности распространителя запрещенного контента и создателя контента как приобретающего какие-либо выгоды из распространения созданного им запрещенного

контента (лайки, донаты и т.д.), организация государственной системы оценки вредности контента, другие меры. Придерживаясь логики привлечения к ответственности, можно констатировать, что, при наличии возможностей у родителей защитить ребенка от информации, они обязаны это делать, т.е. если «могут», то и «должны».

Как показали несложные статистические расчеты, не менее 1,2 млн детей в России потенциально лишаются права на безопасную информационную среду в связи с непринятием каких-либо мер по защите их от вредной информации как со стороны родителей, так и со стороны государства, следующего принципу «невмешательства» в дела семьи и потому не предпринимающего мер (уже апробированных за рубежом), которые могли бы снизить риски вреда и его социальные последствия. Самоустранение семьи и государства от этой задачи, полагаем, может иметь масштабные негативные социальные последствия. Данная ситуация возникла в связи с признанием приоритета родительской защиты перед государственной даже там, где родители не имеют возможностей влиять на риск, либо где эти возможности требуют профессиональных компетенций.

Применение государственных (централизованных ресурсов) нельзя интерпретировать как вмешательство в дела семьи, но как помощь семье в воспитании ребенка и члена общества. Презумпция добросовестности родителей при осуществлении родительских прав и принцип невмешательства в дела семьи не могут противопоставляться праву ребенка на безопасную информационную среду, защиту его здоровья и развития от вредной информации.

Библиографический список / References

1. Ашманов И.С., Касперская Н.И. Цифровая гигиена. СПб., 2021. [Ashmanov I.S., Kasperskaya N.I. Cifrovaya gigiena [Digital hygiene]. St. Petersburg, 2021.]
2. Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 34–38. [Polyanina A.K. Family and legal responsibility of parents for improper fulfillment of the obligation to ensure the information security of children. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*. 2015. No. 2. Pp. 34–38. (In Rus.)]
3. Полянина А.К. Информационная политика минимального государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 20–24. [Polyanina A.K. Information policy of the minimal state. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. 2023. No. 3. Pp. 20–24. (In Rus.)]
4. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиainдустрии: информационная безопасность детей // Социологические

- исследования. 2021. № 7. С. 83–89. [Polyanina A.K., Grudzinskij A.O. Expert assessments of media industry products: Information security of children. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 7. Pp. 83–89. (In Rus.)]
5. Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2007. [Pyanov N.A. Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava [Actual problems of the theory of state and law]. Irkutsk, 2007.]
 6. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, А.Е. Вишнева и др. М., 2022. [Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E. et al. Rozhdennyye cifrovymi: semejnuy kontekst i kognitivnoe razvitiye [Born digital: Family context and cognitive development]. Moscow, 2022.]
 7. Andreeva Ju., Polyanina A. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security. *E3S Web of Conferences: International Scientific and Practical Conference “Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region” (PDSSED 2023), Urgench, Uzbekistan*. Vol. 449. EDP science, 2023. P. 07009.
 8. Livingstone S., Stoilova M. The 4Cs: Classifying online risk to children (CO:RE Short report series on key topics). Hamburg, 2021.
 9. Jakobson L.I., Mersiyanova I.V. Transformation of civil society organization functions in modern Russia. *Civil society: Concepts, challenges, contexts: Essays in honor of Helmut K. Anheier*. M. Hoelscher, R.A. List, A. Ruser, S. Toepler (eds.). Springer, Cham, 2022. Pp. 333–347.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024, принята к публикации 13.10.2024

The article was received on 05.09.2024, accepted for publication 13.10.2024

Сведения об авторе / About the author

Полянина Алла Керимовна – доктор социологических наук; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Института экономики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин, Нижегородский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения

Alla K. Polyanina – Dr. Hab. (Sociological Sciences); associate professor at the Department of Management and Public Administration of the Institute of Economics, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod; associate professor at the Department of General Education and Professional Disciplines, Nizhny Novgorod Transport Institute – Volga State Transport University Branch, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: Alker@yandex.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2024.4

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.12.2024 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8,5 п. л. Тираж 1000 экз.